

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

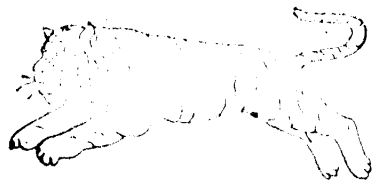
**КОНФЕРЕНЦИЯ
ПО СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ
ГРАММАТИКЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ
(12–14 декабря)**

Предварительные материалы

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1972

42 R.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ АН СССР

КОНФЕРЕНЦИЯ
ПО СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ
ГРАММАТИКЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ
(12—14 декабря)

Предварительные материалы

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1972

Редакционная коллегия:

С.Б. Бернштейн (председатель Оргкомитета)

Вяч. Вс. Иванов, В.А. Дыбо, Р.В. Булатова

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая конференция посвящена памяти замечательного лингвиста В.М.Иллич-Свитыча и приурочена к выходу в свет первого тома его книги "Опыт сравнения ностратических языков. (Семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский)". М., 1971.

Трудно переоценить значение выхода этой книги для науки. В книге впервые в истории науки строго доказывается родство шести больших языковых семей Старого света – семитохамитской, картвельской, индоевропейской, уральской, дравидийской и алтайской, – которые ныне следует считать составляющими большое семейство языков, связанных между собой отдаленным генетическим родством (т.е. происходящими от единого праязыка) – ностратическую макросемью.

Это первая удавшаяся попытка установления генетического родства такой хронологической глубины, и в этом смысле работу В.М.Иллич-Свитыча можно было бы сравнить, пожалуй, только с известной работой Ф.Боппа "О системе спряжения санскритского языка в сравнении с системой греческого, латинского, персидского и германского языков (Франкфурт-на-Майне, 1816 г.), положившей начало сравнительной грамматике индоевропейских языков и тем самым сравнительно-историческому языкознанию вообще.

Было бы ошибочно думать, что у В.М.Иллич-Свитыча не было предшественников. Как только возникло сравнительное языкознание и были очерчены основные семьи языков, подвергшиеся анализу, в поле зрения исследователей стали попадать факты сходств между отдельными морфемами (корнями и реже аффиксами) разных языковых семей, составлялись перечни этих сходств. В ходе развития сравнительного языкознания большинство таких сходств было отвергнуто (т.к. был доказан их вторичный характер – заимствование, случайное совпадение и т.п.), однако часть из них оставалась, и больше того – обнаруживались новые безупречные сходства.

Возникли гипотезы о наличии родства между отдельными языковыми семьями: семитохамитской и индоевропейской, уральской и индоевропейской, уральской и алтайской, уральской и дравидийской. Эти гипотезы первоначально находились, так сказать, в состоянии научной конкуренции, но уже в начале нашего века для отдельных исследователей стало ясно, что факты перекрестных сходств могут, по всей

вероятности, свидетельствовать не о парном родстве, а о родстве целой группы языковых семей. Известным датским лингвистом Х. Педерсенем в 1903 г. был предложен термин для обозначения предполагаемой макросемьи — ностратические языки. Однако сравнительная грамматика ностратических языков не была тогда построена и их родство не было строго доказано, т.к. этому препятствовало зачаточное состояние сравнительных грамматик всех языковых семей, относящихся к ностратической макросемье, кроме индоевропейской и уральской.

Успехи сравнительного языкознания в 30–50-е гг. нашего века в области алтайских, дравидийских, уральских и семитохамитских языков и буквально на наших глазах произошедшее стремительное становление сравнительной грамматики картвельских языков (в работах Мачавариани, Гамкрелидзе, Климова и ряда других исследователей) создали объективные предпосылки для построения сравнительной грамматики ностратических языков.

Естественно, что проблемы "ностратики" стали привлекать к себе внимание многих серьезных исследователей. У нас этими проблемами занялся А.Б. Долгопольский, за рубежом — специалист по сравнительной грамматике уральских языков известный шведский лингвист Б. Коллиндер (первые его работы по уральско-индоевропейскому сравнению появились еще в 30-е гг.), К. Менгес, а также Й. Ангер, Б. Розенкранц и др. Все же этим исследователям не удалось преодолеть полностью то несколько скептическое отношение к данной проблематике, которое установилось в науке в связи с массой откровенно дилетантских работ в этой области.

Первый решительный успех в области "ностратики" выпал на долю В.М. Иллич-Свитыча в 1964 г., когда он в кратких тезисах "Генезис индоевропейских рядов гуттуральных в свете данных внешнего сравнения" (5 стр.), блестяще разрешил одну из основных проблем индоевропейского консонантизма, привлекая уральские и алтайские соответствия. Трудно выразить словами то впечатление, которое тогда произвела эта небольшая работа на специалистов-индоевропейцев. Оно было близко к шоковому — по мере чтения и понимания безупречности сравнения рушилась одна из основных догм, казавшаяся ранее непоколебимой — догма о первоначальности минимального индоевропейского вокализма. Признание исключительного характера этой маленькой работы не замедлило прийти от ветерана индоевропейско-уральского сравнения Б. Коллиндера, который в работе, вышедшей в 1965 г., писал: "Исследование Иллич-Свитыча означает решающий успех в области индоевропейско-урало-алтайского языкового сравнения... Могут возразить, что число опорных этимологических сопоставлений недостаточно для того, чтобы они имели полную доказательную силу. Но в ответ скептикам мы можем воскликнуть вместе с Орестом: "Я советую тебе: не слишком люби солнце и звезды; спустись вслед за мною в туманное царство". Может быть, этот поэтический призыв замечательного шведского ученого послужил одним из стимулов того, что В.М. Иллич-Свитыч предпослал своей книге прекрасный эпиграф — стихотворение, написанное им на ностратическом праязыке (маленькую

модель, которая в сжатом виде показывает, что ему было известно тогда о ностратическом языке и в то же время своим содержанием излагает научное кредо автора, его убежденность в возможностях сравнительного метода).

Последовательное изучение различных сторон ностратической проблематики должно было завершиться сводной обобщающей работой, созданием которой был занят В.М. Иллич-Свитыч в 1966 г., когда трагическая смерть прервала этот титанический труд.

Следует отметить одну особенность этой работы по сравнению с прежними работами В.М. Иллич-Свитыча по ностратике. Там сравнения строились на базе праязыковых реконструкций отдельных языковых семей, и специалист, как правило, знакомый с этимологической "кухней" одной языковой семьи, не мог оценить точность реконструкций других языковых семей, которые входили в сравнение.

В "Опыте..." же дается весь основной материал отдельных "ностратических" языков и последовательно приводятся доказательства реконструкции и разрешаются этимологические трудности, возникающие на уровне отдельных праязыков, а затем доказывается ностратическая реконструкция.

Нет сомнения в том, что книга В.М. Иллич-Свитыча заложит фундамент целой новой научной дисциплины, открывающей новые замечательные перспективы для сравнительно-исторического языкознания, в особенности для сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков.

ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО КОРНЯ
И ЧЕРЕДОВАНИЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ГУТТУРАЛЬНЫХ

1. Становится общепризнанным, что раннеиндоевропейский (РИЕ) корень состоял из двух согласных и силлабемы. Окончательному утверждению этой концепции препятствуют лишь некоторые явления, связанные с нерегулярным вокалическим началом одних корней и с чередованием гуттуральных в исходе других.

2. Интерпретируя РИЕ "ларингальные" фонемы как небные спиранты, мы получаем равновесную фонологическую систему, эволюция которой имеет параллели с хорошо документированным результатом.

3. Приняв допущение, что при построении РИЕ корня все фонемы были равноправными, мы можем рассматривать и такие корни, которые состоят из двух небных спирантов различного образования, а это позволяет удовлетворительно объяснить все случаи нерегулярного вокалического начала в РИЕ корнях.

4. Распространив понятие второго состояния основы на производные от корней с небноспирантным началом или исходом, мы приобретаем возможность единообразно истолковать различные случаи чередования гуттуральных как альтернативу распространителей при одном и том же корне, после чего РИЕ факты, выглядевшие диспаратными, оказываются частью вполне регулярной языковой системы.

ИНДОЕВРОПЕЙСКО-ЕНИСЕЙСКИЕ ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ
ПАРАЛЛЕЛИ

Несмотря на интенсивное исследование енисейских языков в последние десятилетия и на огромный, собранный во время полевых исследований фактический материал по современным диалектам, до сих пор не представляется возможным с уверенностью предпочесть ту или иную гипотезу относительно генетических связей енисейцев и их языков. В данной ситуации любые сходства в общности между енисейскими и другими языками заслуживают пристального внимания независимо от того, какую интерпретацию они допускают: общие генетические истоки, результат древнего контактирования или просто типологическое сходство.

Многие исследователи, основываясь главным образом на словарных сопоставлениях, придерживались гипотезы о наличии генетических связей енисейских языков с языками Юго-Восточной Азии. Поскольку, однако, предложенные этимологии не позволяют построить удовлетворительную систему звуковых соответствий, то относиться к ним следует, очевидно, с осторожностью. К тому же этимологические исследования последних лет по енисейским языкам показывают, что наблюдается не меньшее число енисейско-индоевропейских или — шире — енисейско-ностратических словарных сходжений, причем с такой же степенью вероятности, как и сходжения с языками Юго-Восточной Азии. В этих условиях более надежно, очевидно, предположение, что енисейские, как и некоторые другие языки, представляют собой изолированный "островок", который следует возводить непосредственно к очень архаическому языковому состоянию в Центральной Азии, а наблюдающиеся сходжения можно тогда рассматривать либо как результат длительного контактирования в древности (возможно, в рамках языковых союзов), либо как отражение глубокого родства по теории Свадеша.

Выявление и истолкование индоевропейско-енисейских сходств, независимо от условий их возникновения, бесполезно как для индоевропеистики, так и для енисейского языкознания, так как они позволяют уточнить или по-иному объяснить отдельные процессы и явления как в тех, так и в других языках. Наиболее наглядно это иллюстрирует, пожалуй, сходство в грамматическом роде.

Индоевропейский род, сохраняющийся во многих языках в течение тысячелетий, всегда вызывал недоумение исследователей необъяснимостью своей предметно-смысловой основы, тем, что он семантически обусловлен только по отношению к небольшой группе имен (обозначения людей и животных). Енисейские же факты представляются в этом отношении более прозрачными и позволяют с большой степенью вероятности реконструировать общую для тех и других языков схему возникновения родов.

Принимая вслед за А.П. Дульзоном гипотезу о том, что индоевропейские языки, равно как и уралоалтайские и енисейские, восходят к языковому состоянию с классным построением, можно предположить, что на определенной стадии развития они характеризовались противопоставлением активного и пассивного (одушевленного и неодушевленного) классов, из которых активный в индоевропейском и енисейском позднее расщепляется на мужской и женский. Следует при этом учитывать, что отнесение имен к тому или иному классу в древности было обусловлено мировоззренческими представлениями древнего человека, в силу которых к активному (одушевленному) классу относились и имена, обозначающие фактически неодушевленные предметы и явления. Семантически мотивированная поначалу, данная классификация на более поздней стадии развития, с изменением мировоззренческих представлений людей, предстает уже во многих случаях как немотивированная. Кроме всего прочего, развитию этой тенденции способствовала в дальнейшем и чисто языковая техника (выравнивание, развитие по аналогии и т.д.).

В соответствии с изложенными соображениями и конкретными фактами, подтверждающими их правомерность, двухродовая система в хеттском, на наш взгляд, не инновация, а, как полагают многие исследователи, рудимент более древнего состояния, когда еще не произошло расщепление активного класса на мужской и женский.

Помимо рассмотренных А.П. Дульзоном сходств в глагольном и именном формообразовании енисейских, индоевропейских, урало-алтайских и других языков большой интерес представляет вопрос об исконной конструкции предложения по морфологическому оформлению подлежащего (номинативный или эргативный строй предложения). Особое место, занимаемое родительным падежом в системе именного и местоименного склонения, и особенности оформления субъективно-объективных отношений в глагольных формах дают основания для реконструкции в праенисейском посессивной конструкции, в которой подлежащее, выраженное личным местоимением, ставилось в родительном падеже (эргативе). В качестве эргатива определяется, как известно, и родительный падеж в праиндоевропейском. Кроме того, в енисейском, как и в индоевропейском (по А.Н. Савченко), представляется более правильным связывать наличие эргативной конструкции не с переходностью/непереходностью глаголов, а с глагольными формами действия и состояния (см. работы А.П. Дульзона). Интересно, наконец, отметить, что как в индоевропейском, так и в енисейском парадигма склонения имен у истоков своего становления характеризовала только имена активного (одушевленного) класса. Тут же можно отметить сходные различия между активными и пассивными именами в выражении категории числа. Сходство обнаруживается в том, что при подлежащем во множ. числе, выраженном пассивным именем, глагольная форма остается такой же, как и при подлежащем, выраженном пассивным именем в ед. числе, в то время как при активных именах глагольные формы ед. и множ. числа различны. В системе склонения формы множ. числа пассивных имен обнаруживают отличительные особенности в сравнении с соответствующими формами активных имен.

В области фонетики можно отметить сходные акцентуационные явления, с которыми связаны, с одной стороны, изменения в вокализме аблаутного характера, а с другой – изменения в консонантизме (особенно показательны процессы оглушения и спирантизации енисейского консонантизма, поразительно напоминающие известные "передвижения" в германском консонантизме).

Известные сходства наблюдаются и в сфере словосложения, в частности в образовании атрибутивных композит (наличие так называемых "полносложных" композит с отсутствием соединительных элементов между составными компонентами и "неполносложных" композит с соединительными элементами, развившихся в большинстве случаев из показателей родительного падежа; лексическое побледнение безударных составных компонентов с постепенным превращением их в полуаффиксы и аффиксы).

О СООТНОШЕНИИ СМЫЧНЫХ И ФРИКАТИВНЫХ
В ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ

(К проблеме маркированности в фонологии)

1. После разложения фонемы и расщепления ее на минимальные составные элементы – дифференциальные признаки одной из основных задач фонологического анализа становится определение компонентного состава фонемных единиц в терминах дифференциальных признаков, составляющих определенные пучки, определенные одновременные сочетания. Преобразование подобных пучков дифференциальных признаков, сочетающихся друг с другом в 'вертикальной' последовательности (на оси одновременности), в другие пучки путем замещения в последовательности одного или нескольких признаков другими признаками и составляет описание процесса фонологических чередований в синхронии или фонемных преобразований в диахронии.

2. Однако характеристика содержания фонемы не должна ограничиваться перечнем признаков, составляющих такие пучки, и исследованием их преобразований; она должна включать в себя и оценку сочетаемости данных признаков друг с другом в 'вертикальной' последовательности, установление зависимостей между ними.

Существуют определенные универсальные модели сочетаемости, совместимости признаков в 'вертикальной' последовательности. Одни признаки сочетаются друг с другом на оси одновременности предпочтительнее других признаков, что проявляется в высокой системной частотности фонемы, в состав которой входят эти признаки; другие признаки совмещаются в едином пучке хуже, ограниченнее, что проявляется в более низкой частотности фонемы, в состав которой входят данные дифференциальные признаки. К этому второму случаю относятся и пустые клетки (пробелы) в парадигматической системе, которые можно рассматривать как случай трудной сочетаемости признаков, дающий в ряде языковых систем фонему с нулевой частотностью.

3. В этом смысле можно говорить о двух основных типах сочетаемости признаков: о маркированной сочетаемости признаков и немаркированной сочетаемости признаков. Маркированной является сочетаемость признаков, характеризующаяся необычностью, редкостью, что проявляется в более низкой частоте и дистрибутивной ограниченности фонемы, в состав которой входит данное сочетание. Подобная сочетаемость признаков, объясняемая трудной совместимостью этих признаков в одновременной ('вертикальной') последовательности, может вовсе отсутствовать в определенных языковых системах, что выражается в наличии пустых клеток (пробелов) в парадигматической системе.

Немаркированной является сочетаемость признаков, характеризующаяся обычностью, естественностью, что проявляется в более высокой частоте и в большей дистрибутивной свободе фонемных единиц, в состав которых входят сочетающиеся друг с другом признаки. Подобная

сочетаемость признаков объяснима свободной совместимостью данных признаков в одновременной ('вертикальной') последовательности, в результате чего возникает более сильная в функциональном отношении фонема.

Таким образом, категория маркированности/немаркированности характеризует не отдельный признак [F] в сочетании с другими признаками, т.е. имеем не [mF] или [uF]; она является скорее характеристикой всего данного сочетания признаков, всего пучка в целом:

$$m \begin{bmatrix} \alpha F_1 \\ \alpha F_2 \\ \vdots \\ \alpha F_k \end{bmatrix} \quad \text{или} \quad u \begin{bmatrix} \alpha F_1 \\ \alpha F_2 \\ \vdots \\ \alpha F_1 \end{bmatrix}, \quad \text{где } \alpha = + \text{ или } -.$$

4. В зависимости от различной способности дифференциальных признаков совмещаться друг с другом можно выделить целую градиционную шкалу маркированности единовременных ('вертикальных') сочетаний признаков. Противоположные крайние значения на такой шкале маркированности представляют: (а) обязательная сочетаемость на оси одновременности – максимально немаркированные сочетания, т.е. такие сочетания, которые представлены в любой фонологической системе, будучи составной частью фонем, входящих в минимальный фонемный инвентарь языка, и (б) несочетаемость, взаимная несовместимость признаков (максимально маркированные сочетания), предполагающая признаки, не способные сочетаться друг с другом на оси одновременности. Между такими крайними значениями маркированности располагаются всевозможные единовременные комбинации дифференциальных признаков, с большим или меньшим приближением к крайним значениям, отражающим различную способность признаков сочетаться друг с другом. Такая шкала маркированности сочетаний признаков должна характеризоваться в принципе довольно высокой степенью универсальности, поскольку она отражает общую для человеческого языка способность определенных акустико-артикуляторных признаков более или менее свободно сочетаться друг с другом в единовременных артикуляционных комплексах. В основе подобных ограничений, накладываемых на взаимную сочетаемость определенных фонетических признаков, лежат особенности человеческого артикуляторного аппарата, с одной стороны, и перцепторные возможности речевого сообщения, с другой. С учетом этих психо-физических характеристик речи можно установить, какие сочетания фонетических признаков оптимальны в артикуляторно-акустическом отношении (что на фонологическом уровне будет соответствовать немаркированным сочетаниям) и какие не оптимальны в этом смысле, производство и перцепция которых требует больших усилий (фонологически маркированные сочетания).

5. Универсальные закономерности отношения маркированности фонологических категорий особенно рельефно проявляются в парадигматической системе в классе шумных фонем. В частности, среди смычных фонем устанавливаются следующие закономерности (И. Меликишвили):

В системах с противопоставлением смычных по признаку звонкости-глухости звонкая лабиальная фонема /b/ является немаркированной, функционально более сильной единицей, чем звонкая велярная смычная /g/ (маркированный член оппозиции). В классе глухих смычных (как простых, так и аспирированных и глоттализированных), наоборот, велярная смычная /k/ (и соответственно /k^h/ и /k'/), являясь немаркированным членом оппозиции, характеризуется большей функциональной силой, чем лабиальная смычная /p/ (и соответственно /p^h/ и /p'/), выступающая в качестве маркированного, функционально более слабого члена. Пробелы (пустые клетки) в парадигматических системах распределяются в соответствии с устанавливаемыми функциональными соотношениями маркированности фонем. Системы с пробелами в классе взрывных, противопоставленных по признаку звонкости/глухости имеют в основном следующий вид:

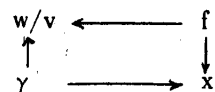
(1) b -	(2) b p	(3) b -
dt	dt	dt
gk	- k	- k

6. Аналогичные соотношения маркированности можно установить в парадигматической системе в отношении фрикативных фонем лабиального и велярного рядов. В лабиальном ряду немаркированным членом отношения выступает звонкая фрикативная /w/v/ при маркированном глухом (незвонком) члене /f/, тогда как в велярном ряду в качестве немаркированной единицы функционирует глухая фрикативная /x/ при маркированной звонкой фрикативной /γ/. В терминах сочетаемостей различительных признаков эти соотношения можно охарактеризовать как немаркированность сочетаний признаков [звонкости, щелинности, лабиальности] и признаков [глухости, щелинности, велярности] при маркированности сочетаний признаков [звонкости, щелинности, велярности] и признаков [глухости, щелинности, лабиальности]. Такие соотношения маркированности между фрикативными фонемами лабиального и велярного рядов устанавливаются на основе частотных характеристик этих фонем в различных языковых системах и распределения пустых клеток (пробелов) в парадигматической системе.

В терминах имплицитивных правил эти соотношения можно сформулировать следующим образом: наличие в системе глухой фрикативной лабиальной фонемы /f/ предполагает одновременное наличие в ней звонкой лабиальной фрикативной w/v : f → w/v; наличие в системе звонкой велярной фрикативной /γ/ предполагает одновременное наличие в ней глухой велярной фрикативной /x/ : γ → x.

7. Частотные характеристики лабиальной и велярной фонем соответственно звонкой и незвонкой серий фрикативных позволяет выявить между ними следующие универсально значимые соотношения: звонкая лабиальная фрикативная /w/v/ противостоит звонкой велярной фрикативной /γ/ как немаркированный член оппозиции маркированному, тогда как в серии глухих (незвонких) фрикативных глухая велярная фрикативная фонема /x/ выступает в качестве немаркированного

члена отношения в противовес маркированному члену в виде глухой лабиальной фрикативной фонемы /f/. Иерархические зависимости маркированности между членами локальных рядов и серий фрикативных фонем можно представить комбинированно в виде четырехугольника зависимостей со стрелками, направленными от маркированного члена отношения к немаркированному:

8. Соответствия между подклассами смычных и (несибилянтных) фрикативных фонем в парадигматической системе не ограничиваются только идентичной направленностью отношения маркированности в оппозитивных членах лабиального и велярного рядов. Анализ пробелов в парадигматической системе среди смычных и фрикативных позволяет предположить наличие определенной взаимозависимости между этими подклассами шумных фонем, выражающейся в обусловленности функционирования фрикативных фонем соответствующими смычными фонемами. В частности, можно предположить определенную взаимосвязь между отсутствием в подсистеме смычных ее функционально слабых, маркированных членов и наличием, функционированием в системе соответствующих фрикативных фонем, а именно отсутствие в лабиальном ряду незвонкой смычной /p/ предполагает наличие в системе соответствующей незвонкой фрикативной /f/: p → f; отсутствие в велярном ряду звонкой смычной /g/ предполагает наличие в системе соответствующей звонкой фрикативной /γ/: g → γ. Иными словами, если в подсистеме смычных в лабиальном или велярном рядах отсутствуют их функционально слабые маркированные члены, образуя тем самым пустые клетки в парадигматической системе, пробелы эти как бы восполняются соответствующими фрикативными фонемами лабиального и/или велярного рядов, представленных как звонкими, так и глухими (незвонкими) их членами. Фрикативные фонемы /f/ и /γ/ (и имплицитируемые ими немаркированные члены, соответственно /w/v/ и /x/) предстают своего рода субститутами соответствующих маркированных смычных /p/ и /g/, как бы компенсирующими их отсутствие и устанавливаемыми тем самым "равновесие" в парадигматической системе.

Стремление к подобному "равновесию" в парадигматической системе вызвано общей тенденцией к симметричному заполнению трех основных артикуляционных зон: лабиальной, дентальной и велярной (resp. превелярной/поствелярной) звуками консонантной артикуляции: смычными или фрикативными (в случае отсутствия маркированных смычных).

9. При наличии в системе маркированных смычных /p/ и /g/ присутствие в системе их субститутот в виде фонем /f/ и /γ/ факультативно. Такие фрикативные фонемы предстают в системе в виде "избыточных" элементов лабиального и велярного рядов (resp. лабиальной и велярной зон артикуляции). В таких системах с "избыточными" парами p^hf и g^hγ один из членов этих пар (и только один) может теряться в процессе диахронических преобразований (ср. отраже-

ние общесемитских *g и *y в исторических семитских языках, а также преобразования фонем p и g в различных языковых системах).

10. Поскольку дентальный ряд смычных выделяется наибольшей частотностью, являясь самым стабильным среди остальных рядов смычных, соответствующий ему ряд нерезких фрикативных $\text{ʒ} \sim \text{θ}$ является функционально самым слабым среди фрикативных. Поскольку нет систем с отсутствующим дентальным рядом смычных, (интер)дентальный ряд фрикативных $\text{ʒ} \sim \text{θ}$, представляющий их субститут, является в системе всегда факультативным, избыточным. Этим и следует объяснить ограниченную распространенность в языках мира (интер)дентальных спирантов, по сравнению с лабиальными и веллярными фрикативными.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ И РЕКОНСТРУКЦИЯ СИСТЕМЫ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ СМЫЧНЫХ

1. Реконструкции индоевропейской фонологической и морфологической систем проводились главным образом на основе ретроспективного движения от исторически засвидетельствованных родственных систем к постулируемой общей исходной системе путем применения метода сравнительной (внешней) и внутренней реконструкции. При этом последовательно не учитывались типологические критерии лингвистического вероятия постулируемой системы. Даже и в тех случаях, когда реконструкция практически проводилась с соблюдением лингвистического вероятия, она не являлась результатом осмысленного проведения определенного методологического принципа. В некоторых же случаях, например, у Соссюра, при реконструкциях, основанных на внутрисистемных данных, принцип лингвистического вероятия считается по существу иррелевантным для реконструируемой системы.

2. Типологическая верификация реконструируемой модели должна являться одним из основных принципов постулирования исходной языковой системы на основе сравнения и сопоставления исторически засвидетельствованных систем. Ретроспективно выведенная на основе правил внешней и/или внутренней реконструкции исходная языковая система не может считаться лингвистически вероятной, если она противоречит типологическим данным. Из двух или более возможных реконструкций предпочтение следует отдать той реконструкции, которая больше соответствует синхронным типологическим данным.

Но и соответствие реконструированных структур универсальным синхронным типологическим структурам не дает еще окончательного доказательства реконструированной модели. Необходимым моментом типологической верификации и тем самым оправдания вероятия предполагаемой модели является согласие ее и с данными диахронической типологии, то есть соответствие моделям преобразований языковых структур, установленным в процессе изучения исторических языковых изменений.

3. Система индоевропейских смычных восстанавливается традиционно в виде 3 серий: звонкие (I), звонкие придыхательные (II), глухие (III). При этом серия звонких смычных считается дефектной вследствие отсутствия лабиального *b, ср. неполную систему локальных рядов, где для простоты изложения указан только один ряд заднеязычных:

I	II	III
—	bh	p
d	dh	t
g	gh	k

Эта система смычных вызывала возражения со стороны целого ряда исследователей, и в первую очередь, Педерсена, который объяснял отсутствие *b* в общеиндоевропейской системе более ранним передвижением согласных (возникновение индоевропейских чистых звонких и соответствующих глухих) и утерей *p* в раннеиндоевропейском (Vorindogermanisch). По Р. Якобсону эта система вызывает возражения с типологической точки зрения ввиду отсутствия глухих придыхательных при наличии звонких.

Реконструированная в традиционном духе система индоевропейских смычных типологически уязвима ввиду отсутствия в ней лабиального члена в серии звонких смычных. Согласно новейшим типологическим данным (И. Меликишвили), в системах с противопоставлением смычных по признаку звонкости-глухости маркированным членом в серии звонких является веллярная (но не лабиальная) смычная, в серии (сериях) же глухих смычных маркированной является лабиальная (но не веллярная) смычная. В соответствии с этим пустая клетка в серии звонких может быть только в веллярном ряду, тогда как в серии (сериях) глухих пустым может быть только лабиальный ряд.

В соответствии с этими универсальными характеристиками систем смычных следует реинтерпретировать реконструируемую систему индоевропейских смычных фонем, то есть традиционную серию индоевропейских звонких с пустым (*b*) следует интерпретировать как незвонкую серию (И. Меликишвили).

4. Рассмотрение в соответствии с синхронными типологическими данными традиционной серии звонких как незвонких требует полного пересмотра и реинтерпретации системы индоевропейских смычных. Особое значение при подобной реинтерпретации имеет такое определение дифференциальных признаков, противопоставляющих 3 серии индоевропейских смычных, которое бы соответствовало данным как синхронной, так и диахронической типологии.

5. На основании частоты встречаемости фонем I серии по сравнению с фонемами III серии и учитывая отсутствие в серии лабиального члена представляется возможным реинтерпретировать традиционные звонкие (I серия) как (незвонкие) глоттализированные, а традиционные глухие — как глухие придыхательные.

В результате получаем следующую систему индоевропейских смычных:

I	II	III
—	bh	ph
t	dh	th
k	gh	kh

6. Постулируемая система полностью соответствует синхронным типологическим данным (отсутствие лабиальной глоттализованной фонемы, которая является функционально самым слабым членом в группе незвонких согласных; наличие глухих аспирированных при звонких аспирированных).

7. Из постулированной исходной системы можно последовательно и непротиворечиво вывести систему исторических индоевропейских языков с учетом данных диахронической типологии. В языках, традиционно определявшихся как языки с Lautverschiebung (германский, армянский, хеттский), серия I (глоттализированные) сохраняет признак незвонкости (с возможной утерей признака глоттализации); серия II (звонкие придыхательные) переходит в чистые звонкие в результате утери аспирации (с дальнейшим оглушением в обшвенно хеттском — после общеанатолийского периода); серия III (глухие придыхательные) сохраняется в армянском и хеттском и в определенных позициях (после начального *s-*) в германском, где в других позициях спирантизуется.

Языки, традиционно определявшиеся как системы с Lautverschiebung, оказываются более близкими в отношении консонантизма к общеиндоевропейскому состоянию, чем остальные языковые системы (ср. ранее высказывавшееся мнение Лемана, основанное на других данных, о консерватизме германской фонологической системы). В этих последних исходные глоттализированные (серия I) озвончаются (ср. типологически озвончение глоттализированных в ряде северо-кавказских языков). Возникает серия звонких смычных, которая дополняется по необходимости закономерно отсутствующим в исходной глоттализованной серии лабиальным членом. Источником такого *b* в этих системах является дезаспирированное *b* из второй серии (либо в результате общей дезаспирации звонких придыхательных, как в языках типа славянских, либо в результате комбинаторной дезаспирации, закон Грассмана), отдельные случаи озвончения рефлексов III серии (типа лат. *bibo*, скр. *píbatī*), заимствование слов со звонким *b* и др. Характерно, что этимологии с общим *b обнаруживаются только для диалектов этой группы.

В них же III серия подвергается дезаспирации, переходя в чистые глухие во всех позициях (кроме позиции перед ларингальным и после *s-* в древнеиндийском). II серия (звонкие придыхательные) сохраняется только в древнеиндийском (ввиду наличия в системе глухих придыхательных), оглушается в древнегреческом и в итальянском, где отсутствовал параллельный ряд глухих придыхательных, еще раньше перешедших в соответствующие непридыхательные; серия звонких придыхательных, оставшаяся без коррелятивной серии глухих придыхательных, закономерно преобразуется в глухие придыхательные, в результате чего возникает типологически допустимая система с единственным рядом глухих придыхательных.

В остальных диалектах II серия дезаспирируется.

8. Фонологическая интерпретация постулируемой системы. Реинтерпретация III серии как глухих придыхательных, объясняемая характером рефлексов фонем III серии в исторических языках, заставляет интерпретировать названные фонемы I серии с отсутствующим лабиальным членом именно как глоттализированные (а не как, допустим, чистые глухие), поскольку, согласно новейшим типологическим данным, при наличии противопоставления аспирированной — неаспирированной серий в группе незвонких лабиальный член может отсутствовать

только в серии придыхательных, тогда как при противопоставлении придыхательной – глоттализованной серии лабиальный член может закономерно отсутствовать только в глоттализованной серии (но не в придыхательной).

II серия интерпретируется как звонкие придыхательные с учетом рефлексов этой серии в исторических языках. В результате получается система с 3 сериями смычных, определяемыми как I – глоттализованные, II – звонкие придыхательные, III – глухие придыхательные. Признак аспирации в такой системе является в сущности фонологически нерелевантным, поскольку II и III серии противопоставляются друг другу не аспирацией, а по признаку звонкости-глухости. Признак аспирации является в данных сериях сопутствующим фонетическим признаком фонем. Со строго фонологической точки зрения можно было бы охарактеризовать эти 3 серии как (глухая) глоттализованная – звонкая – глухая чистая. Однако фонетический признак аспирации является существенным признаком фонем данных серий, объясняющим их диахронические преобразования и окончательные рефлексивы в исторических языках. Фонетические признаки фонем играют особую роль при диахронических фонемных преобразованиях и учет и описание их наряду с фонологическими признаками должен быть обязательным принципом диахронической фонологии.

9. Фонетический признак аспирации в сериях звонких и в особенности глухих фонем, характеризовавший их реализацию, представляется возможным связать с фонетической реализацией признака глоттализации в фонемах I серии. Типологические соображения дают возможность судить о взаимосвязи этих признаков. Слабая степень глоттализации фонем I серии, предполагаемая для индоевропейского на основании типологических данных (языки типа современного грузинского), должна была обусловить сильную аспирацию глухих фонем (III серия), чем и достигался их максимальный контраст при реализации.

По всей видимости, слабой степенью глоттализации и соответственно интенсивности фонем I серии в индоевропейском объясняется утеря признака глоттализации в исторических языках (армянский, германский, хеттский) с последующим озвончением во всех остальных индоевропейских диалектах.

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ ТЕРРИТОРИИ ОБИТАНИЯ И ПУТЕЙ МИГРАЦИИ НОСИТЕЛЕЙ ДИАЛЕКТОВ ОБЩЕИНДООЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА

1. Анализ индоевропейской лексики и реконструированных фрагментов текстов дает возможность установить относительно высокий уровень материальной культуры (значимость не только скотоводства, но и земледелия, продукты которого использовались и в таких ремеслах как тканье, ср. термин для 'льна'; знакомство с металлами, в частности с бронзой; развитость техники транспорта), духовной деятельности (ср. в особенности результаты восстановления общеиндоевропейских метрических форм и поэтического языка), ритуала (представленного в необычайно разветвленной жреческой терминологии) и социальных отношений. Следует особенно обратить внимание на наличие терминов, обозначающих богатство, связанное с торговлей (хет. *ḫar-* и производные, лат. *ops*, др.-инд. *apnaḥ*), специальных обозначений обездолженных или нищих (хет. *a-šiy-ant-*, по внутренней форме соответствующее терминам типа слав. **ne-bogъ*), лишенных наследства, воров, а также на терминологизированное противопоставление свободных – несвободных. Реконструируется наличие 3 или 4 социальных рангов, соотносившихся с символической и мифологической классификацией и с определенными ритуалами. Для типологической характеристики существенно наличие ранга жрецов.

2. Весь характер общеиндоевропейской культуры и социальных отношений указывает на близость данной культуры к древневосточным цивилизациям. Но наряду с существенными сходствами этих цивилизаций, для которых характерна роль жречества, обнаруживается ряд типологически важных для древневосточных культур взаимосвязанных категорий, несовместимых с общеиндоевропейскими данными. Для общеиндоевропейского характера отсутствие письменности, государственной организации (термин для 'царя', лат. *rex*, др.-инд. *gājā*, обозначает первоначально только сакрального царя), искусственной ирригации, сословия торговцев, противопоставленного другим рангам. Причиной отсутствия письменности при наличии жречества и достаточно высокой социальной организации могло быть то, что хозяйство не требовало еще особого учета, так как не стало еще достаточно развитым и разветвленным; не было единой государственной власти, объединившей все общины. По-видимому, не было и предполагающей централизованную власть большой системы искусственной ирригации (ср. позднее проникновение егип. *mr* 'канал' в отдельные диалекты: хет. *amijara* 'канал', уже в хеттских законах, греч. Гомер. *ἄμῆρη* 'ров, канава, канал', Ф 259, *Ἀμῆρυνθος*, обозначение места, связанного с водоснабжением Эретрии). При наличии централизованной государственной организации, связанной с фиксированной в письменности культурой, не произошли бы столь широкие миграции индоевропейских племен из первоначальных

областей их расселения. Этот фактор содействовал в существенной степени распаду общиндоевропейского единства и самостоятельному развитию диалектов.

4. Наличие общиндоевропейских терминов для животных (др.-инд. *śimha* 'лев', арм. *in*^Y) и растений (авест. *varəda*, гр. *ῥόδον* 'роза'; названия 'лозы', 'винограда' и 'вина', 'риса'), распространенных на юге и на востоке, исключает локализацию общиндоевропейского в северной зоне. Обилие терминов, обозначающих горы и скалы, плохо согласовалось бы с давно предложенным приурочением к Северному Причерноморью с характерным для него равнинным ландшафтом. Этой же локализации, как и альтернативной, относящей прародину к побережью Северного или Балтийского моря, противоречит и отсутствие общего термина для 'моря'.

5. Особое значение для локализации общиндоевропейского в юго-восточной области (Передняя Азия и север Иранского нагорья) приобретают лексические данные, свидетельствующие о контактах общиндоевропейского с языковыми и культурными традициями ближневосточного и центральноазиатского ареала. Здесь в первую очередь следует привести выделяемый в общиндоевропейском слое семитских заимствований (В.А.Иллич-Свитыч). В этом же направлении можно искать объяснения черт структурного сходства общиндоевропейского с картвельским при наличии целого пласта заимствованной индоевропейской лексики в картвельском. Любопытно также наличие индоевропейских слов (не хеттских) в хаттском: хат. *aya*, *yaaya* - 'давать': хет. *p-ai*, тох. *ai*-, хат. *urai* 'источник', *u-ri-e-it* 'богиня вод и источников': др.-инд. *vāri* 'вода', др.-исл. *vari*. В эламском также выделяются отдельные слова (*luk*- 'огонь'), заимствованные из общиндоевропейского (ср. недавнюю работу Б.Розенкранца), но не из хеттского (в отличие от ряда других хетто-эламских изоглосс). Особый интерес для определения восточных границ территории раннего расселения носителей индоевропейских диалектов представляют такие центрально-азиатские заимствования, как проникновение индоевропейского названия 'собака' только с этим вторичным значением (в отличие от более древнего 'собака, волк', отраженного в др.-ирл. *sí*, ср. также указанные В.М.Иллич-Свитычем уральские и семито-хамитские параллели) в общекитайский.

6. Вслед за такими учеными, как Чайлд, целесообразно связать проблему миграции носителей индоевропейских диалектов с проблемой появления колесных повозок и путей их распространения на Ближнем Востоке и на Кавказе. Распространение колесницы с юго-востока на северо-запад, хорошо документированные благодаря находкам двух последних десятилетий, совпадает с предполагаемыми путями миграции части индоевропейских племен из первоначальной области расселения на Ближнем Востоке и, возможно, Центральной Азии. Точки обнаружения колесниц свидетельствуют об их диффузии из первоначальных очагов возникновения, которые были связаны с металлургией меди в ареале, расположенном в Передней Азии (ср. Чайлд). Появление колесниц можно рассматривать как переворот в транспорте, сделавший возможным

такие миграции широкого масштаба, которые характерны для индоевропейцев. Именно колесницы (4-колесная с впряженными в нее быками, затем 2-колесная с впряженными в нее конями) с множеством деталей упряжи лексически и семантически удостоверяются для индоевропейского и отдельных древних диалектов. Сопоставление с индо-иранскими данными особенно поучительно по отношению к бронзовым моделям боевых колесниц, найденных в Лчашене (около XIV в. до н.э.); в кузове каждой из них стоят два воина, соответствующие др.-инд. *rathe-sthā* 'стоящий на колеснице', авест. *raθae-stā*. Этимологическое объяснение параллельного вед. *vandhure-sthā* из корня **gendh-* 'плести' (гот. *wandus*) - др.-инд. *vandhú 'плетенье из прутьев' подтверждается тем, что найденные в Лчашене древние повозки имеют кузов (как и крытую его часть), сплетенный из прутьев. Сопоставление с колесницами, найденными на Кавказе, подтверждает и предложенную Хертелем реконструкцию семантики др.-инд. *vimāna* как древнего 'дома-дворца на колесах', позднее сохранившегося только в качестве мифологического образа, ср. подтверждения этой гипотезы в скифской и других индо-иранских традициях.

7. При допущении территории индоевропейской прародины, хронологически и пространственно совпадающей с областью куро-аракской культуры (Восточная Анатолия, Южный Кавказ, север Иранского плоскогорья) можно легче объяснить историческое распределение и пути переселения таких основных древних индоевропейских этнических групп, которые первыми выступают в древнейших письменных текстах: хеттов, арийцев и греков (крито-микенских греков и Аххиявы хеттских текстов). Для определения путей их переселения в исторические места жительства не нужно предполагать, что они покрыли большие расстояния, двигаясь из области первоначального расселения. Достаточно допустить лишь небольшое смещение по отношению к этой области. Примечательно, что языки, которые предполагают минимальное смещение относительно этого ареала, являются древнейшими документально фиксированными индоевропейскими языками.

8. Особое значение для установления древнейшей территории расселения индоевропейских племен имеет недавно выявленный индоевропейский характер анатолийской гидронимии (Розенкранц). Следует разграничить раннеиндоевропейские (в том числе позднее существующие в хеттской передаче) и хеттские названия рек. Но даже если бы все эти гидронимы оказались анатолийскими, то тем самым был бы снят вопрос о приходе хеттов откуда-то издалека на территорию, заселенную неиндоевропейскими племенами. Смещение общеанатолийского по отношению к первоначальному ареалу распространения индоевропейского языка было сравнительно небольшим. Этим и объясняется исключительная архаичность, как и древность письменной фиксации анатолийских языков, в частности, клинописного хеттского. Движение хеттов с севера на юг и с востока на запад в начале исторического периода может быть предположено на основании данных хеттских текстов (Зоммер). Первоначальное более северное расположение анатолийских языков вытекает из наличия отдельных слов и названий, заимствованных из хеттского или другого анатолийского

языка в языки Южного Кавказа, в частности, урартский, а также в некоторые картвельские языки.

9. Если предположить, что миграция носителей греческих диалектов (предшествовавшая нашествию дорийцев, видимо, ранее отколовшихся от основной волны переселения и временно обосновавшихся севернее на Балканах) осуществлялось через Малую Азию, то следы этих ранних переселений можно обнаружить в древнейших данных о греках в Милете и Аххиве. Все традиционные трудности, связывавшиеся с Аххивой (см. Зоммер), объясняются предвзятой точкой зрения, согласно которой для греков исконным было поселение на Пелопонесе. Принятие же гипотезы об их переселении через Малую Азию, где они частично могли надолго обосноваться, снимает эти трудности. Эта гипотеза хорошо согласуется с другими уже установленными ближневосточными связями греческого языка и культурной традиции (в частности, мифологии).

10. Предполагается сравнительно небольшое смещение армянского при допущении обитания праармян в исторической Хайасе (ср. Капанцян). Отсюда они в дальнейшем распространяются в исторической Армении, наслаиваясь на урартский субстрат.

11. На основании таких надежных арийских терминов, как *aika-yartana* 'один поворот' (др.-инд. *eka-vṛt-* 'единственный' в "Атхарваведе", *eka-vṛtta-maya* 'сочиненное в одном и том же размере', ассамск. *eṭā* < **eka-urta-*), удостоверяется древность арийских элементов на Ближнем Востоке уже к середине II тысячелетия до н.э. Взаимодействие арийцев и хурритов можно рассматривать как первый исторически засвидетельствованный случай контактов индоевропейского языка с неиндоевропейскими, хронологически и пространственно близкий к предполагаемому общеиндоевропейскому ареалу.

12. Восточная окраина индоевропейского диалектного ареала – северная часть Иранского плоскогорья – и должна была быть диалектным ареалом индо-арийского. Отсюда через Афганистан (ср. следы промежуточных этапов миграции в дардских языках) первые волны арийцев прошли в Индию, ср. мифологические представления о 'востоке' – 'вперед', 'западе' – 'назад', 'слева' – 'север', 'справа' – 'юг'. Для западно-иранских языков движение на юг с северной части Иранского плоскогорья исторически засвидетельствовано. Следы первоначального движения на юг видны в названиях типа *paugva* 'юг' – 'вперед' в "Авесте" при позднейшей локализации авестийского в Хорезме (Эран-Вэж). То, что восточные иранцы сравнительно долго оставались на первоначальной территории, объясняет наличие в их диалектах ряда слов и выражений, близких по значению к общеиндоевропейским. Дальнейшие миграции восточных иранцев через Центральную Азию и северные прикаспийские степи к Северному Кавказу и Крыму согласуются с археологическими данными о близости крымских скифов и горно-алтайских скифов.

13. Иранские, в особенности скифские, переселения могут служить хорошим примером дальних миграций индоевропейцев на запад по восточному пути. Именно такой путь предполагается для более раннего

времени для западных индоевропейских языков – кельто-италийских, иллирийских, германских, балто-славянских. Все эти языки обнаруживают ряд изоглосс, общих с тохарским, что весьма трудно объяснить без допущения совместных миграций этих языков с тохарским. Тохары из Центральной Азии направляются на Восток (первые китайские заимствования из тохарского датируются 3 в. до н.э.). Остальные западные языки направляются через Центральную Азию в западном направлении в Европу. Этим объясняются некоторые лексические связи западной группы индоевропейских языков с алтайскими (**mor-k-* 'конь' в германском и кельтском). При таком допущении понятны и многочисленные индо-иранско-кельто-италийские изоглоссы.

14. Тем самым для западных языков общим исходным ареалом распространения (хотя и вторичным) можно считать область Северного Причерноморья (ср. Шрадер). Старая теория, локализуемая в этой области прародину индоевропейцев, принимает в таком освещении новый смысл как прародина для западной группы индоевропейских языков (характерно, что она была высказана до обнаружения отмеченных выше трех древнейших письменных фиксаций индоевропейских языков). Этот временный ареал совместного обитания всех западных индоевропейцев мог служить областью, где двигались различные миграционные волны этих диалектов и формировались вторичные изоглоссы, наложившиеся на старые изоглоссы, объединяющие эти языки с языками, оставшимися на востоке.

О НОСТРАТИЧЕСКОЙ ГИПОТЕЗЕ

1. Материал, собранный Илличем–Свитычем и его предшественниками, а также предложенные им интерпретации представляют значительный шаг в науке и имеют бесспорно непреходящее значение.

2. Необходимо указать на следующие объективные препятствия, стоящие на пути прямолинейно–генетической гипотезы. а. Возможность случайных совпадений, особенно возрастающая при сравнении двухфонемных "корней". б. Неясность реконструкции корней, в первую очередь – индоевропейских, возрастающая при обращении к другим языковым семьям. в. Отсутствие данных о языковом ландшафте древнейших времен, невозможность определения достаточного числа диатопических факторов, действовавших в ту эпоху. г. Процессы, восходящие к детской речи, а также явления афатоидного регресса в сферах повышенной частотности, при грамматикализации, в отделах языка, испытывающих наибольшее влияние консервационного темпа. д. Трудности в области грамматической реконструкции, связанные со сложностью определения историй грамматических значений, со спорностью выделения многих грамматических формантов. е. Отсутствие для некоторых языковых семей достаточно достоверной реконструкции праязыкового фонетического состава и фонологической системы.

3. Существуют и такие препятствия, которые можно назвать субъективными. а. Произвольность в интерпретации фонетических законов, допущение неопределенных "звукотипов". б. Толкование материала малоизученных языков с целью выведения праязыковых форм при отсутствии возможности проверки или документации предполагаемого этимологического пути. в. Некоторая произвольность семантических сближений, отсутствие формализованной семантической процедуры.

4. Приведенные соображения ставят такую проблему: что является необходимым и достаточным для установления генетического родства языков? Иначе говоря, если считать индоевропейское единство эталоном, то существуют ли правила, позволяющие, например, считать алтайское единство менее спорным, чем ностратическое?

Для разрешения этой проблемы могут быть использованы два пути: качественно–структурный и количественно–статистический.

5. Независимо от отношения к ностратическим материалам, независимо от того, считать ли их объяснимыми генетически или рассматривать как источник для выявления индоевропейской *Nebenüberlieferung* – в любом случае возникает возможность хотя бы частичной проверки праязыковых реконструкций. При этом, конечно, данные смежных наук не должны ограничивать выводы лингвистики: напротив, углубление лингвистической перспективы открывает новые интерпретационные возможности перед другими науками.

РЕФЛЕКСЫ И.-Е. *d(e)ǰēu- В ФРАКИЙСКИХ ЯЗЫКОВЫХ РЕЛИКТАХ

Продолжения и.-е. *d(e)ǰēu- в языковом пространстве Древней Фракии по консонантному началу могут быть разбиты на 4 неравные группы.

1. В анлауте исконное *d* (наиболее многочисленный разряд – около 60 ЛИ): **deigo-* (полная ступень, в лат. *deus* < *deivos* и пр.): Δεο- (βίζος), *Deo(pus)*, (Αυλου)δεα, Δει(γητης), ΜΗ *Deu(sara)*, **digo-* (нулевая ступень, в др.-инд. *divā-* 'небо', греч. δῖος (< *δῖφιός) 'небесный, божественный и пр.', ЛИ Διος и т.д.): *Dio(bessi)*, Διό (βορος), Δια(ζενις) и т. д., возможно, **dju-* (атематический тип) в др.-инд. *dyumnām* 'Himmelsherrlichkeit' и пр.): Διου (κελης), *Diu(zenus)*–греко–римская транскрипция не располагала иными средствами для передачи инлаутного *ǰ* перед гласным; с выпадением *y* после *i* перед согласным: Δι (βειθος), *Di(gerri)* и пр.; **diges-*: дак. фитоним διέσ-ερα 'Himmelbrand, Fackelkraut' и пр., обращает внимание его поразительно полное совпадение с болг. и с.-хорв. названием растения *divizma*; сохранение морфемного неславянского облика суффиксальной части на фоне других регулярных славянских родственных фитонимов с *-ina*, *-ina* может восходить в качестве субстратного пережитка к данной дак. глоссе (ср. противоположную точку зрения Нидерле и вслед за ним Мареша и Махека); **digos-* (с о-огласовой сигматического суффикса в им.-вин. п. по типу греч. γένος и пр.): *Dios(cudus)*, Διό-(υσος) с вар. Διόν(υσος) < *Διοσ(υσος), Διασ(κευθος) и т. д.

2. В анлауте *z* как результат спирализации звонкого дентального перед *i*; аблаутные варианты те же, что и в предыдущей группе: полная ступень: Ζει(σκαρις) и пр.; Ζη(μ αρχος), Ζη(ίλας); нулевая ступень: Ζι(ήλας), Ζι(παιβης) и пр.; Ζια(ήλας), Ζιο(πορος) и пр.; Ζου(πορας), Ζυ(πυρ) и пр., обе последние формы из фрак. **dju-* факт спирализации начального *d* подтверждается идентичностью вторых компонентов у ряда имен этих групп, ср. Ζι-συρας; Δι-συρος, Ζει-τραλις; Δια-τραλις и т.д., Ζιο-πορος, Ζου-πορας; Δι-πορις, Διου-πορις и т. д.

3. В анлауте *t*; тип ономастических образований совершенно иной, чем в предыдущих группах: Δια-μαους, ко II части ср. хетт.–лув. теонимическую основу **Maq-* в Μηονες < **Maqa-γανα/i*, Μαυσ(σ)ωλ(λ)ος и пр. при односложной или дифтонгической чисто фрак. форме имени богини матери Μα-, Μαι-, Με-, Μη- и пр.; особенно знаменательно тождество I компонента Δια- < **Tiya-* (темат. основа) с непроизводной основой имени лув. бога солнца *Tiyuat-*, где *-at(t)* – суффикс абстрактных существительных; Τιουτα, -η < *Tiq-ta, будучи целебнолексемным соответствием тому же лув. *Tiyat(a)* (относительно синкопы срединного а ср. позднихетт. лид. *Tiv-da*) не связано с ЛИ Τουτα, ср. фрак. ΓΗ Τουτης, – и.-е. нулевая ступень *tū-ta от и.-е. *teu-tā, которое в ЛИ *Tautomedes*; ΜΗ *Tiu-tia-menus* < *tiu-tiya-menus, образованное

повторением диахронически адекватных основ, и т.д. Τι- в Τιτουρ-
μος, вероятно, сюда не относится.

4. В анлауте s: представлено ЛИ *Sia-maus* — сибилантным коррелятом к Τι- μαους, видимо, с идентичной внутренней формой; Γ компонент *Siq-a (темат. основа) эквивалентен хетт. *šiu-*, *šiu(i)*, *šiuann(i)* — 'бог'. Элемент Σι- в ряде ИС, вероятно, сюда не относится.

Таким образом группы ИС с *d* и *z* в анлауте представляют исконно фракийские продолжения и.-е. **d(e)ǵ̑n-*, в то время как группы с начальными *t* и *s*, видимо, заимствованы из хетт.-лув. языков.

Следует отметить, что во всех рассмотренных фрак. формах восстанавливается *ǵ (греч. *Ϝ*), регулярно выпадающее между гласными и часто после *i* перед согласными, ср. заменительное удлинение, отмеченное облеченным ударением (при вообще редкой фиксации ударения в греческих передачах фракийских собственных имен) и образование дифтонгического слога: Διον с вар. Δίον (*ΔιϜον) и пр., этноним Διοι с вар. Διι (*ΔιϜοι) и пр., Δεῖος при Διός и т.п.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЧУКОТСКО-КОРЯЦКИХ КОРНЕЙ И НОСТРАТИЧЕСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ

Сравнение лексики чукотского (ч.), алоторского (а.) языков и чавчуевского диалекта коряцкого языка (чв.), а также частично керекского языка (к.), позволяет реконструировать прачукотскокоряцкую (чкр.) систему фонем: *e (ч., чв. *e*, а., к. *i*), *a (ч., чв., а., к. *a*), *o (ч., чв. *o*, а., к. *u*), *i (ч., чв. *i* / *e*, а., к. *i*), *ä (ч. *ä/a*, чв. *e/a* и *a*, а., к. *a*), *u (ч., чв., *u/o*, а., к. *u*), *ʷ (ч., чв., а., к. *ʷ*), *ʷ^c (ч., чв., а., к. *h*), *q (ч., чв., а., к. *q*), *k (ч., чв., а., к. *k*), *g (ч., чв., а., к. *g*), *ɣ, *h (ч., чв., а., к. *ɣ*) — веларный или увулярный носовой), *c (ч., чв., к. *č*, а. *s*), *t (ч., чв., а., к. *t*), *d (ч., чв., а., к. *j*, и *∅*), *n (ч., чв., а., к. *n*), *p (ч., чв., а., к. *p*), *v (ч., чв., а., к. *v*), *m (ч., чв., а., к. *m*), *r (ч., а., г., чв., к. *j*), *j (ч., чв., а., к. *j*), *w (ч., чв., а., к. *w*), *l (ч., чв., а., к. *l*). Чередование *d/*n- в начале глагольного корня (из более древнего *d/**-nd-*?) записывается как **d/n*. Нестабильный гласный *ɥ (ч., чв., а. *ɥ*) фонологически, видимо, не отличался от нуля гласного и потому на данном этапе не отмечается в реконструкциях.

В предварительном порядке можно предположить некоторые звукоответствия между чкр. и ительменским языком (и.) и соответствия между чкр. и ностратической протосистемой (н.): чкр. *ʷ = и. *∅* = н. *H (разные ларингалы) и *w, чкр. *c = и. *q*, *ɕ* (увулярное *x*) = н. *H (?), чкр. *q = и. *q*, *ɕ* = н. *k, *g, чкр. *k = и. *k*, чкр. *g = и. *k* = н. *k, *k, чкр. *t = и. *t* (и *t*, *s*) = н. *t, *t*, чкр. *d = и. *s*, *t* = н. *t, *t, чкр. *n = и. *n* = н. *n, чкр. *p = и. *p* (?) = н. *b, чкр. *v = и. *∅* (?) = н. *p (и *p ?), чкр. *m = и. *m* = н. *m, чкр. *r = и. *z* = н. *r (и *r ?), чкр. *j = и. *z* = н. *j (и *č, *ʒ ?), чкр. *w = и. *v*, *∅*, чкр. *l = и. *l*, *ʃ* (глухое *l*) = н. *l, *l, *l.

Реконструировано несколько сот чкр. слов и корней, в т.ч.: *ciç 'подмышка', *soçcot 'изголовье', *cajm 'близкий', *caçget 'сестра', *caçm 'мелкий (неглубокий)', *ciçm 'мелкий (маленький)', *caçna 'холошенный олень-самец' (из н. *čEmg 'увечить?'), *caçat 'раскалывать', *caçm 'край', *cv 'резать' (из н. *caçpa 'рубить?'), *caçw 'жабры', *du (//**-nu*) 'есть (to eat)' (из н. *itä 'есть?'), *ddil (//**-ndil*) 'класть', *dg 'копать', *dg 'волос', *dclav 'бегать' (= и. *skšavo*), *dlä/**-nlä* 'уводить, уносить' (из н. **al/H/8* 'нести'), **d/nälu* 'жевать', *dil 'крыло', (вост.-ит. *tlo*), *dlg 'палец', *dilp 'плечо' (из *tɬlH8 или *tɬhl8 в ностратическом?), *dlq 'боевой нож', *dlq 'толкушка (кушанье)' (и. *silq* 'толкушка' — заимствование?), *dilaq 'спина', *dinä/**-niqä* 'лететь' (= и. *siq*), *dpä 'каменный молоток' (из н. *taçpa 'бить?'), *däq 'что' (= и. *seq* 'какой'), *däqä 'грань', *diquk 'песец' (= и. *siçiq* 'песец'), *dra 'резать' (из н. **ter/x/8* 'рвать' или *tur8 'протыкать?'), *dät 'приносить', **d/natv* 'вносить', **d/nv* 'считать', **d₁a/jc/ol* 'лиса' (= и. *çsal*), *gju 'знать', *giip 'заботиться', *gala 'проходить мимо' (из н. *kalçg 'уходить, оставлять'), *gil 'морской лед', *gili 'искать',

*glg 'кожа' (из н. *kaig 'обдирать кору, кожу?'), *galga 'водоплавающая птица', *glii 'жадный', *galm 'искривлять', *gm 'я' (= и. kyma; вторая морфема этого двуморфемного образования восходит к н. *mi'я'), *gamga 'каждый' (редупликация из н. *k/e/hms 'взрослый мужчина?'), *gnk 'сытый', *gnun 'середина, половина' (= и. kbn'in), *gntäv 'убегать', *gig 'невод', *grgol 'верх', *gräl 'рвота', *grnik 'зверь' (ср. н. *gUjra 'зверь'), *grta 'умный', *gra-tvi 'остывать' (ср. н. *Kigr 'иней'), *gro' 'родить', *gt 'тонкий' (из н. *kUig 'маленький'), *gt 'ты' (= и. k/ы/za; второй элемент местоимения восходит к н. *ti 'ты'), *gitä 'смотреть', *gtg 'озеро', *gtga 'осень' (= и. ktxle), *gtka 'нога' (= и. ktx или ktq) / ср. сван. kučx 'нога', указывающее, возможно, на н. *kUCx8/, *gtcav 'голодать' (= и. ksq-), *jäg 'ступня' (= ур. *jalka, что предполагает н. *jalK8), *jgu 'кусать', *jl 'дать' (= и. zyl-), *jil 'язык', *jlg 'сон', *jelc 'двоюродный брат', *jilcä 'евражка', *junät 'жить' (= и. zunš- 'жить'), *jgä 'туман', *jgo 'нюхать' (из н. *čungE 'нюхать, запах?'), *jgr 'обрыв', *jpr 'одевать', *jpr 'висеть', *jq 'быстрый', *jaq 'чайка', *jrr 'красный', *jr' 'наполнять', *jät 'приходить' (из н. *ej8 'приходить'; *-t — чкр. глагольный суффикс?), *jto 'вынимать', *jit 'капля', *java 'далеко', *java 'использовать', *jig 'кишка' (= и. zig-), *jilg 'луна' (ср. н. *ZAhrg 'луна'), *kdda 'пена', *kddel 'лоб' (= и. kšyč), *kdwir 'волос', *käg 'кисть руки' (= и. xkyč, pl. xkyn), *kjä 'пятка', *käjg 'медведь', *käli 'черта, рисунок', *kllä 'бусинка, икринка', *kämlil 'круг', *kmiig 'родить' (ср. кушит. *k8m8n- 'родить'), *kirwäl 'локоть', *kätku 'сильный' (= и. kt-lač 'твердый'), *lg 'таять' (из н. *LUK8 'разрушать?'), *ligi 'знать', *läjv 'идти пешком', *llä 'глаз(а)' (= и. lyl-, ср. с.-х. *il- 'глаз' — видимо, из н. *IL8), *lälu 'борода', *lääl 'роса', *lilil 'желчь', *lm 'двойное, запасное' (ср. кушит. *l8m/ /- 'два'), *lmal 'повиноваться', *lq 'полагать', *liq 'сердце' (ср. н. *lEb/H/8 'сердцевина, сердце'), *lp 'шея', *lq (откуда *cq) 'холодный' и *lql 'зима' (= и. lqilq 'холодный', laqaq 'мороз'; из н. *kuIE 'холод?'), *lqt 'встать', *lov 'сосать' (из н. *l/A/p8 'лизать' или *l8p8 'губа'), *lig (*liw?) 'яйцо' (= и. lwx), *lC 'рулить' (ср. н. *loqO 'изгиб, локоть?'), *lCu 'видеть', *macve 'грудь' (ср. н. *mälgі 'грудь'), *micca 'красивый' (ср. н. *mila 'желать, любить'), *mdän 'комар' (из н. *m8t8 'червь, личинка?'), *mj 'горький', *mäjg 'большой' (из н. *m/a/q/c/8 'большой, много'), *mik 'кто' (из н. *m/i/ 'что', ср. и. min 'который?'), *ml 'мелкий' (из н. *moLa 'раздроблять'), *mäi 'хороший' (из н. *mila 'желать, любить'), *milg 'огонь' (= и. 9ymšx), *mull 'кровь' (= и. mšyш из н. *Homš8 'сырое мясо' с редупликацией, как в и.-е. *mēmso- и в чад. *m8m8- 'кровь'), *milutä 'заяц' (= и. mišš-), *mng 'рука' (ср. лат. и герм. корень?), *mäjin 'который' (и. min 'который' и minein 'какой' из и. *m/i/ 'что'), *mäqäi 'стрела', *mere 'слеза', *mur 'мы' (и. miz; из н. *mi 'я' с показателем множественности), *mata 'брат в жены', *mitiw 'утро', *nki 'ночь' (из н. *NUK(N)8 'темнеть, ночь'), *nälg 'шкура', *nm 'стойбище', *n(ы)nni 'имя' (из н. *nim/ /E 'имя'), *nanq 'живот' (= и. nkwnk), *naqam 'только', *nutä 'земля' *nčäl 'становиться', *nä 'садиться в лодку, верхом', *jidäq 'два' (= и. kasq),

*näj 'гора', *ruj 'слабый', *rojn 'хвост', *näi 'стадо', *näiät 'гореть', *näp 'тот', *gnv 'несколько', *nä 'слезать, сходить', *nä 'колени', *nä 'осень', *näq 'четыре' (= и. čaaq), *näq 'три' (= и. čoq), *nä 'выходить', *nä 'начаться', *näw 'женщина' (= и. *gimsx-; из *himGA 'женщина, представленного в урал. *näGA 'женщина' и нивх. nängu 'жена?'), *näc 'нуждаться', *näc 'пища', *nä 'плавать, быть мелким', *nä 'копье', *nä 'прийти', *nä 'не мочь', *nä 'пить' и *nä 'горло' (из н. *näcu 'глотать?'), *nä 'торбас' (ср. н. *näq8 'ступня'), *nä 'тонуть', *nä 'металл' ("азианическое" культурное заимствование), *nä 'точить', *nä 'старый', *nä 'усталый', *nä 'зола', *näku 'прыгать', *nä 'известие', *nä 'быстро бежать' (из н. *böka/a/ 'бежать'), *nä 'зад', *nä 'удалять', *nä 'нести в руках' (из н. *nä 'брат'?), *nä 'старый', *nä 'широкий', *nä 'сохнуть', *nä 'гриб' (= и. qronot), *nä 'толстый', *nä 'маленький детеныш', *nä 'один из двух парных предметов' (из н. *nä / /8 'пара, другой'), *nä 'кожа рыбы' (из н. *nä / /y8 или *nä / /c8 'обдирать?'), *nä 'человек, мужчина', *nä 'мужчина', *nä 'блодо', *nä 'костный мозг', *nä 'как', *nä 'всегда', *nä 'мяч, шар', *nä 'россомаха', *nä 'спина', *nä 'олень' (= и. qos, qoz-, qz- 'олень'; видимо, из н. *nä 'ангилона'), *nä 'замерзать', *nä 'рана', *nä 'темный' (из н. *nä 'гасить?'), *nä 'дом', *nä 'ложе', *nä 'жила' (из н. *nä 'ремень, жила'), *nä 'пазуха', *nä 'рот', *nä 'сук', *nä 'рукав', *nä или *nä 'лежать' (и. zyl), *nä 'гной', *nä 'радоваться', *nä 'проходить', *nä 'муравей' (= и. tozaqa), *nä 'горячий', *nä 'знать', *nä 'солнце', *nä 'делать' (ср. урал. *nä 'делать'), *nä 'лежать свернувшись', *nä 'спускаться', *nä 'прийти' (из н. *nä 'прийти'), *nä 'бить' (ср. н. *nä 'толкать?'), *nä 'двигаться', *nä 'орел', *nä 'друг', *nä 'кочка' (= и. smq), *nä 'чужой', *nä 'выдернуть' (из н. *nä 'тянуть?'), *nä 'закрывать' (= и. sor), *nä 'дымить' (= и. tkkts?), *nä 'вы' (= запительм. tuz, вост.-ительм. suze; из н. *nä 'ты' с показателем множественности), *nä 'мясо', *nä 'плакать', *nä 'когда', *nä 'игла' (= и. sis 'игла, хвоя, трава'), *nä 'корень', *nä 'грести', *nä 'терять силы', *nä 'тонуть', *nä 'кусоч, мясо' (суффикс) = и. nä 'мясо', *nä 'темный', *nä 'непичий жир', *nä 'ухо' и *nä 'слышать' (= и. elolog 'ухо, elfses 'слушать'; из н. *näGA или *näGA 'ухо' — ср. урал. *näGA 'ухо', тюрк. *nä/el- 'слышать'), *nä 'уголь', *nä 'спускаться', *nä 'яркий', *nä 'работа', *nä 'привязывать' (ср. н. *nä 'связывать?'), *nä 'умирать' (ср. н. *nä 'болеть'), *nä 'травинка', *nä 'ленивый', *nä 'ноготь' (= и. kny), *nä 'молчать', *nä 'дышать', *nä 'пурга', *nä 'река', *nä 'гаснуть', *nä 'нож' (ср. н. *nä 'резать'), *nä 'кислый', *nä 'шишка' (= и. kun?), *nä 'зуб' (ср. урал. *nä 'зуб, зубец'), *nä 'дорога', *nä 'мухомор' (= и. vnpq 'гриб'), *nä 'этот', *nä 'внизу', *nä 'волк' (ср. и. nä из н. *nä 'волк, собака'), *nä 'снег' (= и. nä), *nä 'грязь, кал', *nä 'топор', *nä 'день' (= и. kšyl), *nä 'толстый', *nä 'шея', *nä 'нос' (= и. qaqal-, pl. qaqyn 'нос?'), *nä 'удерживать', *nä 'мчаться', *nä 'собака' (= и. qexa; из н. *nä, пред-

ставленного в тюрк. **ȳt* 'собака?'), *äcä 'мочиться', **isc̄* 'сырой, несваренный', **äc'ä* 'жир' (связано с н. **a'a* 'пища?'), *ig 'ветер', *äjo 'болото', *aju 'оживать' (из н. *haju или *xaju 'жить, жизненная сила'), *uji 'топить костер', *ajg 'пахнуть', *ajm 'ходить за водой' (из н. *jam8 'вода, водоем?'), *äjur 'загораживать', *äkkä 'сын' (из н. *Hokl8 или *Hogl8, представленного в тюрк. *oyal и нивх. **og'a* 'сын?'), *älä 'лето' (из *Hel8 'светлый?'), *il 'влага' (из н. *wil8 'влажный'), *ol 'прислоняться', *ilg 'белый' (из н. **wal(k)8* 'светлый?'), *lqa 'penis' (из н. *q8l8 'penis' ?), *lqar 'гвоздь' (из н. *cilkU или *ylkU 'зуб, жевать?'), *ulv 'неподвижный', *am 'только' (= и. *em*), *om 'теплый' (= и. *om-*), *imti 'ноша' (из н. */*amt8* 'дать'), *enm 'скала', *nn 'рыба' (= и. *nync̄*), *arqa 'море', *nt 'невестка' (из н. **nat/o/* 'свойственница'), *up 'поддевать острем', *äqä 'плохой', *är 'узкий', *ärä 'жарить', *are 'пах', *ir 'переходить' (из н. **Hi'a* 'тащить, волочить'), *erg 'громкий', *irv 'острый' (из н. *qur8 'острие, резать?'), *it 'быть', *utg 'легкий, непрочный', *itit 'варить', *utt 'дерево' (из н. *q8t8 'дерево?'), *iv 'сказать', *d1ajc1ol 'лиса' (реконструкция условна) – ср. и. *sal, *čhal* 'лиса'.

О ГЛАГОЛЬНЫХ ГРАММАТИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЯХ ПРИ СОПОСТАВЛЕНИИ И ПРИ СРАВНЕНИИ ЯЗЫКОВ

1. В докладе приводится типологическое сопоставление таджикского глагола с английским, в первую очередь таких характерных подсистем как Continuous для английского и МУАЙЯН для таджикского. Устанавливается следующее соотношение грамматических значений и тех категорий, в которые они входят.

Грамматические категории английского глагола	Грамматические значения	Грамматические категории таджикского глагола
Continuous	определенность	МУАЙЯН
	длительность	Категория, образуемая формами на <i>me=</i> , формами "тасвири" и нейтральными формами.
Indefinite (NB "event" по Бодельсену-Ота)	неочевидность	НАҚЎЛӢ

2. Установление этих значений ставит вопрос об их соотношениях с праиндоевропейским примаризирующим - *i* (по К. Гоффману) и о путях выражения неочевидности в древних (и "средних") индоевропейских языках.

Другая проблема – соотнесение этих значений с праиндоевропейскими аналитическими формами (ср. реконструкции Ф. Моссе и Э. Бенвениста).

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ ОБЩЕНОСТРАТИЧЕСКОЙ
ГРАММАТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

А. О системе служебных и местоименных слов

Материалы В.М.Иллич-Свитыча, дополненные позднейшими исследованиями, позволяют представить себе картину грамматического устройства общеностратической языковой протосистемы, способную объяснить происхождение морфологии и почти всего набора служебных (аффиксальных) и местоименных морфем в языках-потомках.

1.Принимается рабочая гипотеза, рассматривающая общеностратические морфемы грамматической семантики в качестве отдельных слов (служебных слов). В пользу гипотезы об аналитической структуре ностратической грамматики говорит ряд фактов (в языках-потомках многие служебные морфемы генетически тождественны словам, сохраняющим самостоятельность; одни и те же морфемы присоединяются как к последующим, так и к предыдущим словам).

2. Существовал весьма строгий грамматикализованный порядок слов во фразе и в словосочетаниях (см.раздел Б настоящего сообщения).

3. Знаменательные слова имели звуковую структуру CV(C)CV, местоименные и служебные слова - структуру CV или CV(C)CV.

4. Система личных местоимений: 1 sg. - *mi (в некоторых синтаксических функциях - *HOjA), 2 sg. - *ti, 1 pl. exclus. - *n. В качестве местоимений множественного числа использовались также сочетания местоимения единственного числа с показателем собирательности *Ha: *mi Ha (и *HOjA Ha) 'мы', *ti Ha 'вы', равно как и иные сочетания местоименных слов (например, *mi, *ti - в значении инклюзивного местоимения 1 pl. или 1 du., отмеченное лишь для восточной - монголо-тунгусо-нивхской - диалектной зоны).

5. Реконструируется сложная система указательных и указательно-классифицирующих местоимений: *tä - местоимение неодушевленного предмета (не-лица), *šA и *kE - местоимения одушевленного существа (лица), различие между которыми неясно (степень близости к говорящему?), *nA - местоимение множества одушевленных существ, *jA, *tA (и *qA?) - иные местоимения множественности, *Ha - местоимение собирательного значения, *qU - местоимение, указывающее на два одушевленных существа, *jA - местоимение пары неодушевленных предметов, *mA - местоимение, субстантивирующее словосочетание (типа 'то, что', 'тот, кто', 'тот, кого' и т.д.), *'a, *'i, *u - чисто указательные местоимения (указывающие на степень близости к говорящему и слушающему) и т.д.

6. Выступая в постпозиции к имени, указательно-классифицирующие местоимения функционируют в качестве показателей одушевленности и неодушевленности (что в части языков легло в основу категории рода), множественности, двойственности, а также для выделения темы (откуда в дальнейшем - особые оформители именительного падежа).

Личные и указательно-классифицирующие местоимения при глаголе лежат в основе аффиксов глагольного спряжения по лицам и числам.

7. Синтаксические функции наименований предметов и лиц и иные падежные значения выражались, помимо порядка слов, также служебными словами (в послеложном употреблении): *nU - послелог генитива, *mA - показатель определенного аккузатива, *j/i/ - послелог датива, *Si и *ka - локативные слова со значением направления (латив), *Ha, *da и пр. - различные показатели места (локативные слова). Те же локативные слова выступали, видимо, и в функции пререкатов. Послелоги присоединялись к имени (всегда или в части случаев) не непосредственно, а отделялись от него послелогом генитива *nU.

8. Вопросительные местоимения: *kU 'кто', *m/i/ 'что', *j/o/ 'какой' и некоторые другие.

9. Немалую роль в становлении морфологии языков-потомков играли и бывшие знаменательные слова, подвергавшиеся в раннюю (общеностратическую) или более позднюю эпоху грамматикализации или превращавшиеся в служебные слова. По-видимому, оформление категорий вида/времени, наклонения и залога глагола базировалось в основном на сочетаниях глагольных слов (из которых одно подвергалось грамматикализации) - см. мою статью в томе "Этимология. 1968".

Б. О ностратическом синтаксисе: реконструкция порядка слов

1. Сравнительное исследование порядка слов во фразе и порядка морфем в слове в языках-потомках позволяет реконструировать общеностратические законы порядка слов. Законы эти оказываются различными для полнозначных слов (соответствующих именам, глаголам и наречиям в языках, имеющих систему частей речи) и для слов местоименного и служебного характера.

Праностратический порядок слов может быть сформулирован в виде шести законов:

Закон 1. Сказуемое является последним из полнозначных слов предложения.

Закон 2. Определение (выраженное полнозначным словом или группой слов) непосредственно предшествует сказуемому. Поскольку в ностратической протосистеме отсутствует грамматическое разграничение частей речи как формальных классов слов, этот закон следует понимать как распространяющийся на полнозначные слова любой семантики: не только на протосубстантивы (слова, называющие предметы или людей) и на протоадъективы (слова, семантически сходные с прилагательными и отадъективными наречиями), но и на протоглаголы (слова глагольной семантики). Если обозначим протосубстантивы, протоадъективы и протоглаголы символами N, A и V, а генитивную группу (слово с показателем генитива) - через G, то на основании показаний языков-потомков удается реконструировать для праностратического сочетания AN, NN(приложение + определяемый протосубстантив), GN, AV (протоадъектив в наречной функции + протоглагол), VV (подчиненный прото-

глагол в функции конверба, деепричастия или инфинитива + господствующий протоглагол), VN (протоглагол в причастной функции + протосубстантив) и пр.

Закон 3. Дополнения (как полнозначные слова, так и местоимения) предшествуют сказуемому. Закономерности взаимного расположения прямого и косвенного дополнений пока до конца не ясны. Судя по рефлексам в языках-потомках, можно выдвинуть предварительное предположение о таких закономерностях:

- а) среди дополнений, выраженных полнозначными словами, прямое дополнение располагается ближе всего к сказуемому,
- б) если среди дополнений есть местоимение, оно (даже будучи косвенным), располагается непосредственно перед сказуемым.

Закон 4. Личное или указательное местоимение-подлежащее располагается после сказуемого (т.е. в конце предложения).

Закон 5. Личные и указательные местоимения-определения располагаются после определяемого. Личное местоимение в такой позиции приобретает значение притяжательного.

Закон 6. Локативные слова (со значением послелогов или пространственных глагольных превербов) располагаются после наименований предметов (или лиц), к которым относятся.

2. Следствием закона 1 и отсутствия грамматического различия частей речи является отсутствие потребности в глаголах-связках: всякое полнозначное слово в конце предложения автоматически становится сказуемым.

3. Реконструируя историю синтаксиса ностратических языков, можно обнаружить и тенденции к нарушению древней синтаксической структуры. Древнейшей из таких тенденций (видимо, восходящей еще к общеностратической системе) является стремление располагать местоимения (в особенности эмфатические) в позициях, характерных для полнозначных слов в соответствующей функции (вопреки законам 4 и 5).

4. Праностратический порядок слов хорошо сохраняется (в виде порядка слов и морфем - и при учете тенденции, отмеченной в п.3) в прауральском, в тюркском (и совр. тюркских), в монгольском, корейском, японском, дравидийском, среди семитохамитских - в пракушитском. Те же закономерности хорошо сохраняются в виде порядка слов и элементов инкорпорированного комплекса (а также аффиксов) в нивхском языке. Довольно хорошо те же законы прослеживаются в тунгусском, хотя там проявляются и новые тенденции к морфологической автономизации слова (с ослаблением роли порядка слов). Следы древнего порядка слов обнаруживаются и в индоевропейском. Однако в тех языках, где слово приобретает обязательное морфологическое оформление (в том числе оформление синтаксической функции слова), порядок слов теряет былое значение и становится избыточным грамматическим средством. Отсюда - разрушение стабильного порядка слов¹ в позднем индоевропейском, во многих ветвях семитохамитской семьи, частично - в картвельских и в некоторых современных уральских языках.

¹ В дальнейшем в отдельных языках наблюдалось ослабление морфологического оформления синтаксических функций слова и возникновение нового твердого порядка слов (семитские, новогерманские языки и т. п.).

ОБ УРАЛЬСКОМ ВОКАЛИЗМЕ

При исследовании ностратического вокализма В.М.Иллич-Свитыч столкнулся с существованием в уральском языкознании двух концепций прауральского вокализма: теорий Э.Итконена и Штейница.

Независимо от внутренних качеств этих теорий, само ностратическое сравнение определило выбор концепции Э.Итконена, что подтвердило верность его реконструкции внешним сравнением. В.М.Иллич-Свитыч в данном случае продолжил работу, начатую М. Рясняном и Б.Коллиндером. Но он привлек к сравнению, кроме алтайского, дравидийский материал, значительно увеличив объем сравнения и одновременно укрепив его надежность.

Сравнение показало значительную архаичность реконструированной Э.Итконеном уральской системы кратких гласных первого слога и тождественность ее ностратической системе гласных:

нострат.	уральск.	алтайск.	дравидийск.
* a	a	a	a
* o	o	o	o/a
* u	u	u	u
* ä	ä	ä	a
* e	e	e	e
* i	i	i	i
* ü	ü	ü/ö	u

Сложнее обстоит дело с гласными второго слога уральской основы. Непосредственное сравнение приводит к реконструкции трех гласных, возможных в уральском в конце основы: a, ä, ə (или e). При этом первые два оказываются дополнительно распределенными в соответствии с законами сингармонизма. Исходя из требований сингармонизма, исследователи часто реконструируют два ə (ə - переднего ряда и ə̃ - заднего ряда). Возникающая проблема соотношения вокализма первого и второго слогов решается разными исследователями по-разному. Собственно уже обозначения -a, -ä, -e скрывают под собой отождествление этих фонем соответствующим фонемам первого слога. При реконструкции ə̃ этот звук может соотноситься с разными гласными 1-го слога. Б.Коллиндер отождествляет его с восстанавливаемым

им в первом слоге (дополнительно к реконструкции Э.Итконена) гласным $\bar{o}$. При отождествлении морфонологического распределения с фонологическим естественно восстанавливать две фонемы конца основы: $\bar{a}$, $\bar{e}$, — однако последнее с исторической точки зрения может оказаться неверным: т.е. в данном случае, возможно, мы сталкиваемся не с расщеплением одной фонемы на два варианта, а с вторичным перераспределением уже существовавшего фонем по морфонологическим позициям.

Ностратическое сравнение позволило выдвинуть В.М.Иллич-Свитычу ряд гипотез, важных, по-видимому, для внутриуральского сравнения. Т.к. алтайский обнаруживает в конце основы тот же набор гласных, что и в ее первом слоге, естественно предполагать вторичность уральского состояния. При этом возникает две проблемы: 1) обнаруживает ли уральский какие-либо следы губных гласных 2-го слога? 2) Обнаруживаются ли в нем следы досингармонического состояния? (В алтайском такие следы обнаруживаются, но мысли В.М.Иллич-Свитыча, в виде многочисленных сингармонических вариантов). Поиски ответа на эти вопросы приводят к гипотезам, постулирующим для уральского несингармоническое состояние, возможно, с полным набором гласных во втором слоге:

1) Аномальный ряд соответствий, в котором финскому (прибалтийско-финскому) $\bar{a}$ первого слога соответствует гласный переднего ряда в других уральских языках, следует объяснять разнорядностью основы, т.е. первичным $\bar{a}$ второго слога, при первичности переднего ряда гласного первого слога.

2) Аномальный ряд соответствий, в котором гласному $\bar{a}$ первого слога в прибалт.-фин. языках соответствуют рефлексы $*\bar{o}$ в саамском и мордовском, следует объяснять огублением под влиянием губного гласного второго слога. (Формулировка этих гипотез принадлежит мне). Если эти гипотезы верны, восстановление минимального вокализма второго слога в уральском является aberrацией в результате одноподправленности процессов конца слова в уральских языках, т.к. губные гласные и гласный $\bar{a}$ в позиции после гласного переднего ряда должны были существовать еще в прибалтийско-финно-волжском языке и даже в ранний период прибалтийско-финского языка.

Другой узел проблем связал с реконструкцией уральских долгих. В наброске статьи "Долгий $\bar{a}$ в уральском" В.М.Иллич-Свитыч пытался реконструировать дополнительно к обычной реконструкции два долгих звука: $\bar{a}$ и $\bar{h}$. Реконструкция первого была основана в общем на тех же фактах, что и реконструкция Б.Коллиндером уральск. $\bar{o}\bar{o}$; реконструкция второго основывалась на соответствии прибалтийско-фин. $\bar{a}$ рефлексам, тождественным рефлексам $\bar{a}$, в других уральских языках.

Судьба этих реконструкций в дальнейшем была различной. В то время как $\bar{h}$ мы находим в "Ностратическом словаре", $\bar{a}$ в нем отсутствует, и автор подчеркивает в ряде статей, что ностр. $*\bar{a} >$ уральск. $\bar{o}$. Причины отказа от реконструкции $\bar{a}$ неизвестны.

Проведенный мной анализ материала, на котором строится реконструкция долгих в уральском, показал, что: если, учитывая распространение преимущественно "темы" $\bar{e}$ в долготных основах в финском, считать

это финской инновацией, а в вопросе о первичном характере гласного конца основы опираться на показания мордовского, марийского и удорского диалекта коми, то в материале, на основании которого восстанавливались $\bar{o}$ и $\bar{a}$ ($\bar{o}\bar{o}$ и $\bar{o}\bar{b}$ Б.Коллиндера) обнаружится дополнительное распределение по характеру гласного конца основы. Это указывает на то, что данные два ряда соответствий явились результатом расщепления первоначально одной фонемы под влиянием гласного второго слога. Т.к. В.М.Иллич-Свитыч, как это видно по тексту Словаря, придавал большое значение показаниям волжско-финских языков и удорского диалекта коми, можно думать, что указанное дополнительное распределение, видимо, было им замечено и это послужило основанием для отказа от первоначальной реконструкции.

Иное положение с реконструкцией $\bar{a}$. Эта реконструкция проведена во всех написанных частях Словаря. Однако при сравнении слов с $\bar{a}$ и $\bar{e}$ обнаруживается их дополнительное распределение по характеру гласного второго слога: $\bar{a}$ — перед $\bar{a}$, $\bar{e}$ — перед $\bar{e}$. Следовательно, нужно предполагать переход ностр. удлинненного $\bar{a} > \bar{e}$ в $\bar{e}$ -основах, что подтверждается и ностратическими соответствиями.

С другой стороны, можно заметить, что основания для реконструкции $\bar{a}$, если отвлечься от долготы, те же, что и в реконструкции разнорядных слов типа $\bar{C}\bar{a}\bar{C}\bar{a}$. Если придавать значение этому параллелизму, а это, по-видимому, неизбежно, оставаясь на точке зрения данной гипотезы, то все разобранные в тексте словаря основы с $\bar{a}$ следует реконструировать как тип $\bar{C}\bar{a}\bar{C}\bar{a}$. Это, по-видимому, обнаружил и сам автор, т.к. в статье $\bar{n}\bar{a}/w\bar{n}/\bar{a}$ (Сл. ч. II) он дает реконструкцию $\bar{a}$ второго слога. Однако реконструкция $\bar{a}$ им сохраняется, и возможно, не только потому, что рефлексы $\bar{a}$ в уральских языках, кроме прибалтийско-финских, те же, что и рефлексы $\bar{a}$.

О РЕФЛЕКСАХ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО УДАРЕНИЯ В
ИНДОИРАНСКИХ ЯЗЫКАХ

А. О рефлексах индоевропейского ударения в дардских языках

Из языков этой группы, просодические системы которых могут восходить к индоевропейской, лишь дамели и шина представлены материалом, достаточным для предварительной оценки.

I. О тонах в дамели (д.)

Г.Моргенштерне отмечает в д. два тона – восходящий (´) и нисходящий (˘), – связывая первый из них с исторической аспирацией согласных. Однако анализ приводимого им материала опровергает последнее утверждение (см. примеры, в которых не наблюдается никакой преимущественной связи восходящего тона с историческими аспирированными) и позволяет связать тоны д. с древнеиндийскими просодическими характеристиками – количеством и ударением:

1. Основы с древними краткими гласными, не подвергавшимися заместительному удлинению (такое удлинение следует предполагать в основах, замыкавшихся сочетаниями с сонорными: *ṅḍ, nt, nth, ng, nc,*

rt, kv ?) получают в д. восходящий тон независимо от места первоначального ударения¹:

а) *Barýtōna*: 1. *war'* 'живот': *udāram* (п.); 2. *kul'* (м.) 'дом': *kūlam* (п.) 'семья, жилище'; 3. *muk(h)'* 'лицо': *múkham* (п.); 4. *khar'* 'осел': *kháras* (м.); 5. *daš'* 'десять': *dáśa*; 6. *pas'* 'сестра': *svásar-* (ф.).

б) *Oxytōna*: 1. *sat'* 'семь': *saptá*; 2. *aṣṭ'* 'восемь': *aṣṭá*; 3. *zip'* (ф.) 'язык': *jihvā* (ф.); 4. *bit'* (м.) 'доска, стропило': *bhittís* (ф.) 'циновка из расщепленного тростника; стена, перегородка, панель'.

Ср. также краткостные основы, у которых первоначальный тип ударения неизвестен: 1. *hal'* 'плуг': *hala-* (м., п.); 2. *ḷa'* 'смола, камедь': *jatu-* (п.).

2. Основы с древними долгими гласными (или с долготами, появившимися в результате заместительного удлинения, см. выше) получают в д. а) нисходящий тон, если относятся к др.-инд. баритонам, и б) восходящий тон, если относятся к др.-инд. окситонам, или, по крайней мере, имели др.-инд. ударение на слоге, следующем за сохранившимся слогом:

а) *Barýtōna*: 1. *bum* 'земля, почва': *bhūmis* (ф.); 2. *brā* 'брат'

bhrātar-; 3. *phāl'* 'лемех': *phālas* (м.); 4. *gram* 'деревня': *grāmas* (м.); 5. *san* 'холм, возвышенность, куча': *sānu-* (м., п.) 'вершина, гребень горы'; 6. *kan* 'стрела': *kāṇḍa-* (м., п.); 7. *lum* 'одиночный волос': *lóman-* (м.) 'волосы на теле'; 8. *phan* (м.) 'тропа, путь': *pānthān-*; 9. *pāc* 'пять': *pānca*; 10. *maç* 'мужчина, человек': *martyas* 'смертный, человек'; *ser* (м.) 'солнце': *sūryas* (м.); 12. *ṣṭr* 'четыре': *ṣatvāras*; 13. *bāś* 'двенадцать': *dvādaśa*; 14. *ṣig* 'рог': *śṅgam* (п.); 15. *ṣak* 'задняя часть шеи': *srākva-* (м. или п.) 'угол рта, рот, глотка' (для удлинения ср. пх. *ṣāk*).

б) *Oxytōna*: 1. *dum* 'дым': *dhūmas*; 2. *mās'* 'мясо': *māśam* (п.); 3. *ṣhīr* 'молоко': *kṣhīram* (п.); 4. *chin'* 'тьма, мрак': *kṣhīna-* (adj.) 'уничтоженный, испорченный, оконченный'; 5. *āi'* 'мукá' (< **arta-*): афр. *ōr'á* (< **arta-*); 6. *san* 'дыра': *saṃdhīs* (м.) 'соединение; стена; брешь в стене'; 7. *zan'* 'змея': *jantús* (м.) 'создание, живое существо, пресмыкающееся'; 8. *gōm* 'пшеница': *godhūmas* (м.) (пример с ударением на слоге, следующем за сохранившимся); 9. *ās'* 'рот, уста': *āsás* (abl.), *āsā* (instr.); *āsán-* (п.); 10. *bār'* (? Mgst. дает: *bār* (или?)?). Древнеиндийскому соответствует именно второй вариант) 'груз': *bhāras* (м.).

Отмечено пять отклонений от описанного распределения: 1. *dan'* 'зуб': *dānta-* (м.); 2. *sutr'* 'нитка': *sūtram* (п.); 3. *ek'* 'один': *éka*; 4. *bār'* 'шерсть': *vāras* 'конский волос, шерстяное сито'; 5. *dār'* 'склон холма, косогор': *dhārā* (ф.) 'острие, край'. Предварительно о них можно сказать следующее: 1. Нетематическая основа **dant-* (см. др.-инд. ном. sg. *dán*, instr. sg. *datā*, acc. pl. *datás*) при тематизации в диалектах, продолжением которых является д., могла дать окситонезу: **dantá-*. Однако, вероятнее, причина этого отклонения в краткости корневого гласного данной формы (ср. шина *dgn* 'зуб'), что, возможно, также связано с краткостью гласного в нетематическом варианте. 2. В *sutr'* обращает на себя внимание сохранение группы *tr*, которой, возможно, обусловлено было раннее сокращение гласного *ū*. Вторичного (заместительного) удлинения, естественно, не произошло. 3. В *ek'* могло быть сокращение гласного в условиях безударности при употреблении в качестве неопределенного местоимения 'какой-то'. 4. и 5. Для двух последних примеров, если их сравнения правильны, следует предполагать или древнеиндийские окситонированные варианты, или вторичный переход в окситонированный тип.

II. О парадигматическом акценте в шина (ш.)

Т.Г. Бейли указывает в ш. два акцентных типа имени: 1) слова с постоянным ударением на основе (*barýtōna*), 2) слова, которые в формах с окончаниями имеют ударение на последних (*oxytōna*)².

² В словаре Т.Г. Бейли отмечает обычно только *oxytōna*; отсутствие знака ударения свидетельствует о баритонированном типе. Такой способ неудобен особенно при описании малоизученного языка, когда отсутствие знака часто остается двусмысленным: акцентуируется ли слово по указанному соглашению или автор не знает его акцента?

¹ Здесь и ниже примеры из анализируемого языка, а также из др.-инд. и греч. приводятся без указания на язык; значение при тождественности или близости его в разных языках дается один (первый) раз.

При сравнительной редкости парадигматических типов акцента вероятностность того, что парадигматический акцент в новоиндийском языке, типологически тождественный древнеиндийскому, окажется инновацией, очень мала. К тому же, при довольно большом количестве исключений, что не удивительно, учитывая хронологический разрыв между системами, в большинстве случаев акцентные типы имен ш. совпадают с соответствующими древнеиндийскими:

1) Barytona: 1. *āshp-ā*, -e (m.) 'лошадь, конь': *āśvas* (m.); 2. *ṣēṣ-(h)*, *i*, -*ēi*, -o (m.) 'поле': *kṣétram* (n.); 3. *śīn-*, -i (m.) 'por': *śrīgam* (n.); 4. *ōṭ-ṣ*, -e (m.) 'губа (верхняя)': *ōṣṭhas* (m.); 5. *kon*, -i, -*āi*, -o (f.) 'стрела': *kāṇḍa-* (m., n.); 6. *gīrom-*, gen. -*ai* (f.) 'пот, испарина': *grāmas* (m.) 'толпа, деревня'; 7. *hāt-*, -i (m.) 'рука': *hāstas* (m.); 8. *hīn-ē*, gen. -o (m. pl.) 'пена': *phēnas* (m.); 9. *gum*, *gūm-i*, -*āi*, -o (m.) 'пшеница': *godhūmas* (m.); 10. *dṣṇ*, gen. *dṣṇyāi*, pl. *dṣṇye*, gen. -yo (m.) 'зуб': *dāntas* (m.); 11. *ūth* (m.) 'верблюд': *uśtras* (m.); 12. *kā-*, *kā-* или *kā-ye*, -*yēi*, -yo или -wo 'ворона': *kākas* (m.); 13. *ṣṇ* (m.) 'зерно': *ānnam* (n.) 'пища, продовольствие (особенно рис)'; 14. *kū-i*, -*yē*, -*yēi* -yo (f.) 'деревня, сельская местность': *kūpas* (m.) 'углубление, дыра, колодезь'; 15. *agūt-o*, -*ē* (m.) 'большой палец': *āngūṣṭas* (m.); 16. *kāṣ-*, gen. -*āi* (f.) 'трава, дерн': *kāṣas* (m.) 'убежище; подлесок; кустарник, сухой кустарник, сухое дерево; трава'; 17. *grā*, *grā*, *grāēi*, *grāvo* (m.) 'затмение': *grāhas* (m.) 'грабеж, захват; захват солнца, т. е. затмение'; ср. также *grābhās* (m.) 'захват имущества'; 18. *ēk*, gen. -*āi* 'один': *ēka*; 19. *ugār-*, -i (m.) 'огонь': *āngāras* (m.) 'горящие угли' (сохранение акцентного типа, но изменение места ударения в пределах основы); 20. *āṣṭāē* 'восемнадцать': *astādaśa*; 21. *sūr-i*, -*yē* 'солнце, солнечный свет': *sūryas* (m.); 22. *hī-ū*, -*ē*, -*ēi*, -o (m.) 'сердце': *hrīdayam* (n.); 23. *dār*, gen. *dārēi* (m.) 'дверь': *dvāra-* (n., m.) или *dvār* (f., корневой тип с неподвижным ударением); 24. *yun-*, -*ē*, -*ēi*, -o (f.) 'луна, месяц' < *yōtsnā < *iyōtsnā: *iyōtsnā* (f.) 'лунная ночь, лунный свет'; 25. *khu-*, gen. -*āi* (f.) 'кашель': *kāsā* (f.), *kās* (f.), *kāsikā* (f.); 26. *āṣ-ṣ*, -*ē* (m.) 'слеза': *āśru* (n.); 27. *rati*, -*yē* (f.) 'ночь': *rātrī* (f.) и *rātri-* (f.); 28. *āt-i*, -*yē*, -*yēi*, -yo (f.) 'кость': *āsthi* (n.); 29. *āi*, *āyē*, -*āi*, -o (f.) 'коза (самка)': *āvi-* (m., f.) 'овца'; 30. *āgū-i*, -*yē* (f.) 'палец': *āngūli-* (f.); 31. *āṣṭēr* (f.) 'град': *asāni-* (f.) 'молния (понимаемая как брошенный камень); каменное острие'; 32. *gāē* (f.) 'пение': *gāthā* (f.) 'песня'; 33. *kṛī-*, -*yē* (f.) 'насекомое': ? *kṛīmi-*, *kṛīmi-* (m.) 'червь, насекомое'; 34. *zā*, *zārṣ*, *zavai*, *zāro* (m.) 'брат': *bhrātar-*; 35. *nom*, *nōm-i*, -*āi*, -o (m.) 'имя': *nāman-* (n.); 36. *kṛom*, *kṛōmi*, также *kṛom*, *kṛōmi* (m.) 'работа': *kārtman-* (n.).

2) Oxytona: 1. *dum+*, -i, -*āi*, -o (m.) 'дым': *dhūmas* (m.)³; 2. *bar+*, *bāri*, -*āi*, -o (m.) 'груз': *bhārās* (m.); 3. *kāl*, *kāli*, -*āi*, -o (m.) 'год': *kālās* (m.) 'время'; 4. *ṣhār*, -i (m.) 'водопад': *kṣarā-* (adj.) 'растайвающий, исчезающий', (m.) 'облако', (n.) 'вода' (акцент по

Ṣanapātha, 133, 35); 5. *goṣ*, -i (m.) 'дом, помещение, комната': *goṣ-ṭhās* (m.) 'коровник'; 6. *hīn-*, gen. sg. -*āi* (m.) 'снег': *himā-* (m.) 'зима', (n.) 'мороз, снег'; 7. *sīs-*, -i, -*āi*, -o (m.) 'голова': *sīrṣā(n)-* (n.); 8. *grā+*, *grā+* или *grāyī+*, *grāyēi*, *grāyo* или *grāvō* (m.) 'крокодил': *grāhā-* (adj.) 'берущий, схватывающий, захватывающий', (m.) 'хищник: крокодил, акула, змея', ср. также *grābhās* (m.) 'захватчик; демон, причиняющий болезни' (ср. № 17 Barytona); 9. *ga*, *gāyē*, *gāi*, *gāyo* или *gāvō* (m.) 'небольшой горный поток' или 'дно потока': *gāhās* (m.) 'внутренность, глубина', ср. также *gādhām* (n.) 'брод; дно реки'; 10. *koṇ*, *koṇ-i*, -*āi*, -o (m.) 'ухо': *kaṇā-* (adj.) 'с ушами, длинноухий' (в существительном, может быть, окситоне за сохранилась в adv. *apikarṇē* RV VI, 48, 16. Баритоне за существительное в ведийском распространена в RV и на прилагательное); 11. *jil+*, -*ē* (f.) 'жизнь': *jīvalā-* (adj.) 'полный жизни' (субстантивация ж. рода: *jīvalā*); 12. *dish-*, -*ē* (f.) 'место': *deśās* (m.) 'место, территория, край, страна' или от *dis-* (f.) 'направление, место, способ', с подвижным акцентом, ср. instr. *disā*; 13. *līṣ*, *liṣē* (f.) 'гнида': *likṣā*, афр. *rīṣā* (f.); 14. *shāk-*, -*ē*, -*ēi*, -o (f.) 'сомнение': *śānkā* (f.); 15. *āṣhī*, -*yē*, -*yēi*, -*ījo* (f.) 'глаз': *akṣī-* (n.); 16. *gūṇ*, -*ē*, -*āi*, -o (f.) 'узел': *granthīs* (m.); 17. *kho*, -*vī*, -*vāi*, -*vō* (m.) 'пещера': *khanī-* (adj.) 'подрывающий', (f.) 'рудник, копь'; 18. *mūṭ-(h)*, -i, -*āi*, -o (m.) 'кулак': *muṣṭī-* (m., f.); 19. *kācī-*, -*yē* (f.) 'ножницы': *kṛtī-* (m. или f.) 'кинжал, нож'; 20. *kiṣī* (f.) 'линия, черта, борозда' *kṛṣī-* (f.) 'пахота, обработанное поле'; 21. *sū+*, *suv-ē*, -*āi*, -o (f.) 'игла': *sūcī* (f.); 22. *jṣṇ*, -i (m.) 'змея': *jantūs* (m.) 'создание, живое существо, пресмыкающееся'; 23. *mā*, gen. sg. *māyēi* (f.) 'мать': *mātār-* (f.); 24. *gō*, *gō* или *gāvē*, *gōai*, *gōo* или *gāvō* (f.) 'корова': *gāus* (m., f., корневое слово с первоначально подвижным ударением; подвижность акцента сохранилась в греческом: βοῦς, gen. sg. βοός и под.); 25. *shū*, *shūv-ṭ*, -*āi*, -o 'собака': *śvān-* (m., корневое слово с первоначально подвижным ударением; подвижность акцента сохранилась в греческом: κύων, gen. sg. κυνός и т. д.), ср. также *sunī* (f.) 'сука'; 26. *ra*, *rājī+* (m.) 'король, раджа': *rāj* (m., f.; корневое имя, следует предполагать первоначальную подвижность ударения), ср. также *adhi-rājas* (m.) 'всевышний'.

Отклонения

A. Barytona вместо ожидаемых окситон.

а) Древнеиндийские охутона представлены в ш. баритонами регулярно, когда в др.-инд. в конце слова была svarīta. Это преобразование следует считать, по-видимому, фонетическим, оно отразилось уже в поздневедийский период в системе Шатапатабрахманы.

1. *āi*, *āy-e*, -*ēi*, -o (f.) 'рот, уста': *āsyā-* (n.); 2. *āgā-i*, -*yē* (f.) 'небо, небеса': *ākāśyā-* (adj.) 'находящийся в воздухе, в небесах' (акцент по Ṣanapātha); 3. *ōsh-ū*, -*ē* 'гость': *vidēśyā-* (adj.) 'находящийся на чужбине' или от *apadeśyā-* (adj.) * 'чужой, посторонний' (у второго слова акцент закономерно должен быть тот же, что и

³ Значком + после слова обозначается восходящий тон, который в ш., по-видимому, связан с древними аспирированными согласными.

у первого); 4. *áz-ŭ, -ě, -ěi, -o* (n., m. и adj. ?) 'туча, облако, дождь, сырость': *abhriya-* (adj.) 'из тучи происходящий, к туче относящийся, (m.) 'молния', (n.) 'грозовая туча' (>*abhryā- > ábhrya-, последний этап зафиксирован в Gaṇarāṭha 226, 6); 5. *kāri, kāryo* 'для, ради': *kārya-* (adj.) 'который должен быть сделан или исполнен', (n.) 'задача, обязанность, цель, следствие'.

б) В другой группе отклоняющихся от древнеиндийского баритон не удается установить какой-либо регулярности, свидетельствующей о фонологических условиях преобразования. Любопытно, что ряд таких отклонений обнаруживает совпадения в акцентовке с другими индоевропейскими языками.

1. *sārk-ŭ, -ě, -ăi, -o* (m.) 'колесо, круг': *sakrā-* (m., n.), но ср. *kuklos*, pl. *kukla*, герм. *hwéhwula- <*kčékWlon- (см. др.-англ. *hwēol*). В лит. 4 а.п., но в Библии 1755 г. два раза *kákliū*, что указывает на а.п. 2 (ср. Иллич-Свитыч, стр. 50). 2. *uz-ŭ, -ě* (m.) 'выдра': *udra-* (m.) 'водяное животное (краб или речная выдра)'; но ср. *úδρoς* (m.) 'водяная змея' или 'уж', *úδρā* (f.) 'гидра'; лит. *údra* (а.п. 1) 'выдра', слав. *vŭdrā; 3. *hanz-a, -e* (m.) 'гусь': *hamsās* (m.), но ср. герм. *gansiz <*ghānsis (др.-в.-нем. *gans*, др.-англ. *gōs*, др.-исл. *gās*), при подвижности в лит. и слав. (древняя корневая основа). 4. *pit-ŭ, -ě* (m.) 'спина, задняя часть': *piśthām* (n.) 'спина, хребет, верхняя часть, верх'; но ср. лит. *piśtas* 'палец, палец ухвата' (2 а.п., см. Иллич-Свитыч, стр. 52), слав. *pŭstŭb (а.п. b; < *pŭstŭb, см. Иллич-Свитыч, стр. 128). 5. *gīr-i, -yē* (f.) 'скала': *giri-* (m.); но ср. афг. *yār* (m., barytonon! Oxytonon дало бы *yŕē). 6. *gī(-h), -yē, -yăi, -yo* 'масло': *ghrīta-* (n.); но ср. афг. *ywar* (adj.) 'масляный, жирный', (m.) 'помада' (если этимология верна, barytonon). 7. *ji-p, -bē, -băi, -bo* (f.) 'язык': др.-инд. *jihvā* (f.), но ср. афг. *žōba* (f., если не заимствование, barytonon); 8. *mos, gen. mozai* (m.) 'мясо': *māmsā-* (n.) (и корневой вариант *mās* (n.)). 9. *chal-⁺, -e, -ei, -o* 'козленок': *chagalās* (m.) 'козел' (возможно влияние производящей основы *chāgas* (m.) 'козел'); 10. *pūç-, gen. -ai* (m.) 'сын': *putrās* (m.); 11. *gōn* (m.) 'запах': *gandhās* (m.); 12. *kāf-, gen. -ăi* (m.) 'лес, дерево, древесина': *kāśthām* (n.) 'полено'; 13. *sur-i* (m.) 'свинья': *sūkarās* (m.) 'боров'.

Б. Охутона вместо ожидаемых баритон.

Эта группа отклонений стоит в ш. одиноко и является, по-видимому, результатом каких-то морфонологических преобразований. Она не многочисленна:

1. *sin-, -ě* (f.) 'поток, река (особенно Инд)': *sīndhu-* (m., f.); 2. *mūk(-h), -i, -ăi, -o* (m.) 'лицо': *mūkha-* (n., *m.); 3. *īç(-h), -i, (m.)* 'медведь': *īkṣas* (m.); 4. *ūrān-, -i, -ăi, -o* (m.) 'ягненок': *ūrāna-* (m.).

Таковы предварительные результаты акцентологического исследования дардских языков.

Б. О следах индоевропейского ударения в йидга

Г. Степень описанности восточноиранского языка йидга и его акцентной системы, в особенности, далеко не соответствует требованиям сравнительной акцентологии. Дело осложняется и тем, что слабый акцент в йидга подвержен значительным колебаниям по диалектам и, по-видимому, во фразовых условиях, а также, возможно, зависит от качества и количества гласных. Однако уже то, что можно заметить сейчас, имеет определенное значение для индоиранской акцентологии и, может быть, в какой-то степени направит внимание будущих исследователей этого языка на важные для акцентологии моменты.

II. Обращает на себя внимание то, что у числительных: 'пять', 'семь', 'восемь', 'девять', 'десять' — редукция конечного гласного происходит лишь у баритонированных имен, тогда как охутона его сохраняют:

Barytona: 1. 'пять' — Ysh. *pānj*, Yr. *pānj*, Yg. *pānš* (*pānš*), Yzh. *pānš* (*pānš*): др.-инд. *pāñca*; 2. 'девять' — Ysh. *nōu*, Yzh. *nōu*: др.-инд. *nāva*, афг. *nā*; 3. 'десять' — Ysh. *los*, Yg. *los*, Yzh. *los*, Yr. *los*: др.-инд. *dāśa*, афг. *lās*.

Oxytona: 1. 'семь' — Ysh. *avdō*, Yr. *avdō*, Yg. *āvdo*, Yr. *āvdo*, Yzh. *āvdo*: др.-инд. *saptā*, афг. *ovā*; 2. 'восемь' — Ysh. *āščō*, Yr. *āščō*, Yg. *āščō*, Yzh. *āščō*, Yr. *āščō*: др.-инд. *aṣṭā*, афг. *atā*.

При этом в диалектах Ysh., Yr., Yg. ударение сохраняется на месте, соответствующем древнеиндийскому.

Единственный из новоиранских языков (кроме йидга и очень близко к нему мунджанского), показывающий аналогичное развитие, — афганский, где такое развитие непосредственно связано с местом ударения.

III. Основы на *ō* ж. р., восходящие к *ā*-основам, индоиранским или возникшим в результате перестройки, в акцентологическом отношении образуют две группы. Имена, входящие в первую группу, показывают регулярную баритонезу во всех диалектах, изученных Г. Моргенштерне; в именах, входящих во вторую, ударение колеблется по диалектам, но в диалектах Ysh., Yr. (и менее последовательно в Yg.) у них регулярно прослеживается конечное ударение.

Первой группе обычно соответствуют баритонированные основы в древнеиндийском и афганском, второй, — как правило, древнеиндийские и афганские окситоны:

Barytona: 1. 'снег' — Ysh. *wórfo*, Yr. *wárfo*, Yg. *wárfə*, Yzh. *wárfə*: др.-инд. *vāpra-* (m., n.) 'насыпь', афг. *wāwra* 'снег'; 2. 'кровь' — Ysh. *īno*, Yg. *īno*, Yzh. *īno*, Yr. *īno*: афг. *wīna*; 3. 'вошь' — Ysh. *špūo*, Yr. *špūo*, Yzh. *spūo*: афг. *spāza*; 4. 'бровь' — Ysh. *vŕīyo*, Yzh. *vŕīyo*, Yr. *vŕīyē* (мн.): афг. *wŕəza*; 5. 'женщина' — Ysh. *šīyo*, Yr. *šīyo*, Yg. *šīyo*, Yzh. *šīyo*, Yr. *šīyo*: афг. *šāza*; 6. 'борода' — Ysh. *yārzo*, Yzh. *yārzo*: афг. *žīra*; 7. 'ослица' — Ysh. *xóro*, Yzh. *xóro*: др.-инд. *khāras* 'осел'; 8. 'одна из жен (при многоженстве)' — Ysh. *sóuno*, Yzh. *sóuno*: др.-инд. *sapātñī*, афг. *bān*.

Oxytona: 1. 'шея' - Ysh. *yurvo*, Yr. *yurvo*, Yg. *yurvo*, Yzh. *yurvo*: др.-инд. *grīva*, афг. *garva*; 2. 'ночь' - Ysh. *xšovo*, Yr. *xšovo*, Yg. *xšovo*, Yzh. *xšovo*: др.-инд. *kṣarā*, афг. *špā*; 3. 'сноха, невестка' - Ysh. *zenio*, Yr. *zēnyo*, Yg. *zinyo*, Yzh. *ziniō*: др.-инд. *snuṣā*, афг. *nžōr*; 4. 'волосы' - Ysh. *yūni*, Yr. *yūniō*, Yg.

yūni, Yzh. *yūnia*: афг. *yūnā* 'цвет (кожи), вид, внешность'; 5. 'овца' - Ysh. *mūō*, Yr. *mūō*, Yg. *mūō*, Yzh. *mūō*: др.-инд. *meśās* 'баран'; 6. 'молодая жена' - Ysh. *wu'lo*, Yr. *u'lo*, Yzh. *wūlo*: др.-инд. *vadhū* (f.); 7. 'свекровь' - (Y) *xušō*: др.-инд. *śvasrū*.

IV. Как и в существительных на о (<ā) в формах презенса в йидга можно заметить следы парадигматического распределения акцента:

Barytona: 1. *mēzem* (Ysh.), *mīzem* (Yzh.) 'mingo' др.-инд. *mēhāmi* 'mingo'; 2. *wīnem* (Y.) 'вижу': афг. *wīnēm* 'вижу', др.-инд. *vēnā-mi* 'стремлюсь к чему-либо, завидую'; 3. *avāzēm* (Ysh.), *avāzēm* (Yzh.) 'привожу, приношу': др.-инд. *ājāmi* 'гоню'; 4. *xōšēm* (Y.) 'тяну, тащу': др.-инд. *kārṣati*, афг. *kāžī* 'тянет, тащит'; 5. *ušāwam* (Ysh.), *ušāwam* (Yr.), *ušāwam* (Yzh.) 'зову, подзываю': афг. *šayī* 'показывает, обучает'; 6. *žāfūm* (Yg., Yzh.) 'жую': афг. *zōwī* 'жует, разжевывает'; и др.

Oxytona: 1. *pərsəm* (Ysh., Yr., Yg.), *pərsīm* (Yzh.) 'спрашиваю': др.-инд. *pṛcchāmi* 'спрашиваю'; 2. *mərēm* (Yr., Ysh.) 'умираю': др.-инд. *mriyāte* 'умирает', афг. *mī* 'умирает'; 3. *wōrēm* (Ysh.) 'тку, плету': афг. *awōrī* 'перевертывается', др.-инд. **vartti ~ *vrtanti*; 4. *avəgūt* (Yzh.) 'несу': афг. *wīfī* 'несет', др.-инд. *bhārti*; 5. *kenēm* (Ysh.), *kenēm* (Yr.), *kenēm* (Yg.), *kenēm* (Yu., Yzh.) 'делаю': др.-инд. *kṛnōmi* 'делаю'; 6. *lətonəm* (Ysh.), *lətonəm* (Yzh.) 'натираю, стираю': др.-инд. *mathnāmi* 'верчу, натираю, взбалтываю'; 7. *yurvūm* (Ysh., Yr.), *yurvūm* (Yg.), *yurvūm* (Yzh.) 'схватываю, захватываю, завладеваю': др.-инд. *grbhāyāti* 'схватываю, ловлю'; 8. *xurēm* (Ysh., Yr.), *xurēm* (Yzh.) 'ем': афг. *xurī* 'ест'; и др.

V. Если приведенные соображения верны и восстанавливаемое ударение первоначально, отклонения от него возникают, по-видимому, под влиянием количества гласных. В этом случае в йидга следует видеть состояние, переходное от акцентной системы афганского типа к ишкашимскому, с его морфологизированным распределением ударения в презенсе глагола в зависимости от количества гласного.

VI. В соответствии с Г. Моргенштерне в тезисах употребляются следующие обозначения для локализации материала: Y. обозначает, что указанные формы были даны информантами из Yzh. и Ysh. и во всяком случае двумя другими информантами. Говоры долины Kokcha (Мунджан): Ysh. - пункт Shahr-i-Munjan. Yr. - пункт Rubāt-i-Kōp. Говоры долины Lutkuh (Читрал): Yg. - пункт Gufti. Yr. - пункт Parabek. Yu. - пункт Ughuti. Yzh. - пункт Zhitr.

Приведенный в тезисах и докладе материал показывает, что именно в говорах долины Kokcha сохраняется наиболее архаичная акцентная система, тогда как говоры долины Lutkuh более или менее последовательно проводят оттяжку ударения на предшествующий долгий (полный?) гласный.

ПРОБЛЕМА ПРОТОАФРАЗИЙСКОЙ ГЛАГОЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

1. Суждения о характере протоафразийской (семитохамитской) глагольной системы традиционно базировались на представлениях о семитском и в особенности о западносемитском (арабском и т.п.) глаголе. Хотя исследователям был хорошо известен также и египетский глагол на различных ступенях развития языка, однако египетский материал для восстановления протоафразийских форм мало привлекался, что вполне оправдано, так как для глагольных систем других ветвей афразийской семьи египетская стоит совершенно особняком. К тому же, она и до сих пор далеко не до конца понятна. Внешнее же сходство между семитской глагольной системой и системами кушитских, берберских, а затем и чадских языков было давно отмечено - например, Л.Рейнишем, К.Мейнхофом, еще ранее - Р.Лепсиусом, - однако до недавнего времени не было сделано попыток обобщить весь этот материал, создав реконструкцию протоафразийской глагольной системы на основании всех ветвей и языков афразийской семьи. Высказывавшиеся в послевоенные годы теории - например, М.Коэна, О.Рёсслера, А.Клингенхебена и др. - не получили общего признания. Между тем, отсутствие общей теории глагола для всей афразийской семьи в целом делает недостаточно достоверными предложенные реконструкции для отдельных ветвей семьи (например, Е.Куриловича, Ф.Рундгрена - для семитских, Т.В.Тэккера и мн.др. - для египетского).

2. Не останавливаясь на всех предложенных гипотезах, отметим лишь некоторые, представляющиеся нам наиболее важными и характерными:

а) Согласно одной гипотезе, древнейшим является суффиксальное спряжение типа египетского псевдопартиципа, аккадского статива и западно-семитского перфекта. Другие глагольные формы, в том числе префиксальные образования во всех ветвях семьи, кроме египетской, а также египетские суффиксированные формы (с субъектом, выражаемым с помощью посессивной или предложной конструкции, - являются вторичными. Эта гипотеза имела известную популярность среди египтологов, но не получила всеобщей поддержки.

б) Согласно другой гипотезе, древнейшим является префиксальное спряжение без видо-временного членения спрягаемых форм; вторичным является деление на спряжение полногласных и неполногласных основ, например, со значением имперфектива и перфектива (так в аккадском, но не в других семитских языках: синхронность с аккадским полногласного имперфектива в семитских южно-периферийных языках берет сторонниками этой гипотезы под сомнение); согласно этой же точке зрения, вторичным и поэтому не получившими распространения во всех языках семьи является и суффиксальное спряжение типа аккадского статива и западносемитского перфекта; подобного рода образо-

вания складываются, по этой гипотезе, в отдельных, между собою не связанных языках спонтанно, в силу аналогичного, но независимого внутриязыкового развития; факту такого аналогичного развития не дается объяснения. Такова, пожалуй, наиболее распространенная и сейчас точка зрения; ее, расходясь в отдельных деталях, в основном придерживаются М.Козн, А.Клингенхейбен, отчасти Ф.Рундгрэн и др.

в) Согласно третьей гипотезе, к протоафразийскому единству относится существование двух префиксально-спрягаемых форм – полногласной и неполногласной, и одной суффиксальной, которая наблюдается, в однородных и органически взаимосвязанных формах, в аккадском, западно-семитских, египетском, берберо-ливийском, а также в кушитских. Автор этой гипотезы, О.Рёсслер, неоправданно исключил из числа афразийских (в его терминологии – по-просту “семитских”) чадские языки, которые он называл “гибридно-негритянскими”. Гипотеза О.Рёсслера подверглась жестокой критике со стороны А.Клингенхейбена, который взял под сомнение правильность самих приводимых О.Рёсслером фактов из кушитских и берберо-ливийских языков.

3. Автор настоящего доклада счел возможным, после устранения ошибочно привлеченных или ошибочно истолкованных О.Рёсслером фактов, и привлекая также факты чадского языка хауса, вернуться к теории трех глагольных праформ, хотя и внес в нее значительные частные поправки. В настоящее же время в нашем распоряжении имеется еще большее число достаточно надежно проверенных фактов, которые заставляют предполагать наличие в протоафразийском двух префиксальноспрягаемых основ – полногласной со значением курсивно-дуративного или имперфективного вида, и неполногласной со значением пунктуального или перфективного вида, а также одной суффиксально-спрягаемой основы; первые две регистрируются в аккадском и, по видимому, в южно-периферийных семитских (и реконструируются для других семитских языков), в кушитских, чадских и берберо-ливийских языках (но в египетском наблюдаются только весьма сомнительные её реликты); третья глагольная форма, то есть суффиксально-спрягаемая, зарегистрирована во всех семитских, включая аккадский, в египетском, в одном из берберских, по крайней мере в одном из чадских, а также в кушитских (но это – не те кушитские формы, которые сопоставлял с семитским суффиксально-спрягаемым перфектом О.Рёсслер). Особняком стоят египетские глагольные суффиксально-спрягаемые формы с субъектом в виде посессивного или предложного оборота. Весьма вероятно, что для протоафразийской стадии придется реконструировать даже не три, а и больше форм, в частности различные формы наклонений, пород и т.д.

4. Следует заметить, что едва ли не в большинстве афразийских языков новой стадии возникли новые глагольные системы на основе соединения отглагольного имени с местоименной или префиксально-спрягаемой глагольной копулой; в этих новообразованных глагольных системах обычно находят отражение не только породы, наклонения и виды, но и времена. Таким образом, все так называемые “глагольные” основы в большинстве кушитских и чадских языков, в семитском

новоарамейском, а также – несколько в ином плане – в египетском уже начиная с самых ранних письменных памятников – являются по существу отглагольными именными основами и не могут прямо и непосредственно сопоставляться с собственно глагольными (то есть глагольными в пределах изучаемого раннего периода развития афразийской языковой семьи) формами семитских и берберо-ливийских языков: с такими собственно глагольными формами, как правило, сопоставимы в чадских и кушитских языках только исторически префиксально спрягавшиеся формы глагольной копулы, а также реликтовые случаи древнего суффиксального спряжения предиката состояния; но последний, как это хорошо видно на примере аккадского и египетского языков, – в свою очередь исторически являлся, на уровне протоафразийского и позже, не чем иным, как именным предикатом.

5. Недостаток всех гипотез, предложенных до сих пор для реконструкции протоафразийской глагольной системы, включая гипотезу О.Рёсслера, заключается в том, что в них произвольно проецируются в древность те или иные формы глагольного словоизменения без какого бы то ни было показа ни необходимости именно таких форм с точки зрения общей логико-грамматической системы реконструируемого языка, ни их логической взаимосвязанности. Предлагаемая нами реконструкция протоафразийской глагольной системы исходит (а) из предположения об эргативном характере протоафразийского предложения и (б) из предположения об отсутствии в протоафразийском категорий грамматического времени и о различии в нем имперфективно-дуративного вида от перфективно-пунктуального только в изъявительном наклонении глагола действия. При этом под эргативным строем предложения понимаются не любые конструкции, требующие выражения логического субъекта косвенным падежом, а пронизывающая весь язык структура, основанная, вместо противопоставления актива – пассиву и субъекта – прямому объекту, на противопоставлении действия – состоянию и субъекта действия – субъекту состояния, причем в последнюю категорию включается и прямой объект как субъект состояния, наступившего в результате действия. Это определение эргативного строя предполагает, далее, противопоставление (по содержанию и по форме) предиката действия, как собственно глагольного предиката – предикату состояния как, в историческом плане, именному предикату, а также соответственно, различное оформление субъекта действия и субъекта состояния (последний обычно имеет нулевую форму); напротив, в эргативных языках вероятно ожидать генетически одинакового оформления субъекта независимого состояния и “объекта” действия (то есть субъекта результирующего состояния).

Таким образом, под эргативным строем предложения мы будем понимать такой, как в шумерском, хурритском, урартском, северо-кавказских, палеоазиатских, но не такой, как в грузинском или в индо-иранских средней и новой ступени, где эргативоидная конструкция предложения является либо результатом распада собственно эргативного строя, либо вторичным образованием.

6. При предположении о наличии в протоафразийском эргативного строя в смысле приведенной выше дефиниции, получают простое и последовательное объяснение все главнейшие особенности протоафразийской глагольной системы, реконструируемые на основании наиболее древних фактов всех пяти ветвей семьи:

а) противопоставление глаголов действия (которые имеют префиксальное спряжение; показатели этого спряжения не связаны с прямым падежом личного местоимения) глаголам состояния или, точнее, именному спрягаемому предикту состояния (который имеет суффиксальное спряжение; показатели спряжения связаны с прямым падежом личного местоимения); при этом предикат состояния, или статив, лишь позже развивается в перфект, иногда вытесняя префиксальный тип спряжения перфектива глагола действия, в связи с чем происходит (как в западно-семитских) полная перестройка системы видовых форм и форм наклонения, выражаемых префиксальным спряжением;

б) наличие в форме глагола действия показателей не только субъекта действия, но и субъекта результирующего состояния (прямого объекта: характерное для эргативных языков "многоместное" спряжение);

в) вытеснение в египетском префиксального спряжения глаголов действия именной конструкцией с логическим субъектом в "родительном падеже" (в виде притяжательного прилагательного или именного определения) или в форме предложной конструкции (дело в том, что посессивная конструкция — один из подвидов эргативной конструкции; в данном случае ее развитие могло подкрепляться формальным морфологическим совпадением эргативного — позже номинативного — и родительного падежей?);

г) отсутствие общеафразийских форм пассива.

Связь двучленного видового деления (имперфектив: перфектив, или дуратив: пунктуалис) с эргативным строем пока логически не доказана, но эмпирически наблюдается во всех эргативных языках древнего типа (то есть там, где древнейшая глагольная структура не вытеснена более сложными формами, преимущественно выражающими времена и наклонения, — формами, образованными обычно из глагольного имени и копулы, как например в восточно-кавказских языках и в большинстве афразийских на новой стадии).

Существование эргатива на древнейшем этапе развития афразийских языков подтверждается и анализом истории афразийского местоимения. Лишь в структуре имени эргативному строю противоречит наличие винительного падежа (на -а) в исторически засвидетельствованных семитских и возможность реконструкции этого падежа также и в кушитских. Однако некоторые свидетельства о наиболее древнем состоянии семитских языков заставляют предполагать, что окончание -а было первоначально алломорфом и аллофоном нулевого окончания.

7. Независимо от расстояния "бореальной", или "ностратической" гипотезы в ее нынешнем состоянии (лично мне существование "бореальной" над-семьи языков кажется априорно вероятным, но опубликованные до сих пор материалы не кажутся еще в достаточной степени доказательными), можно поставить вопрос о том, помогает ли установ-

ление фактов протоафразийской глагольной системы реконструировать глагольную систему какого-то более древнего праязыка. Сопоставление с глагольными системами восстанавливаемых праязыков других семей, для которых на "бореальной", или "ностратической" стадии предполагается родство с афразийской семьей, показывает многообразные типологические сходства при материальном несходстве — если не считать очень общего схождения в материале местоимений. Как мне кажется, именно такую картину можно было бы предположить и теоретически, так как даже для некоторых отдельных семей (например, дравидской) реконструкция единой общей глагольной системы, повидимому, невозможна, а в то же время сам эргативный строй глагольного предложения представляется мне возникающим непосредственно из стадии доглагольного (недифференцированного апозитивного) высказывания, как это в свое время предполагал мой учитель А.П.Рифтин, а также его единомышленники.

ИЗ ДРЕВНЕИНДИЙСКОЙ МОРФОЛОГИИ

I. О различии морфологического и фонетического слова в древнеиндийском

В древнеиндийском морфологические правила, действующие на стыках морфов (правила сандхи) отчетливо различают два рода стыков: перед одними стыками возможность противопоставления разных морфем в конце морфов в основном сохраняется (внутренние сандхи), перед другими — резко ограничивается (внешние сандхи). Часть фразы, заключенную между соседними стыками второго рода, можно назвать "морфологическим словом".

С другой стороны, выделяется слово (точнее словоформа) в обычном (морфологическом) понимании, т.е. неразрывная последовательность морфов, содержащая одну или несколько основ (в частном случае корней), соотносенных с лексическим значением, и только одну последовательность морфов (в частном случае одну флексию), соотносенную с грамматическим значением.

Обычное (морфологическое) и фонетическое слово в древнеиндийском в большинстве случаев совпадают, но есть и расхождения; а именно, самостоятельными морфологическими словами являются: 1) именные флексии *bhis*, *bhyas*, *bhyām* и *su*; 2) основы, входящие в состав сложного слова (кроме последней); 3) превербы, т.е. единицы, выступающие в классическом санскрите одновременно в роли самостоятельных наречий (иногда близких к предлогам) и в роли глагольных префиксов. Например, во фразе *praty-ā-khyāyate dvi-jāti-bhiḥ* "отвергается дваждырожденными" два морфологических слова и шесть морфологических.

С исторической точки зрения морфологическое слово отражает более древнее состояние, когда во всех указанных особых случаях были представлены словосочетания. Для случая 3 это непосредственно констатируется для ведийского. Для случаев 1 и 2 это состояние соотносится с существенно более ранним хронологическим этапом, когда было возможно самостоятельное синтаксическое функционирование неоформленной основы.

II. Морфологические уровни в описании древнеиндийского языка

Традиционные описания древнеиндийского языка в неявной форме используют несколько уровней глубинного представления морфем и словоформ, причем так наз. правила сандхи играют роль правил перехода от глубинного представления (морфологического) к поверхностному (фонетическому). Примечательно, что этот переход совершается минуя фонетический уровень.

Морфонологический уровень I обеспечивает единый вид для каждой словоформы. Словоформа на этом уровне выглядит так же, как в изолированной позиции (т.е. когда она одна образует фразу), за исключением того, что конечному *ḥ* изолированной позиции на морфонологическом уровне I соответствует либо *s*, либо *r*. Переход от данного уровня к фонетическому совершается по правилам внешних сандхи.

Морфонологический уровень II обеспечивает единый вид морфемы с точностью до чередования ступеней (и некоторых других позиционных чередований). Например, фонетическому *ūḍhaḥ* "везенный" (морфон. I *ūḍhas*) на этом уровне соответствует *uh-ta-s*, фонетическому (и морфон. I) *vakṣyati* "повезет" — *vah-sya-ti*. Переход от данного уровня к морфонологическому уровню I совершается по правилам внутренних сандхи.

Морфонологический уровень III обеспечивает единый вид для каждой морфемы. К этому уровню относятся прежде всего обобщенные обозначения (названия) корней, например, *vah* "везти", *kt* "делать", *gḡ* "петь", из которых по определенным правилам можно получить все ступени корня на морфонологическом уровне II.

В индийской грамматической традиции на алфавит символов всех морфонологических уровней наложено (в неявной форме) следующее ограничение: он не должен выходить за рамки алфавита символов обычной для древнеиндийского фонетической записи. Это ограничение болезненно для морфонологического уровня I, но уже на морфонологическом уровне II порождает длинные списки особых случаев, поскольку здесь фактически необходимы, в частности, символы типа j_1 и j_2 вместо единого *j*, h_1 и h_2 вместо *h* (ср., например, *duḡdhaḥ* от *duh_1* "доить" и *ūḍhaḥ* от *vah_2* "везти"). Наиболее стеснительно это ограничение на морфонологическом уровне III; здесь оно привело к наибольшим непоследовательностям. Фактически здесь необходимы: а) особый символ, например, *H*, подчиняющийся правилам "H перед гласной исчезает; *aH*, *uH* и т.д. → *ā*, *ū* перед согласной; *H* → *i* между согласными"; б) различие выпадающего и невыпадающего *a* (ср., например, пассив *udyate* от *vad* "говорить" и *vadyate* от *vadh* "убивать").

Последовательное морфонологическое описание по данной многоуровневой схеме в ряде существенных моментов соответствует предыстории древнеиндийского языка; ср., в частности, j_1 и j_2 с и.-е. *g и **ǧ*, h_1 и h_2 с и.-е. *gh и **ǧh*, *H* с и.-е. ларингальными.

III. Роль вторичной тематизации в образовании основ презенса в древнеиндийском

Значительная часть тематических основ презенса в древнеиндийском может быть описана как образованная от корня следующей серий операций.

1. По правилам одного из атематических классов строится словоформа 3 мн. актива наст. времени (с указанием ударения).

2. Отсечением конечного *nti* (или *ti* — при окончании *ati*) из этой словоформы получается тематическая основа (с определенным ударением).

3. В тематической основе, где ударение конечное, оно перетягивается на первый слог, если гласная этого слога — *a* (правило Соссюра) или любая долгая, а также если за гласной этого слога следует *nv*.

В зависимости от выбора исходного атематического класса получаются следующие группы тематических основ (представленные здесь характерными примерами): тематизованный II класс — а) *ruvá-* от *ru* "кричать", *tudá-* от *tud* "толкать" (т.е. основная группа традиционного VI класса); б) *dáqa-* от *damç* "кусать"; тематизованный VII класс — *liprá-* от *lip* "мазать"; тематизованный IX класс — *mṛṇá-* от *mṛ* "давить"; тематизованный III класс — *tíṣṭha-* от *sthā* "стоять"; тематизованный V класс — *hínva-* от *hi* "побуждать"; тематизованный VIII класс — *jūrva* от *jṛ* "тратить".

Приведенные правила носят синхронический характер. Для них не требуется, в частности, чтобы соответствующая атематическая основа была реально засвидетельствована (как, например, для *ru*) или хотя бы реконструировалась (как, например, для *sthā*). В некоторых случаях (например, *lip*) такой основы, возможно, не существовало никогда. В целом, однако, эти правила соответствуют историческому развитию; в частности, главным отправным пунктом тематизации действительно служили формы 3 мн. Но существование исходной атематической основы может относиться в разных случаях к весьма различным периодам, вплоть до общеиндоевропейского.

Правило Соссюра действует также на основы с элементом *cha* (в исходном виде всегда *chá*): ср. *icha-*, *ucha-*, *ṛcha-*, *pṛcha-* и *ḡacha-*, *yaścha-*. По-видимому, это связано с тем, что *cha* рано перестало восприниматься как суффикс; ср. пассив (суффикс *ya*) и будущее (суффикс *syá*), где правило Соссюра не действует.

Учет выделенных выше групп делает возможной более последовательную классификацию основ презенса по сравнению с традиционной (в которой одни и те же признаки, например, наличие инфикса или редупликации, учитываются в атематическом спряжении, но игнорируются в тематическом).

О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ ЗНАЧЕНИИ НЕКОТОРЫХ НОСТРАТИЧЕСКИХ СЛОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ОБЩЕСТВЕННЫЕ, В ЧАСТНОСТИ РОДСТВЕННЫЕ, ОТНОШЕНИЯ

Приводимые в словаре В.М.Иллича-Свистыча значения некоторых ностратических слов, обозначающих общественные, в частности родственные, отношения, в ряде случаев допускают, по нашему мнению, возможность иного истолкования.

1. Слово **külä*, вероятно, в самом деле означало "род", но при этом не "род вообще", а "свой род". Особенно подчеркивался момент "родного дома" и "домохозяйства". Оттенок "родственная связь" (без внимания к дому и территории), закрепившийся в семито-хамитских и индоевропейских языках, и оттенок "люди, ведущие общее домохозяйство", закрепившийся в уральских и алтайских языках, первоначально, когда род означал общее ведение хозяйства, были слиты в одном значении. С образованием большесемейной общины, куда входят люди разных родов, слово **külä* в уральских и алтайских языках, поскольку в нем подчеркивался второй оттенок значения, начинает прилагаться к большесемейной общине.

2. Слово **kälU* первоначально не различало пол. Оно прилагалось ко всем людям "смежного рода", с которым данный род был связан в условиях дуально-родовой системы. То, что в уральских языках это слово сочетает значения "сестра мужа", "жена брата", "муж сестры", представляет собой реликт дуально-родовой эпохи. Есть основания подозревать такое же совпадение значений в рамках индоевропейского языкового единства.

3. Слово **küda* не исконное. Вероятно, оно стало употребляться тогда, когда произошел переход от дуально-родовой к дуально-фратриальной системе и потребовалось как-то специально обозначить людей того рода (а не только той фратрии), с которым данный человек был связан браком.

4. Слово **küni* означало "женщина", но при этом имелись в виду не те женщины, с которыми мужчина вступал в брачные связи, а женщины своего рода ("сёстры"). В этом слове подчеркивался не половой момент, а особенно подчеркивалась связь с домом и очагом, почему это слово могло прилагаться и к мужчинам (следы чего сохранились в семитских и берберских языках). С наступлением эпохи, когда мужа и жены стали поселяться вместе, слово **küni* все больше стало означать жен, поскольку домохозяйство в основном сосредоточилось в их руках.

5. Слово **külä* в уральских языках, долгое время означавшее "большесемейную общину", на очень позднем этапе развития приобрело значение "сельская община". Постепенное перерастание большесемейной общины в сельскую общину можно допустить у ряда народов

с точки зрения общих закономерностей исторического процесса и данных археологии.

6. Можно думать, что временем существования ностратического языкового единства была самая ранняя пора верхнего палеолита. Помимо данных антропологии и археологии, позволяющих предполагать в эту эпоху крупные перемещения масс населения (которые и распространили ностратический язык или языки), в пользу такого предположения говорит то, что народы, находящиеся на уровне мезолита, имеют вполне сложившуюся сложную систему родства, а ностратические исследования как будто не свидетельствуют о существовании ни половозрастных групп, ни брачных классов, ни тонких оттенков индивидуального родства — по-видимому, ни о чем, кроме наличия дуально-родовой системы.

СРАВНЕНИЕ ПОВЕРХНОСТНЫХ И ГЛУБИННЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ СТРУКТУР КАК МЕТОД РЕКОНСТРУКЦИИ ОБЩЕИНДООЕВРОПЕЙСКОГО И РАННЕОБЩЕСЛАВЯНСКОГО СИНТАКСИСА

Реконструкции в точном смысле слова (в отличие от типологических выводов) в сравнительно-историческом синтаксисе возможны благодаря закономерным соответствиям, обнаруживаемым при соотнесении категорий, вводимых в глубинных структурах предложения, с определенными позициями, разрядами помещаемых в эти позиции служебных слов (отождествляемых этимологически) и акцентологическими характеристиками позиций в поверхностных структурах. Категории, выявляемые на уровне глубинных структур (деревьев порождающей семантики), могут быть сходными типологически, но их соотношение с одними и теми же чертами поверхностных структур не может быть случайным. Тем фрагментам глубинных структур, которым приписывается смысл локально-временных и/или видовых уточнителей предиката, а также указания на лицо объекта, в древних индоевропейских языках в поверхностных структурах соответствуют начальные комплексы из опорных и энклитических слов, являющихся одновременно потенциальными проклитиками (закон Васильева-Долобко, аналог которого для общеиндоевропейского недавно предложен Жюкуа в работе о хеттских превербх независимо от славянских фактов, на основании которых он был впервые сформулирован, а позднее детально обоснован — в последних публикациях В.А. Дыбо). Новейшие исследования в области восточнославянского синтаксиса позволяют предположить сохранение в отделимых речениях (типа *сеж-а*) архаичных комплексов с начальным опорным **s(e)*, **t(o)*, за которыми следовали местоименные энклитики *ti, *mi, что соответствует синтаксической схеме, восстановленной для общеиндоевропейского. Для сопоставления с хеттским энклитическим *-ši < -še < *sei* особый интерес представляют те старославянские глаголы, которые сочетаются с СИ, особенно с СИ в препозиции: ТЫ ЖЕ СИ ПОЖАЛИ, Супр.16². Для доказательства архаичности этих конструкций (исторически, видимо, соответствующих тем, из которых развились литовские возвратные глаголы) существенно то, что (если отвлечься от специфики некоторых рукописей) употребление СИ ограничено только подобными комбинациями с глаголами. С той же точки зрения интересен и глагол МЪНЪТИ СИ, где, возможно, сохранились (в цепочке из нескольких местоименных показателей при глаголе, различающихся, как и в анатолийских языках, по позиции) следы комбинаций не только с СИ, но и с ТИ, ср. парадигматическое чередование *si : ti : mi* в подобных сочетаниях в старолитовском.

Давно отмеченный архаизм фонетических комплексов (функционирующих на уровне поверхностной структуры как единое слово), состоящих из проклитических предлогов *kā(n)-, sā(n)* и следующих за ними

местоимений (тип ст.-сл. КЪНѢМОУ, СЪНИМЪ) позволяет предположить сохранение в данном случае в общеславянском пережитка общеиндоевропейской синтаксической конструкции. С точностью до порядка составных частей конструкция с начальным (проклитическим) *kʷ(n)-находит соответствие в конструкции с соответствующими элементами в конечной (энклитической) позиции в латинских изолированных синтаксических архаизмах типа *tesum* (при более обычной препозиции в других контекстах), что, в свою очередь, близко к начальным хеттским последовательностям энклитик типа *(nu)-mu-kan*. При этом употребление хеттского *-kan* достаточно близко к латинскому (в указанных архаизмах) и славянскому, так как оно возможно не только в конце начального комплекса, но и после любого другого слова, если им завершается определенный фрагмент актуального членения предложения. Полный параллелизм в употреблении хеттских частиц *-kan* и *šan*, с одной стороны, славянских предлогов *kʷ(n)-* и *sʷ(n)-* с другой, позволяет предположить наличие закономерного соотношения

слав.	хет.
<i>kʷ(n)</i>	<i>kan</i>
<i>sʷ(n)</i>	<i>šan</i>

В древнехеттском ритуальном тексте встречаются случаи, где *šan*, присоединяемое к именной словоформе с функцией дательного или местного падежей, имеет значение совместности (*halmasšūitti hašši jaššan tianzi* 'и они кладут /чаши/ к трону и к очагу'); в некоторых из подобных случаях *šan* оказывается переводным эквивалентом славянского *sʷ > рус. с: 'и кладет венки на царя и царицу (вместе) с (хет. *šan*) принцами', семантически несомненно сходство и с др.-инд. *sam* (*am*) и соответствиями в германском (нем. *zusammen* и т.п.), ср. также гипотезу Риша о соответствии хет. *-šan* в греч. *áv.

Особый интерес представляет употребление *sen, san* < *som в прусском, где есть и следы приименного употребления (*sen stēimans* 'с ними') и приглагольного, при котором *san* функционирует еще как хет. *šan*.

Для общеславянского реконструируются пары глаголов, различающихся наличием или отсутствием при них преверба > приставки *sʷ. Индоевропейская древность некоторых из таких пар (позднее пересмысленных благодаря развитию категории вида в славянском) удостоверяется наличием в древнехеттском пар глагольных конструкций, семантически различающихся только благодаря наличию или отсутствию при них частицы *šan* типа *ki-* 'лежать', *-šan ... ki-* 'быть положенным'. Это соответствие, как и соответствие хет.-*kan* и гот. *ga-* может иметь значение для выяснения синтаксических истоков становления славянских и германских видовых оппозиций.

Готские архаичные сложные комплексы типа *ga-u-hwa-sehri*: (Марк, VIII, 23) отличаются от хеттских на уровне поверхностной структуры порядком элементов (*ga-* начинает комплекс, *-kan* завершает его), ср. сказанное выше о слав. *kʷ(n)*: лат. *sum*. Но существенно наличие в анатолийском пар, различающихся наличием или

отсутствием *kan*, как в древнехеттском *LUGAL-uš SAL. LUGAL-aš-a teššumiuš danzi* 'царь и царица берут чаши': *irma(n)-šmaš-kan dahhun* 'я взяла у вас болезнь'. При далеко идущем сходстве глубинных структур на уровне поверхностных структур различие между анатолийским (в данном случае отражающим общеиндоевропейское состояние) и славянским или германским заключается в том, что правилами, относившимся в анатолийском к синтаксическому уровню, в языках, засвидетельствованных памятниками, гораздо более поздними по абсолютной хронологии, соответствуют правила морфологического уровня. Перекодирование ("переписывание" или "замена") с одного уровня на другой, осуществляющееся на протяжении истории языка, требует соответствующего использования данных одного уровня (морфологического) для реконструкции другого (синтаксического), как это особенно ясно можно показать на примере литовских приставочных возвратных глаголов, достаточно близкую параллель к которым в славянском представляют комплексы приставка + глагол + СД, образующие единое целое (ст.-сл. ПО-КЛОНИЖ СД и т.п.).

В древних языках отчетливее еще сохраняется необходимость указания синтаксических контекстов для правил акцентуации словоформ. Существование энклитик - проклитик для ведийского доказывається противопоставлениями типа *áva ahan > ávāhann* в главном предложении (RV, IV, 30, 14): *avāhan* в подчиненном предложении. Древность давно уже предположенных сходств между комплексами этого типа в древнеиндийском и древнегреческом подтверждается тем, что во всех ясных примерах из греческих пилосских и отчасти из микенских табличек линейного письма Б глагол следует непосредственно за частицей, вводящей предложение. Это позволяет, во-первых, объяснить как архаизм следы энклитического употребления личных форм греческого глагола (в отсутствии самостоятельного ударения ряда форм, позднейшем речесивном ударении форм типа *ἀπόλιτον* и т.п.), сходного с древнеиндийским, во-вторых, предположить отражение здесь поверхностной синтаксической структуры того же типа, что и в хеттских предложениях. Древнехеттские конструкции типа *numaltahhun* (с характерным для древнехеттского архаичным слитным написанием), *ta ħarzi* с глаголом, следующим на втором месте (в позиции энклитики) после опорного слова, тождественны не только древнеирландским глагольным формам с начальными *po-, to-*, но и древнерусским типа *но́ что, то́ творю*, где *но, то* отмечены В.А. Дыбо в его исследовании Чудовского Нового Завета в качестве союзов, вызывающих энклизу (ср. также формы типа НЫ - ИМАТЬ в Маринском евангелии). Возможно, что сравнение с конструкциями этого типа позволит объяснить происхождение общегерманской конструкции с инверсией, где глагол следует на втором месте после союза (тип др.-исл. *ok býr Samr* 'и живет С.').

Установленное для старославянского правило, по которому энклитическое местоимение следует либо за первым ударным словом, либо после глагола, по происхождению должно быть связано с функциональной значимостью начального положения глагола (тип ст.-сл. РЕЧЕ ЖЕ ГОСПОДЬ), что восстанавливается и для индоевропейского, откуда объясняются литовские (в частности, жемайтские) и тохарские глагольные комплексы с энклитиками, следующими за глаголом.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КАТЕГОРИИ РОДА
В ПРАИНДООЕВРОПЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В исследованиях последнего времени утверждается понимание категории рода как категории, "не имеющей никакой иной природы, кроме отражения правил согласования" (А.А.Зализняк). Это единственно возможное описание категории рода с точки зрения современной теории грамматической категории.

Таково положение в любом исторически зафиксированном индоевропейском языке. Возникает необходимость проанализировать историю рода, учитывая реальные языковые факты, то есть понять эту историю как историю согласования. Нужно отказаться от традиционного отождествления рода с полом.

История согласования прослеживается по морфологическим данным. Она обусловлена развитием индоевропейского именного склонения. На первой фазе этого развития предполагается существование двухпадежной системы, состоящей из падежа с окончанием *s (эргатива) и чистой основы (абсолютива). В этот период формируется согласование в падеже.

Согласование в падеже преобразуется в согласование по роду, когда возникает система, включающая два типа склонения (одушевленный и неодушевленный класс Мейе). Атрибут приобретает "подвижность" - склоняется по обоим этим образцам, согласуясь с существительным в типе склонения (в роде). Поскольку типы склонения различаются только окончаниями номинатива - аккузатива, возникает феномен совпадения окончаний существительного и прилагательного в каждом случае согласования.

Третий этап в истории согласования обусловлен появлением основ на долгие гласные (из ларингальных основ). Эти основы противопоставляются тематическим, что приводит к образованию новой системы окончаний, включающих гласный исхода основы. По правилу совпадения окончаний существительные и атрибуты с основами на долгие гласные ассоциируются при согласовании. Появляется новый согласовательный класс - "женский род". Возникает трехродовая система.

В заключение рассматривается процесс возникновения грамматического выражения пола в индоевропейских языках и формирование связи категорий рода и пола.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И СЕМАНТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ

1. Известно, что строгая процедура реконструкции в области семантики и даже словообразования отстает от того, что достигнуто в области фонетики и фонологии. Можно попытаться определить значение некоторых основ (от корня **reudh-*), опираясь на семантику и словообразование. В качестве первого шага был использован метод семантической матрицы.

2. Можно предположить такую серию семантических переходов:
**rudh-* 'нечто красное' → **rudhi-* 'красно-бурый', 'рыжий' и далее 'ржавчина'.

3. Деноминатив *ῥυθαινομα* "краснеть" указывает на древнюю -*n*- основу. Др.-исл. *reyrnir* "рябина", др.-инд. *rōhini* "растение" содержат ту же основу, но имеют другую ступень огласовки в корне.

4. Возможно, основы на -*n*- были связаны с основами на -*r*-. Последние представлены: гр. *ῥυθρῶς*, лат. *ruber*, ст.-сл. РЪДРЪ, тох. *A.rtār* "красный"; др.-исл. *rodra* "кровь". Взаимосвязанные основы **rudh-r-* и **rudh-n-* обозначали насыщенный красный цвет. Отсюда значение "кровь".

5. И-е. *roudh-ā означало какой-то рыжеватый оттенок красного (= *rufus*). Об этом свидетельствует ст.-сл. РОУДА "руда", др.-исл. *gauda* "яичный желток". Позднее началось "сгущение" значения: "краснота" (гот. *sarauþa*), "кровь" (др.-исл. *gauda*, русск. диал. *руда*).

6. Дальнейшее обследование и.-е. словаря, по-видимому, даст возможность приблизиться к пониманию некоторых закономерностей в семантических изменениях. Тщательный историко-семантический анализ должен предшествовать процедуре внешнего сравнения.

ДРЕВНЕХЕТТСКАЯ И ЗАПАДНОСТРАТИЧЕСКИЕ
ГЛАГОЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ (К типологии апофонии).

1. Апофонические чередования в древнехеттском глаголе (на материале корпуса текстов XVIII–XVI вв. до н.э.).

1.1. В спряжениях на *-mi* и на *-hi* (актив) выделяются классы корневых атематических глаголов с аблаутом основы.

1.2. Глаголы, образованные от корневых посредством присоединения суффиксов и/или тематического гласного, аблаута не имеют, выступая во всех формах в полной или редуцированной ступени огласовки корневого глагола (*ep-: appesk-; *wer-: werje-*).

1.3. Глаголы в медиопассиве аблаута не имеют, выступая во всех формах в полной или редуцированной ступени огласовки, которая определяется сопоставлением с активом соответствующего глагола (*wehzi: wehahha; epzi: appattat*).

1.4. Аблаутные глаголы спряжения на *-mi* образуют 2 класса: I – глаголы структуры (C)VC с аблаутом *e: a*; II – глаголы структуры CuVC с аблаутом *e: ∅*.

1.5. Аблаутные глаголы спряжения на *-hi* образуют 2 класса: I – атематические глаголы с исходом на согласный, имеющие аблаут *a-a: a; a: e* (возникает в части глаголов на месте утраченного количественного противопоставления); II – глаголы с исходом на гласный (соответствуют и.-е. основам с исходом на гласный+ларингал), имеющие аблаут *Reh/Rai: Rija* (*R* – часть основы до гласного).

1.6. Дистрибуция огласовок презенса всех аблаутных классов одинакова: полная ступень – ед.ч. и II л. мн.ч.; нулевая (или редуцированная) ступень – I, III л. мн.ч.

1.7. Внутренняя реконструкция древнехеттского состояния и сопоставление с данными других и.-е. языков позволяет восстановить для прахеттского следующую систему:

	ед. ч., II л. мн. ч.	I, III л. мн. ч.
Mi	e	∅
Hi	a	∅

Таким образом, качество гласного корня определяется принадлежностью к спряжению и является морфологически релевантным.

1.8. Распределение корневых гласных в зависимости от спряжения тождественно распределению тематических гласных и суффиксов с тематическим гласным:

Mi	Hi	Med. P.
-e-	-a-	-a-
-j(e)-		-ja-
-ske-		-ska-

Поскольку спряжение на *-hi* и медиопассив восходят к одной и.-е. глагольной категории, следует констатировать, что тематический гласный *-e-* являлся показателем принадлежности к I серии и.-е. глагольных форм, а тематический гласный *-a-* – показателем принадлежности ко II серии.

1.9. Реконструируемая хеттская система невыводима из традиционных реконструкций и.-е. глагола прежде всего потому, что в хеттском отсутствует качественный аблаут в системе глагольного словоизменения. В других и.-е. языках этот аблаут возник из соотношения I серии и актива второй серии и.-е. глагольных форм.

1.10. С другой стороны, очевидно, что распределение корневых гласных в зависимости от принадлежности к серии не может восходить к ностратической древности. Остается не вполне ясным, как сформировалось подобное различие групп глаголов по вокализму корня (ср. аналогичное различие в картвельских глаголах с атематическим аористом).

2. Истоки формирования глагольных систем западностратических языков (к рассмотрению привлекаются картвельский и семитский, преимущественно древнеаккадский, глагол).

2.1. Представляется возможным выделить несколько присущих трем западностратическим семьям черт, обусловивших возникновение весьма различных глагольных систем:

1. бедность вокализма;
2. наличие грамматических аффиксов, выраженных гласными;
3. особенности структуры корня, обуславливающие количественные чередования гласных.

ТИПОЛОГИЯ ЯЗЫКОВ АКТИВНОГО СТРОЯ И РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРОТОИНДООЕВРОПЕЙСКОГО

Глубокая реконструкция древнейшего протоиндоевропейского состояния приводит к построению языковой модели, резко отличной от характерной для современных индоевропейских языков структуры номинативного строя: противопоставление классов имен несреднего ("одушевленного") и среднего ("неодушевленного") родов, лексемное противопоставление "глаголов действия" и "глаголов состояния", задающих синтаксическую схему предложения, корреляция "транзитивного" (эргативного) и "интранзитивного" (абсолютного) падежей.

Комплекс этих черт, за которым стоит семантическое противопоставление активного и инактивного начал, очень близок к "идеальной эргативной системе" Дж. Лайонза, с одной стороны, а, с другой — совпадает с принципиальной схемой активного строя, как она реализована в его современных американских представителях (ср. корреляцию активного и инактивного классов субстантивов и падежей, противопоставление активных и стативных глаголов, обуславливающих, соответственно, активную и инактивную конструкции предложения).

Функционирование языков активного строя способно не только подтвердить типологическую совместимость профилирующих черт протоиндоевропейского состояния. Далеко идущий структурный параллелизм обнаруживает и более широкая сумма явлений, характерных для обеих сопоставленных величин (ср. отсутствие сквозной системы спряжения, неразличение форм числа именами среднего рода // инактивного класса и мн. др.). Все это позволяет квалифицировать протоиндоевропейское состояние скорее в качестве активного, чем эргативного.

Сопоставление предполагаемого протоиндоевропейского состояния со схемой активного строя, по-видимому, способно и обогатить перспективы дальнейшего рассмотрения некоторых актуальных проблем индоевропеистики. Так, например, если в прасостоянии имелась лексемная оппозиция активных и стативных глаголов, то в падежной парадигме ей должна была отвечать корреляция не эргативного и абсолютного, а активного и инактивного (структурно несовместимых с такими передающими типичные субъектно-объектные отношения падежами как генитив и датив). Не исключено, что семантику оппозиции инфинитив (действие // состояние) — перфект (состояние) удастся уточнить в свете содержания оппозиции форм активного глагола ("центробежная" // "центростремительная") и стативного (состояние). Тот факт, что активные глаголы знают в отличие от стативных широкое варьирование основ, возможно, будет способствовать решению проблемы "изначальной" единственности или множественности глагольных основ в протоиндоевропейском.

ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНА В СВЯЗИ С ВОПРОСОМ РЕКОНСТРУКЦИИ БОРЕАЛЬНОЙ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

1. Опираясь на материал четырех бореальных семей — индоевропейской, семито-хамитской, уральской и алтайской, — прослеживаем в них два ряда личных местоимений, имевших, возможно, прямые соответствия в бореальном: 1 р. sg. *m*, 2 р. sg. *SA/KΛ*, 1 pl. *pl.Nə* (первый ряд) и 1 р. sg. *(H)Λ(-G)*, 2 р. sg. *TA*, 1 pl. *ϕΛH* (второй ряд), где *Λ* — и.-е. *ə*, с.-х. *ø* // *a*, ур., алт. *i*, а *ə* — и.-е. *a*, с.-х. *ə*, ур., алт. *?*

2. Для индоевропейского и семито-хамитского установлено, а для уральского есть основания реконструировать эргативную конструкцию предложения уже на общебореальном уровне (совпадение показателей). Признаки эргативной конструкции в алтайском наблюдаются в отдельных современных языках, и судить о ее наличии в древней эпохе пока нет оснований.

3. Считая категорию флексии возникшей на более поздней, поборейской ступени из ранее присоединявшихся к основе значащих слов-показателей, можем допустить, что в области личных местоимений обозначение лица-субъекта действия в отличие от лица-субъекта состояния происходило не путем присоединения специального показателя эргативности, а употреблением совершенно иной местоименной основы, ибо сам показатель эргативности может быть местоименного происхождения.

4. Систему, соответствующую нашему спряжению, в бореальном составляла оппозиция парадигмы, обозначавшей состояние как процесс (> действие), к парадигме, обозначавшей состояние как факт. Для образования первой парадигмы к чистой основе имени действия присоединялись местоимения первого ряда, а для образования второй — местоимения второго ряда.

5. Это дает основание полагать, что местоимения первого ряда, в сочетании с именем действия исполняя роль скрытого субъекта, представляли собой эргативные формы, местоимения же второго ряда были абсолютными.

6. Указанные два ряда свидетельствуют, что в бореальную эпоху в области местоимений не было ни показателей числа, ни показателей падежа, причем то и другое выражалось различными основами. Следовательно супплетивизм местоименных основ, который так четко выступает, например, в индоевропейском, есть лишь остаток архаичного нефлективного состояния, которое с целью выравнивания парадигмы было впоследствии контаминировано под влиянием развивающихся флексивных парадигм имен.

ЦЕНТРАЛЬНОЧАДСКИЕ ФОНЕМЫ И ЭТИМОЛОГИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЧАДСКИХ КОРНЕЙ В СВЕТЕ ДАННЫХ ВНЕШНЕГО СРАВНЕНИЯ

Изучение морфем чадских языков обнаруживает существование центральночадской подгруппы языков, охватывающей выделенные Дж. Гринбергом подгруппы 2, 3, 6 (и, видимо, также 4 и 7) чадской группы, т. е. языки бура-марги (бура/б./, марги /м./, чибак /ч./ и др.), языки габин /гб./, тера /т./, хона /х./, хина /хн./, джара /дж./, хиджи /хд./, чеке /чк./, гудо, или гуду /гд./, нзанги /нз./, зуму /з./, фали /ф./, вога /в./, ягватадах /я./, гудуф /гф./ и др., языки котоко (логоне /л./, будума /бд./, афаде /аф./ и пр., позволяющие реконструировать общекотокское языковое состояние /кт./), язык мандара /мн./ и некоторые др. На современном этапе исследования можно в предварительном порядке предположить звукосоответствия между некоторыми из названных языков и условно реконструировать працентральночадские /цч./ согласные фонемы. Реконструированные цч. корни обнаруживают генетические связи с корнями других семитохамитских и вообще ностратических языков, что позволяет начать их этимологическое изучение.

Некоторые предположительные звукосоответствия между цч. языками: цч. *š- > гб., х., дж., хн., б., м., мн. š̂, т. ž̂, гб. ž̂, š̂, кт. š̂¹ (соответствует сем. *š, египет. š < сх. *s < ностр. *s, *š, *š̂); цч. *s- > м., б. s, з. s (?), гд. š̂, хд. s, гб., дж., хн., т. z, мн. s, кт. *s; цч. *z > м. s, б. z, з. z, гб., т. s, дж., хн., ф. z, л. z; *z₂- > м., б., чб. s, гд., хд., ф., в., гб., дж., хн., т., мн. z, кт. *z; *b- > м., б., чб., з., гд., хд., нз., ч., ф., в., дж., хн., т. v, гб. v и f, х. f, кт. *b; *bw- > б., м., т. b, кт. *b; *b- > гб., т., дж., х. b, м. b; *p- > б., м., чб., з., гд., нз. f, хд., ф. v, сукур p, в., гб., х., хн., т. f, дж. v, мн. v; но перед *w цч. *p > хд., ф. f, т. v (соответствует куш. *p < сх. *p); цч. *p- > б. f, м. p, v, чб. p, з. f, хд. p, в. p, х. f, дж. v, т. p, кт. *p (но *pj > б. pj) (= куш. *p < сх. *p); цч. *d- > т. t, бачама z (?). (< сх. *d); *t- > б., чб. d, м. t (в диалекте минтла d), бачама, нз. t (но перед *i находим б., м., чб. c, ч. č, в. z и, возможно, мн. r); *d > б. d, м. ʔ, бачама d, гб., т. d; *m- (> m во всех языках); *n- (> n почти во всех языках). Отражения начальных веллярных и аффрикат еще подлежат выясне-

¹Диакритикой ^ обозначается латеральность, знаком 8 – гласный неизвестного качества, знаком A – нестабильный гласный (подвергающийся аблауту), прописными буквами – точно не определимые фонемы некоторого класса (S – неизвестный сибилант, P – неизвестный губной шумный). Ностратические, прасемитохамитские /сх./ и кушитские /кш./ корни даны в нотации А.Долгопольского, котокские корни – в нотации В.Порхомовского (В.Я. Порхомовский. Исторический консонантизм языков котоко. М., 1972).

нию. Среди интервокальных фонем интересны *n- (> б., м., чб. r, мн. r и ʔ, кт. *n₁ и *n₂, в прочих языках n), *-l- (> б., м., чб. l, з. l, хд. ʃ и r, в. r ~ l, гб., х., дж., хн., т. r, мн. l, кт. *l); цч. *-lj- > б. l, м., чб. j, мн. j, з. r, хд. r и rj (по диалектам), в прочих языках – обычные отражения *l; *-d- > б. r, м. d ~ ʔ, чб. d, з. d, гд. t, хд. r, нз. d, в. t, гб., т. d, х., дж., хн., d, кт. *d (в ауслауте *d > t в з., нз., ф., в., хн., т. и *d > r в чб.); *-b- > бура 'w (~b ?), м. ʔ, 'w, чб. 'w, бачама p, хд. ʔ, в. b ~ 'w, гб., х. b, мн. b, кт. *b.

Некоторые из предположительно реконструированных цч. корней: *ʔgḥ/w/8 'женская грудь' > чб. u'wa, х. ḥi, в. wuḥa и пр. (= кш. *ʔgb(b)gH- < ностр. *ʔ/e/bU 'грудь'; цч. *ḥ < *ʔ + *b); *ʔil8 'глаз' (= егип. ḥr, кш. *ʔil- 'глаз'); *ʔj8m8 'вода' > т. ḥimi, м. ʔimi, б. jimi, кт. *8m и пр. (= сем. *jamt-, ег. jm 'море', кш. *ʔj8m/m- 'вода, река' < ностр. *jam8 'водная поверхность'), *ʔb8d8 'ночь' (= сем. *ʔr); *ʔb8l8 'кровь' (= кш. *ʔb8l- 'кровь', монг. būlin 'сгусток крови' < ностр. *buLE); цч. *ʔb8n8 'дом, строить' (= сем. *ʔbnj 'строить'); *ʔbw8t8 'земля, пыль' (= сем. *ʔbwg < ностр. *ʔbUḥ8 'пыль'); *ʔb8 'ходить, приходить' (= кш. *ʔbḥ/8H- 'прйти'); цч. *d8m- 'кровь' (= сем. *damn-, верх.-зап.-чад. *t8Hm-); *ʔg8lḥ8 'шея'; *ʔklḥ8 'рыба' (< ностр. *kaḥ8); *ʔk8ḥ8 'дыра' (= сх. *ʔg8p 'полость' < ностр. *g8p 'полюй, пустой' / или сх. *ʔg8b'8 < ностр. *g8b'8?); *(n)k8n8 'женщина' (= куш. *k8n-/*ʔ8k8n- < ностр. *kuni); *ʔk8t8 'голос' (= сем. *ʔkr 'звать', ностр. *ʔkerjā 'кричать'); *ʔk(j)8š8 'кость' (= ег. ks, берб. ks, кш. *k8ç < ностр. *ka/ç/8 'кость'); *ʔm8t8 'умирать' (= сем. *mawt- 'смерть' < ностр. *mut8 'кончать, кончатся'); *ʔn8ḥ8 'жизнь, дух' (кш. *n8p- 'дыхание', сем. *nḥj 'задышаться' < ностр. *ḥuP8 'нюхать?'); *ʔn8/H/ḥ8 'свежий, молодой' (= сем. *nḥr 'молодой' < ностр. *ḥoḥrE или *ḥoḥrE); *ʔp8l8 'летать' (= сем. *pḥg < ностр. *p8r8 'летать?'); *ʔp8lḥ8 'камень'; *ʔp8r8 'белый' (= кш. *pArAt- 'красивый'); *ʔnw8d8 'четыре' (= ег. fdw, сем. *arba-, кш. *p8rH-//*ʔ8p8rH-); *ʔn8S8 'женщина' (= кш. *n8/'/8s-, сем. *nš 'женщины'); *ʔn8n8 'буйвол'; *(ʔ8)ḥ8ḥ 'здесь' (= сем. *pā 'здесь'); *ʔn8t8 'день, солнце' (= сем. : араб. faṣaḥa 'занялась заря?'); *s8 'пить' (= берб. *sw 'пить'); *s8n8 'знать' (егип. šwn < ностр. *cin8 'знать'); *S8n8 / *w8S8n8 'спать' > б. heni, гб. za ena, кт. *w8s8n, бачама, з. čini, гд. čonə, м. ḥani / диал. Minša /, хн. čeni (корень с аффрикатой или сибилантом, отличным от *s, *š и обоих *z; соответствует болева suna и картв. *žin- 'спать' < ностр. *ž8N8); *šim8 'имя' (= сем. *šim- ~ *šum- 'имя'); *š8m8 'ухо' (= сем. *šm 'слышать' < сх. *sAm- < ностр. *š8m/H/8 'слышать'); *šIn8 'зуб' (= сем. *šinn- 'зуб'); *tl88 'рука (arm)'; *t8k8 'один' (= кш. *t8k/k/- 'один' > галла tokko 'один'); *z8/wl/8 'палка'; *z8l8 'мужчина'; *z8m8 'есть (to eat)' (= сем. *z'm: араб. z'm 'жадно проглотить').

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ ОСНОВЫ
С ИСХОДОМ НА ДОЛГИЙ ГЛАСНЫЙ

Индоевропейские долгие гласные, * и в первую очередь *-ā- и *-ē-, играют большую роль в качестве основообразующих суффиксов как в системе словоизменения, так и в системе словообразования и.е. глагола.

В качестве деривационного суффикса формант -ā- служит в различных и.е. языках для образования глаголов с дуративным, интенсивным и итеративным значением. С помощью словоизменительного суффикса -ā- образуются формы претерита, формы, служащие для выражения косвенной модальности, а также формы с медиальным значением.

Естественно возникает вопрос, имеет ли *-ā- во всех этих случаях общее происхождение или тут перед нами различные форманты, совпадающие лишь по своему звучанию. Для решения этого вопроса, являющегося на протяжении уже очень длительного времени предметом научной дискуссии, определенное значение имеет тот факт, что глагольные основы с конечным -ē- обнаруживают в плане выражения грамматических значений явное сходство с глагольными основами, оканчивающимися на -ā-.

Установление параллелизма в функционировании формантов -ā- и -ē- не решает еще вопроса ни о характере связей между различными функциями формантов -ā- и -ē-, ни об относительной хронологии возникновения этих функций.

Многое проясняется, если мы обратимся к тем грамматическим значениям, которые обнаруживают в различных индоевропейских языках глагольные формации, восходящие по своему происхождению к так называемому индоевропейскому перфекту.

Те же самые функции (медиальная, дуративно-интенсивная, претериальная, функция обозначения косвенной модальности), которые характерны для глаголов с исходом основы на -ā- и -ē-, засвидетельствованы и у глагольных формаций, генетически связанных с индоевропейским перфектом.

Поскольку глагольные формации, явно восходящие к единому источнику - индоевропейскому перфекту, обнаруживают столь же разнообразные и притом те же самые грамматические значения, что и глагольные формации с исходом основы на долгий гласный, то для каких-либо сомнений в общности происхождения различных функций формантов -ā- и -ē-, по-видимому, не остается оснований.

Очевидная одноприродность глагольных формаций с основой на долгий гласный и индоевропейского перфекта может служить исходным пунктом для раскрытия внутренних связей между различными функциями формантов -ā- и -ē-.

В наиболее удаленный из доступных для нашей реконструкции периодов доистории индоевропейских языков указанные формации имели, по-видимому, грамматическое значение "состояния".

Исходя из этого первоначального значения можно объяснить и те грамматические значения (залоговые, видовые, темпоральные, модальные), с которыми рассматриваемые нами глагольные формации выступают в исторически засвидетельствованных индоевропейских языках.

СЕМАНТИКА ПРАСЛАВЯНСКОГО И ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО РОДИТЕЛЬНОГО В СВЕТЕ ГИПОТЕЗЫ БЕНВЕНИСТА

1. По Бенвенисту (7) первоначальная функция родительного падежа – служить оператором, переводящим зависимое существительное из глагольной синтагмы в именную, ср. *tolerare frigus*, с одной стороны, и *tolerantia frigoris* и *tolerans frigoris*, с другой. Тем самым объясняется происхождение субъектного и объектного Р.

2. С латинскими примерами Бенвениста можно сопоставить следующее:

2.1. Появление Р вместо В при сушине в старославянском.

2.2. Использование Р для выражения агенса при пассивном причастии в литовском а) в атрибутивной функции, напр., *motina kamuojama rūpesčiu*, б) в предикативной функции, ср. такие пары как *čia vilkas bėgo* и *čia vilko bėgta*. Эти употребления Р не выводятся синхронно из других его функций (2) и должны рассматриваться как архаизм.

2.3. В армянском языке в функции 2.2а при результативном пассивном причастии может употребляться Р, хотя основной формой служит Тв.

3. По Бенвенисту приименный Р вторичен, т.е. сначала появляются сочетания типа *ludus pueri*, а лишь затем – типа *liber pueri*. Это согласуется с положением, что "в дописьменный период генитивные конструкции в индоевропейских языках в подавляющем большинстве случаев представляли сочетания генитива лица с именем действия" (6, стр. 89). Операторная функция Р приурочивается к тому этапу общеиндоевропейского, который непосредственно следует за преобразованием эргативного (3), или активного (4) типа с его двухпадежной системой в номинативный.

4. Имя действия в отличие от переходного глагола представляет действие как замкнутое в себе, поэтому Р мог в дальнейшем появляться и при глаголе во всех тех случаях, когда действие замкнуто в себе или неполностью охватывает объект. Отсюда второе основное значение Р – неполного охвата и/или партитивное, ср. также Р при отрицании, с возвратными глаголами и т.п. Это второе значение можно считать основным для праславянского наряду с приименным Р.

5. Таким образом, на месте относящихся к более позднему периоду противопоставлений Jakobsona по объемности и направленности мы рассматриваем сначала привативное противопоставление активности – инактивности, затем эквиолентное противопоставление субъективности – объективности (направленности от – направленности на), которое усложняется в тернарное: субъектный член И, объектный член В и промежуточный член Р, совмещающий оба значения, что может интерпретироваться и как полунаправленность (неполный охват) и как нейтральность в субъектно-объектном плане, ср. общее значение соотношенности с действием, показанное В.Г. Адмони для древнегерманского Р (1).

6. Эту конструкцию можно сопоставить с последовательным усложнением системы фонем по (9), когда, например, сначала возникает, напр., противопоставление $t - s$, а затем это бинарное противопоставление усложняется в тернарное $t - fs - s$, где fs одновременно имеет оба значения прерывности и непрерывности.

7. Рассмотрим некоторые возможные или фактически делавшиеся возражения по поводу концепции Бенвениста:

7.1. В своих возражениях Бенвенисту Уоткинс ссылаясь на исконность Р в притяжательных конструкциях с "быть" (10). Скорее и здесь значение вторично, а именно нейтральность в субъектно-объектном плане, причем "быть" – согласно (7) есть исконно глагол состояния.

7.2. В ряде случаев Р и прилагательное возводят к одному источнику, а отсюда можно сделать вывод, что функциональная близость Р и прилагательного должна считаться изначальной, а, следовательно, исходной функцией Р должна быть признана приименная. Однако для эпохи, в которой операторная функция считается исходной, вообще, по-видимому, не было разделения прилагательных и существительных.

7.3. Наряду с древнейшими примерами Р при именах действия можно найти по крайней мере столь же древние примеры В, например, у Платона *orator iusta*, или в санскрите *dātā vāsūni*; однако представляется, что этот факт не опровергает тезиса Бенвениста, а свидетельствует лишь о недостаточной первоначальной дифференцированности не только И и Р, но и В и Р, что согласуется с предположением о промежуточном положении Р.

8. Типологически предложенная семантическая реконструкция может быть подтверждена формальной реконструкцией Гельба для протоаккадского (8), а также возведением В и Р к одному источнику в тюркских языках. Интересно, что в обоих случаях речь идет о ностратических языках¹.

Литература

1. В.Г. Адмони. Развитие функций родительного в немецком языке. "Труды Ин-та языкознания АН СССР", т. IX, 1959.
2. Э.Ш. Генюшене. Генитив агенса в литовских пассивных конструкциях. *Loštjuma kategorija. Konferencis materiāli. Rīgā*, 1971.
3. Вяч.Вс. Иванов. Хеттский язык. М., 1963.
4. Г.А. Климов. К характеристике языков активного строя. ВЯ, 1972, 4.
5. Э.В. Севортян. К истории падежной системы в тюркских языках. "Ученые записки Военного ин-та иностранных языков", вып. 6, М., 1948.
6. В.В. Шеворошкин. К истории индоевропейского генитива. ВЯ, 1957, 6.

¹ Автор благодарен Вяч.Вс. Иванову за ценные советы и замечания.

7. E. Benveniste. Problèmes de linguistique générale. Paris, 1966.
 8. I. O. Gelb. Sequential Reconstruction of Proto-Akkadian. "Assyriological Studies. The Oriental Institute of the University of Chicago", N 18, 1969.
 9. R. Jakobson. Kindersprache, Aphasie und allgemeine Lautgesetze. Uppsala, 1941.
 10. C. Watkins. Remarks on the Genitiv. "To Honor Roman Jakobson", vol. II. The Hague, 1967.

С.В.Смирницкая

К ВОПРОСУ О ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ПРИГЛАГОЛЬНЫХ ЧАСТИЦ

1. Грамматические значения словоизменительных аффиксов развиваются на основе конкретных лексических значений приглагольных частиц, лежащих в основе большинства глагольных приставок. Германский префикс *ge-* (got. *ga-*; aisl. *g-*; ae. *ȝe-, ȝi-*; afries. *ge-, ie-, e-, i-*, as. *ge-*, ahd. *ga-, gi-*, mdh. *ge-*) функционально и семантически связывается с lat. *com-, co-*; osk. *com, con, kúm-*; umbr. *-ku*; gall. *com-, co-*; air. *com-, cum-, co-, cu-*, а также с хеттской энклитической частицей *-gan*. Е. Лейман возводит lat. *com-* к и.-е. *kiom*; сюда же примыкают nordar. *śśa* (= ugar. **śya*); гр. *σύν* и *κοινός*. А. Фик связывает got. *ga-* с ai. *ghā, ha*; abulg. *-go, ȝe*; lit. *-gi*. Все приведенные индоевропейские параллели свидетельствуют о том, что исторически германский префикс *ge-* обладал конкретным значением совместности (ср.: ai. *sām*; lat. *com-*; гр. *σύν*; слав. *сѡ-, со-* и т.д.).

2. Согласно К. Бругману, индоевропейские приставки и частицы со значением совместности в сочетании с глаголами характеризуются ранней утратой конкретной семантики. "Побледнение" пространственного значения (сохраняющегося однако в ряде случаев: ср. *ga-gaggan, ga-rinnan* и т.д.) происходит параллельно с развитием более отвлеченного значения полноты, усиления, особой интенсивности, эффективности, успешности действия.

3. На базе этого последнего комплекса значений у приставок развивается значение временной завершенности, тем самым осуществляется переход из сферы чисто лексической в сферу лексико-грамматическую, связанную с реализацией видовых отношений (ср.: ai. *sām - sām par* 'довести до конца'; гр. *σύν - συνόρα* 'заметить'; lat. *con - conficere* 'сделать'; got. *ga- - gasaihran* 'увидеть' и т.д.).

4. "Опустошение" словообразовательных элементов, вовлечение их в сферу видовой характеристики глагольного действия не приводит однако к полной грамматикализации, к превращению приставок и частиц в чисто видовые форманты. Единственным грамматикализированным превербом во всей системе германского глагола является префикс *ge-* (got. *ga-*, ahd. *ga-/gi-*; mhd. *ge-*), развившийся к средневерхненемецкому периоду в формальный показатель причастия II. Связь этой глагольной формы с префиксом *ge-* вполне закономерна: причастие II по своей семантике связано с фиксацией результата, успешного осуществления действия во времени — именно этот комплекс значений в наиболее "чистом" виде по сравнению с другими глагольными приставками представляет германский преверб *ge-*.

К ПРОБЛЕМЕ РЕКОНСТРУКЦИИ ПРАЯПОНСКОЙ
ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Основной источник реконструкции — др.-японский язык 8 века. Его фонологическая система: 13 согласных (*k, g, t, d, p, b, s, z, n, m, j, r, w*), 8 гласных (*a, ë, e, i, i, ö, o, u*); дистрибутивные правила: *g, d, z, b, r* не встречаются в начале слова; гласные *ë, i* фонематически отличаются соответственно от *e, i* только после *k, p, m, g, b*; *ö* от *o* после всех согласных, кроме *p, b, w*. Существуют правила сингармонизма. Нет дифтонгов, сочетания гласных на стыке слов упрощаются. Слоги всегда открытые.

Материалом для сравнения послужил словарь 22-х диалектов Рюкю Хираямы Тэруо. Этот материал позволил прийти к следующим выводам.

1) односложные слова древнеяпонского языка имели двойное происхождение:

а) в результате отпадения конечного согласного (в др.-яп. — $\emptyset$, во всех рюкюских (кроме Насэ) и многих других японских диалектах удлинение слога), напр.: др.-яп. *ju* "теплая вода" — Хасекан *ju*;

б) в результате отпадения конечного *-N* (в др.-яп. — $\emptyset$, в диал. Хасекан *-N*), напр.: др.-яп. *na* "имя" — Хасекан *naN*. Это *N* является единственной фонемой, способной закрывать слог.

2) в праяпонском имелось различие фонем *ö* и *o* в начальном положении, напр.: др.-яп. *otu* "падать" — Насэ *utitjuN* (начальное *ö*), но др.-яп. *otöri* "думать" — Насэ *otöjuN* (начальное *o*).

3) др.-японским звонким смычным в середине слова соответствуют в праяпонском сочетания "носовой + глухой смычный". Это видно из примеров типа: др.-яп. *kaze* "ветер" — Аомори *kaⁿdze*.

4) спорадическое озвончение начальных смычных по диалектам следует объяснять отпадением праяпонского экспрессивного носового префикса *VN*-. Это видно по поведению слов, в которых данное сочетание не является префиксальным, напр.: Тикан *m:bu* "пуп" — Сюри *'embusu* (с суффиксальным *-su*) — Накасудзи *bu^u* — др.-яп. *pozö, posö*.

Иногда удается найти вариант с неотпавшим начальным сочетанием (как в приведенном примере), иногда налицо только варианты с уже озвончившимся начальным смычным, напр. др.-яп. *köma-ka* "мелкий" — Окубу *guma-haN*. Сочетание *VNs* > *Z/R* > $\emptyset$, напр.: др.-яп. *seba-si* "узкий" — Накасудзи *šibaš'a:l*, но Насэ *'ibasaN*.

5) звонкие *b*- и *d*- все же имелись в начале слова, но дали в др.-японском и в большинстве диалектов *w*- и *j*-. Большинство же рюкюских диалектов сохранило *b*-, а диалект Енакуни сохранил и *d*-, напр.: др.-яп. *wa* "я" — Исигаки и др. *bə-nu*, др.-яп. *ja* "дом" — Енакуни *da*.

6) в праяпонском была одна нейтральная аффриката $\check{s}$ на месте более позднего *s*. В др.-японском, видимо, была фонема /*s*/ с аллофонами *s* и *ts*. В диалекте Енакуни *s* дает *tš* перед *i*, напр.:

др.-яп. *nisi* "запад" — Енакуни *niš'i* "север". В пользу аффрикаты говорят и данные диал. Накасудзи, где др.-яп. *s* во всех позициях, кроме позиции перед *i, i, u* соответствует $\int$, напр.: др.-яп. *saru* "обезьяна" — *šaru*.

Внутренняя реконструкция др.-японского языка позволяет прийти к следующим выводам: в праяпонском языке была четырехгласная система вокализма (*a, i, u, ü*). Гласный *u* дал в др.-яп. *ö*, а гласный *ü* дал *u*. В современных рюкюских диалектах праяпонское *ü* дает *u*, но в положении после зубного смягчает его, а само совпадает с *i*; гласный *u* всегда дает *u*. В праяпонском языке имелись следующие дифтонги: *üi, ui, ia, ai, ua*, упрощавшиеся в др.-японском языке следующим образом: *ui, üi > i; ia > e; ai > ë*. Напр., др.-яп. *sakë* "рисовая водка", но *saka-duki* "чаша для саке"; *kami* "бог", но *kamu-kaze* "божественный ветер" (ср. айну *kamui* "бог"); *kü* "дерево", но *kö-nö-pa* "листья дерева"; *saki* "цветя" + *ari* (вспомогательный глагол) = *sakeri* "защел" (перфект). Дифтонг *ua* давал *o* (так, др.-яп. *ko* "ребенок" — Насэ *k'wa*). В свете этого истолкования правила др.-японского "сингармонизма" представляют собой констатацию факта ограниченной употребляемости а) двух дифтонгов в одной и той же двусложной морфеме, б) дифтонгов в первом слоге двусложной морфемы, в) дифтонга *ua* после губных смычных.

Таким образом, фонологическую систему праяпонского языка можно реконструировать так: начальные согласные *k, t, p, č, n, m, d, b*; срединные согласные *k, t, p, č, n, m, j, w, r*; конечно-слоговой согласный *N*; гласные *a, i, u, ü*; дифтонги *ai, ia, üi, ui, ua*.

Ниже приводится список корней праяпонского языка, для реконструкции которых оказались полезными данные рюкюских диалектов (корни с конечным *N*, с начальными *ua* и *u*):

<i>ansaN</i>	"родимое пятно"	<i>uajunk-</i>	"плавать"
<i>apaN</i>	"просо"	<i>uamup-</i>	"думать"
<i>kümaN</i>	"облако"	<i>unturuk-</i>	"удивляться"
<i>maiN</i>	"глаз"	<i>uru-</i>	"опускать(ся)"
<i>maiN</i>	"дыра"	<i>utu-</i>	"падать"
<i>naN</i>	"имя"	<i>utu</i>	"younger sibling"
<i>umru-</i>	"тяжелый"	<i>uju-</i>	"стареть"
<i>u-</i>	"тот (близкий к собеседнику)"	<i>paiN(piaN)</i>	"газы"
<i>ur-</i>	"ткать"	<i>tüküiN</i>	"луна, месяц"

Приступая к исследованию этимологии протояпонского языка, можно в предварительном порядке наметить некоторые вероятные этимологические сближения японских корней с общеностратическими, реконструированными в опубликованных и еще не опубликованных работах В.М. Иллич-Свитыча и А.Б. Долгопольского. Перечислим 30 таких

РЕФЛЕКСЫ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО УДАРЕНИЯ В ВАХАНСКОМ

возможных сближений: ностратическое (н.) *baŋli 'рана, боль' - протояпонское (пя.) baru/barū 'плохой'; н. *buŋli 'возникнуть' - пя. bui- или būi- 'быть'; н. *būka 'сгибать, согнутый' - пя. buka 'холм'; н. *čiru 'гною, жижа' - пя. čirū 'жижа, похлебка'; н. *daqa 'близко' - пя. tika 'близкий'; н. *dɔwɔ 'болеть, умирать' - пя. duwa- 'слабый'; н. *didgu 'рыба' - пя. diwu 'рыба'; н. *ga(Hɔ) 'получать' - пя. a - 'получать'; н. *goHɔ 'середина, сердце' - пя. ūra id.; н. *gaKtɔ 'пара, один из пары' - пя. kata 'один из двух'; н. *Hanga 'разевать рот' - пя. ana 'дыра'; н. *HEHɔ 'пуп' - пя. ɔmɔ 'пуп'; н. *Huqa 'глаз, видеть' - пя. uka 'воспринимать'; н. *OHdɔ 'один' - пя. uja 'одинаковый'; н. *kaɪɔ 'обдирать кору' - пя. kara 'кожа, скорлупа'; н. *kojHa 'жирный, здоровый' - пя. kua(ja) 'толстеть, жиреть'; н. *küɪɔ 'мерзнуть, холод' - пя. kur- 'замерзать'; н. *kaHPɔ 'рубить, копать' - пя. kara 'колодец'; н. *kaɪya 'уходить, оставлять' - пя. kara id.; н. *putɔ 'vulva' - пя. putu id.; н. *pa(Hɔ) 'широкий' - пя. pata 'поле'; н. *šal/ɣ/ɔ 'бить, ломать' - пя. šar- 'отделяться'; н. *čolya 'быть парой' - čiru 'быть одинаковым, подходить'; н. *woylɔ 'быть' - пя. bur- 'быть'; н. *laHmɔ 'болото' - пя. puma id.; н. *ramɔ 'подпорченный' - пя. pama 'сырой'; н. *gara 'колючая щетка, шип' - пя. ara 'рыбья кость'; н. *wojɔ 'плыть' - пя. uaju-nk- id.; н. *nim'ɔ 'имя' - пя. paŋ 'имя'; н. *kümtä 'туман' - пя. kümuaŋ 'облако, туча'.

Исследователи ваханского языка (Р.Б. Шоу, Г. Моргенштерне) уже отмечали, что этот язык, находящийся на периферии иранской языковой области (Восточный Гиндукуш), может быть определен как наиболее архаичный из живых иранских языков. Этот вывод делается на основе анализа исторического консонантизма (судьба глухих смычных и некоторых консонантных групп). Записанные в последние годы фонологической транскрипцией материалы позволяют по-новому осветить историю ваханского вокализма.

Собственно ваханская лексика представлена одно- и двусложными основами. В устанавливаемой схеме исторического развития вокализма заслуживает внимания, что др.-иран. а-краткое и а-долгое в односложных именах отражаются двойко: *a > u, *a > a; *ā > ɥ, *ā > o (u перед губными). Это явление не может, как кажется, объясняться ни позицией, ни окружением.

Ваханский язык сохраняет место ударения исходного древнеиранского диалекта. В безударном положении ваханские гласные редуцируются; редуцированное ə (или двухсогласный анлаут, стянувшийся из безударного слога) может соответствовать любому древнеиранскому гласному или дифтонгу.

Акцентированное др.-иран. а регулярно дает вах. ə в двусложных именах:

paɔɔŋ < *paɔ-čānka- 'браслет (об-руч)',
raɔɔtk < *raɔmāta- 'жвачка (животных)',

Неакцентированное а выпадало:

riɔɔ < *raɔčana- 'окно в крыше'.

Возможно, двойное отражение др.-иран. а-краткого и а-долгого объясняется влиянием характера ударения в исходном диалекте. В односложных именах др.-иран. а > вах. u, ā > ɥ в и.-е. barytona; др.-иран. а > вах. a, ā > o в и.-е. oxytona:

вах. xurs	~	др.-инд. śváśura-	~	русск. свѣкор
вах. xas	~	др.-инд. śváśrú-	~	русск. свѣкровь
вах. tray < *traya-	~	(др.-инд. tráya)		'три'
вах. at < *ašta	~	(др.-инд. aṣṭá, др.-греч. ὀκτώ)		'восемь'
вах. ɔtr < *dātra-	~	(др.-инд. dátra- афг. lor)		'серп'
вах. yoč < *āti(či)-	~	(др.-инд. āti-, афг. hiláy)		'утка'

Имеются отклонения, однако некоторые общие тенденции в схеме реконструируемого праваханского акцента позволяют предполагать, что в основной своей части он восходит к индоевропейскому, а не сформировался под влиянием контактирующего бурушаски и не является инновацией (в отличие от соседних индоарийских языков к югу от Гиндукуша).

Исходя из предлагаемой гипотезы, можно объяснить перегласовку *y/o* в основах настоящего и прошедшего времени некоторых глаголов. Основа прошедшего времени глаголов этой группы восходит к причастиям на **-ta-* (и.-е. *-tō-s*, др.-греч. *-τός*, др.-инд. *-tāḥ*), так что развитие **ā > o* в этих основах может быть связано с окситонезой: *byn-*: *bond-* < **dvān(aya)-*: **dvān(aya)tā-* 'бросать, веять'.

К общим тенденциям, восходящим к индоевропейскому, могут быть отнесены и различия в акцентировке основы в составе композитов:

<i>vyr</i> < <i>*βāra-</i>	'груз, поклажа'
<i>návúr</i> < <i>*ni-βāra-</i>	'дорожный провиант'
<i>yupkvór</i> < <i>*āpaka-βāra-</i>	'водонос'
<i>ǰuzvór</i> < <i>*γaza-βāra-</i>	'приносящий дрова'

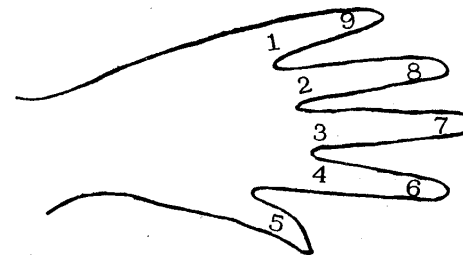
Более углубленное исследование этой темы с привлечением материалов других иранских языков, сохранивших рефлексы индоевропейского ударения (в частности, афганского по В.А. Дыбо), может помочь реконструировать акцентуальные системы других древнеиранских диалектов.

НОСТРАТИЧЕСКОЕ НАЗВАНИЕ УКАЗАТЕЛЬНОГО ПАЛЬЦА

А.Б. Долгопольский сопоставлял и.-е. **kʷetʷer* "четыре" (J. Pokorny, IeW, 642) с ф.-у. **kuttę* "шесть" (B. Collinder, FUV, 93, B. Collinder, CGUL, 412), монг. *ketüre* "быть слишком многочисленным, превышать меру", т.-м. **kätö-* "много" (ГДРЯСЕ, 16, 138).

Здесь излагается иная точка зрения по данному вопросу. Сравниваются и.-е. **kʷetʷer* и ф.-у. **kuttę*.

Данное сопоставление базируется на своеобразной системе счета у народов северной Евразии. Как показал Вяч. Вс. Иванов в докладе "Типология числительных первого десятка в языках северной Евразии", в этом районе существовала и существует следующая система счета по пальцам: загибается мизинец – один, затем безымянный палец – два и так далее до большого пальца; после этого разгибается указательный – шесть и так до мизинца – получается нечто вроде девятиричной системы счета.

Возможно, что индоевропейцы называли указательный палец, загибая его (4), а уральцы – разгибая (6).

Праформа **kuʦl* или **quʦl* "указательный палец(?)".

*Tel-p-n, *tal-p-n В СВЕТЕ НОСТРАТИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ

В одной из работ автора, посвященной лексике пчеловодства и стоящим за нею реалиям, были получены результаты, согласно которым:

а) русск., укр. *меленень*, блр. *целяпень* регулярно связаны с глаголом русск. *мелепаться*, *мелепати(ся)*, блр. *целяпаць(ца)*; б) эти слова, говоря в общем, обозначают неупорядоченное, разнонаправленное движение; нечто отличающееся большими размерами и/или множественностью; в) некогда *меленень*, *мелепаться* могли употребляться при описании процесса сбивания пчел в ком, в плотно прижатую друг к другу массу, отличающуюся хаотическим, слабо выраженным движением (зимний клуб), или процесса образования пчелиного роя (роевой клуб), который постепенно приходит в движение, кончающееся неистовой роевой пляской и вылетом с летка в первый полет, открывающий весенний цикл (ср. *меленень* вместо *потенень* в основном тексте архаической пчеловодческой ритуальной песни, выродившейся в детскую: *Тень, тень, потень...*; *толпа пчел, пчелы толпятся, мелепаться*; лит. *bitės talpinamos avilyje* (при более обычном *laikomos*); *avilyš žmogaus padaryta bitėms gyventi patalpa*, ср. др.-инд. *tālpa* 'постель' и блр. *нацель* 'помост, прикрепляемый к деревьям, на котором помещают ульи', ср. также рум. *tălpă* 'основание' и т.п.); д) на славянском фольклорном и ритуально-мифологическом материале реконструируется сюжет, в котором пчела, связанная с Богом-громовержцем и - генетически - с его матерью или женой (Мати Пречистая, Параскева, Мокошь), посылается ими для того, чтобы разбудить (ужалив) некое ведающее плодородие существо терiomорфной природы, спрятавшееся в укритии и отказывающееся выйти из него, отчего задерживается наступление весны (*отмыкание весны пчелой*).

Последний вывод сразу же возвращает нас к хеттскому мифу о Телепине (*^DTelepinuš*): Бог плодородия Телепин исчез, растения, люди и боги погибали от голода; отец Телепина, Бог Грозы, был охвачен волнением. Великие и малые боги начали поиски Телепина, но их усилия были безрезультатны. Тогда мать богов Ханнахана выслала на поиски пчелу: "Лети, ищи Телепина! Когда ты найдешь его, ужаль его в руки и ноги, помоги ему встать! Возьми воск и натри его, очисти его и приведи его ко мне!". Пчела улетела и вскоре нашла Телепина, укрывшегося ото всех в роше, совершив все, ей предписанное (далее следует изображение гнева Телепина). Следующая за этим лакуна отчасти восполняется текстом очистительного ритуала (ср. дерево *eja*, эквивалент дерева жизни, мирового дерева, перед Телепином, символы плодородия и т.п., ср. мотив пчел при мировом дереве в славянской и иных традициях и т.п.). На фоне этих содержательных сходств нельзя не обратить внимания на формальную близость имени *Telepinuš* и русск. *меленень*. *Telepinuš*, согласно общему мнению, слово хаттского происхождения; значительная часть хеттского пантеона также восходит к

хаттским источникам. Вместе с тем, согласно последним разысканиям (Ларош), оказалась беспочвенной попытка интерпретировать здесь -*pinu* как обозначение сына, и, следовательно, пока отпала необходимость членения *Tele-pinu-* (ср. также усеченную форму *^DTelipi*). Если имя *Telepinuš* хаттского происхождения, то сходство с русским словом могло бы объясняться или чистой случайностью, или заимствованием, промежуточные звенья которого далеки от ясности. Вместе с тем в свете ностратической теории могут открыться новые пути для объяснения, а в свете вырисовывающейся постепенно ситуации в областях предполагаемых наиболее тесных и ранних контактов ностратических языков могут стать ясными пути дальнейшей филиации слов этого корня. Настаивать на каких-либо конкретных предположениях было бы сейчас крайне неосторожным и, более того, ненужным. Существеннее постараться заполнить хотя бы некоторые лакуны в картине целого. Пока стоит обратить внимание на то, что наряду с *Telepinuš* отмечено лув. *taluppi* 'ком', 'глыба' (ср. также форму *Talipinuš*), употребляющееся, видимо, как лувизм и в хеттских текстах, и весьма похожее на русск. *меленень*, одно из несомненных значений которого 'ком', и балт. имена с корнем *talp-*. Учитывая параллелизм др.-инд. *talpa-* и *tarpa-* и балт. *talp-*: *tarp-*, не исключено, что и хетт. *tarup(p)-* 'объединять', 'сплетать (вместе)' и под. должны быть приняты во внимание в связи с *taluppi-* и *Telepinuš*. Иначе говоря, хаттское происхождение имени Бога плодородия при наличии ностратической перспективы не исключает генетически связанных хеттских слов, что, конечно, дает возможность рассматривать анатолийские и славянские слова этого корня в индоевропейском контексте (ср. еще др.-тюрк. *talpin* 'биться', 'трепыхаться' в связи с теми же значениями в *мелепаться*). Возможность указанных контактов могла бы быть поддержана рядом культурно-исторических соображений относительно территории, где реализовались наиболее тесные связи разных групп ностратических языков. Весьма вероятной следует признать гипотезу, согласно которой эта территория могла находиться где-то на Ближнем Востоке (вост. часть М. Азии, южн. Кавказ, Зап. Иран, р-ны, связанные с Месопотамией). Во всяком случае большая часть ностратических языковых групп некогда локализовалась в этих местах или вблизи их. Не исключено, что в какой-то период и индоевропейцы располагались тут же и что вопрос об относительной хронологии их появления на Балканах и в М. Азии нуждается в кардинальном пересмотре (к близким выводам склоняются, видимо, В.В. Иванов и Т.В. Гамкрелидзе). В частности, при принятии этой гипотезы, пожалуй, лучше всего объяснялся бы восточносредиземноморский вклад в древнегреческую мифологию, эпос, земледельческие культы, не говоря о языковых заимствованиях, как и отмеченные уже в историческую эпоху миграции индоевропейских племен к западу (напр., в Италию). Весьма показательно, что древнейшие центры развитого пчеловодства находились именно здесь (М. Азия, Кавказ, Египет), откуда позднее и началась экспансия данной системы пчеловодства (Греция, сев. Балканы, Карпаты, с одной стороны, и сев. Кавказ и далее, с другой). Старая русская пчеловод-

ческая традиция достаточно отчетливо сохраняет память о своем южном ("заморском", "египетском" и т.д.) происхождении.

Особенно интересно и, может быть, показательно, что соответственно указанным двум направлениям экспансии первоначальных форм пчеловодства прослеживаются и языковые следы разбираемого здесь комплекса. Возможно, что этим комплексом обозначалось утраченное имя бога пчел на зап. Кавказе, замененное покровительницей пчел *Мерием*, к которой обращаются в молитве как к матери великого Бога (*Мерием гашху и янь* у кабардинцев и черкесов, ср. абх. *Ананда-Гунда* 'мать Гунда', богиня пчел). Во всяком случае известное нам из устного сообщения сванское присловье *Мерием, телупи...* в этом контексте могло бы, как считают некоторые, истолковываться как содержащее старое имя соответствующего божества. Наличие у ряда кавказских народов (в частности, у сванов) в качестве покровителя пчел *Св. Георгия*, ипостаси Громовержца на более низком (героическом, эпическом) уровне, также убеждает нас в существовании на Кавказе мифологической схемы, включающей пчелу и подобной тем, что описаны выше. Следы тех же представлений в западном направлении еще более многочисленны. Уже отмечалось, что культ пчел в эфесском Артемисионе обнаруживает связи с хеттским мифом о Телепине (устройство святилища имитировало жизнь улья; сама Артемида связывалась с образом священной пчелы, носительницей идеи высшего плодородия; пчела считалась ее культовым животным); жрецы назывались пчелами (*μελισσαι*), жрецы-евнухи — трутнями (*ἐσσηνες*), всем руководил царь-пчела (*βασιλεύς* 'царь' и 'пчелиная матка'). Следующий этап — миф о мизийском царе Телефе, который ребенком был заключен в скорлупу и брошен в море, прибит к берегу и вскормлен ланью Артемиды (ср. сходную схему в историях Персея и Даная, Диониса и Семелы и т.п. — вплоть до сказки о царе Салтане). Имя *Τηλεφους*, сокращенное от *Τηλεφωνες*, вероятно продолжает хетт. *Telepinus*. Весьма любопытно, что по версии Ликофрона, Телеф — отец Тархона, в имени которого мог отразиться лувийский Бог грома *Tarhant-* или его соответствие. Правдоподобно предположение, что и эпитет Аполлона *Δελφίνιος* отражает имя Телефа и через него Телепина (культ Дельфиния был распространен как раз по всей Ионии). В этой связи должен привлечь внимание и другой эпитет этого бога — *Τελχίνιος* (интересно, что *тельхины* были связаны и с подземным царством: окропив водой Стикса поля Родоса, они сделали землю бесплодной). Ср. также имя нимфы *Τηλοῦσα* и соответствующего источника, около которого было основано святилище Аполлона (характерен мотив гнева Тельфусы: *ἡ δὲ ἰδοῦσα Τηλοῦσα κραδίην ἐχολώσατο*. Гомер гимн II: К Аполлону Пифийскому, 77-78, при хетт. *D Te-li-pi-nu-za-š-ša kar-di-mi-ja-az*), имя матери Кадма *Τηλεφάσσα* или, наконец, название маленького насекомого *σίλφη*, видимо из *τίλφη* (эта форма есть у Лукиана) < **tilp(h)-*, ср. варианты *σύρφος*, *σέριφος*, *σέριφη* и т.д. (любопытно, что *σίλφιον* 'гладыш') *Laserpitium* L. (отвечает русск. *телепень* в том же самом значении). Сходные фонетические дублиеты (*t:d*, *l:r*), характерные для средиземноморского

субстрата, представлены в широко распространенной по Средиземноморью лексеме *talpone*: **darbone*, обозначающей крота (франц. *taupe*, *taupe-grillon*, лат. *talpa*, ср. название одной из разновидностей виноградной лозы — *talpona* Plin XIV 36, от *talpa*); ср. также производные типа *talpinus* (Cassiod), франц. *taupin* (ср. *taupinière*) и под. Формально эти слова дают возможность реконструировать **talp-in-/*talp-on*, видимо, соотносимые с анат. **telep-in-* или др.-греч. **telp(h)-an-*. В свете основоположных идей Грегуара о мифологической роли крота (плодородие, целительная сила) и бога-крота (или с кротом) Асклепия, одной из ипостасей Аполлона Сминтеуса (*σμίνθος* или *σμίς· μῦς*. Гесхий) или даже его сына, Асклепия, пораженного молнией Зевса за воскрешение мертвых (к теме воскресения жизни и плодородия) и живущего под землей (ср. культ Асклепия в эпидаврском *θβλος'ε*), — становятся совершенно очевидными семантические и даже надязыковые основания сопоставления названия крота с именем Бога плодородия. Сам Грегуар приводит ряд названий животных с близкими кроту мифологическими функциями и, видимо, так или иначе связанных с именем Асклепия: 1. *σκάλοψ*, *ἀσπάλαξ*, *σπάλαξ* 'крот'; 2. *ἀσκαλάβος* 'пятнистая ящерица'; 3. *ἀσκαλάφος* 'ночная птица' (сова?); 4. *ἀττέλαβος* 'летающий кузнечик'; 5. др.-евр. **atalleph* 'летучая мышь'. Самая приблизительная реконструкция формы-источника в виде **te(a)le(a)p(b)-* (или **ske(a)-le(a)p(b)-*) не может не напомнить о лат. *talpa* и уже указанных именах (в другом месте было показано, что в этом же направлении разумно искать разгадку фрак. имени *Ζάλοξις*).

В свете всех этих данных со всей настоятельностью встает вопрос о дальнейшем выяснении отношений между малоазийск. *telepin-*, средиземноморск. *talp(in)-*, с одной стороны, и вост.-слав. *телепень*, балт. *telp-/talp(-in)-*, с другой стороны. Наличие *телепень* именно у вост.славян соответствовало бы их наиболее тесным связям с Кавказом и их особой роли в пчеловодстве уже в историческую эпоху. Не случайно, что нигде у других славян не сохранились с такой полнотой пчелиная мифология и культ, как у восточных славян. Поэтому у нас нет оснований а priori отвергать идею возможной связи указанных ареалов.

НЕСКОЛЬКО ДРЕВНИХ ЛАТИНСКО-СЛАВЯНСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ

Ниже предлагаются для обсуждения некоторые факты лексики, словообразования и этимологии, объединяющие латинский и славянский. Связь между латинским и славянским принято рассматривать в общем ряду родственных связей древних индоевропейских диалектов между собой. Насколько известно, никто не ставил вопрос о преимущественном или исключительно в древних языковых отношениях латинского и славянского. По-видимому, считается, что для этого отсутствует материал. Сама методика исследования латинско-славянских связей разработана еще недостаточно (ср. статью Я.Сафаревича об италийско-славянских языковых связях в журнале "Rocznik slawistyczny" XXIII, cz. 1, 1964, где лексический материал рассматривается по грамматическим категориям).

Нас интересуют здесь в первую очередь исключительные или преимущественные связи латинского и славянского в лексике, носящие древний характер. При этом не всегда легко провести различие между общим архаизмом и общей инновацией. В ряде случаев этот вопрос остается открытым. Обычно считается показательной для общих языковых переживаний только общая инновация, а не общий архаизм, однако в этом видна определенная недооценка условий сохранения общего архаизма; этими условиями могли быть совместность языковых переживаний, языковой контакт (ср. — на правах свободной аналогии — "теорию холодильника", Kühltischtheorie, выдвигаемую для объяснения русского оборота *земля пахатъ*, Nominativus cum infinitivo, понимаемого при этом как сохранение архаизма, ставшее возможным под финским влиянием).

Таким образом, не считая необходимым проводить навязчивое разграничение между общей инновацией и общим архаизмом, подчас затруднительное при решении вопросов большой древности, мы, естественно, отдаем себе отчет в бесспорной важности выявления общих новообразований. Из выдвигавшихся нами ранее латинско-славянских лексико-словообразовательных параллелей к совместным инновациям могут быть отнесены слав. *gornidlo (русс.-слав. *горноло*) — народнолат. (роман.) *furniculum, слав. *gornьсь (чеш. *hrnes* 'глиняный горшок' и др.) — лат. *fornix*, *fornicem* 'свод, арка', возможно, также слав. *dovigo (словин. *dvjige* 'двойное воловьё ярмо') — лат. *bīgae* мн. 'двойная упряжка'. Сюда примыкает предложенная нами в самое последнее время преимущественно латинско-славянская (с учетом осетинского) параллель слав. *mystlь 'мелкий зверек, белка-летяга' (ср. реликт *мыслию по древу* в "Слове о полку Игореве", русск. диал., псковск., *мысь* 'белка') — лат. *mūstela* 'ласка' (общая инновация или скорее общий архаизм, если учитывать реликтовый характер элемента *-tel-/-tl- < и.-е. *tel-* 'носить(ся)' в обоих образованиях; В.И. Абаев сравнил

лат. *mūstela* и осет. *mystlæg* то же, но толковал оба слова, в отличие от нас, как деминутивы).

Ниже предлагаются латинско-славянские сближения, различные по своему характеру. Первые два из них нам кажутся любопытными одной своей общей особенностью: по ним наглядно прослеживается переход от словосочетания к слову-сложению или — ретроспективно, в плане реконструкции — столь интересующий в последнее время исследователей-индоевропеистов переход от слова к древнему тексту. Лат. *vēnum dare* (*venundare*, *vendere*) 'продавать' — слав. *věno dati 'дать вено, свадебный подарок'. Этимологические словари упоминают лат. *vēnus* (*vēnum*) и слав. *věno рядом друг с другом обычно только затем, чтобы отвергнуть их родство, причем лат. *vēnum* объясняют из **vesno-*, а *věno — из *vednom. В тождестве словосочетаний *vēnum dare* — *věno dati мы видим контекстное подтверждение этимологического тождества *vēnum* = *věno. Латинское словосочетание значительно идиоматизировано, ср. его эволюцию в одно слово *vendere*. Архаизм слав. *věno dati состоит в большей свободе сочетания, в результате чего оно, кстати, слабо кодифицировано в словарях (напр., ни Даль, ни "Словарь русских народных говоров" не приводят выражения *вено датъ*, хотя оно достоверно известно, в частности, в брянских говорах русского языка).

Еще более яркий пример таких отношений (слабая идиоматизация, свободное сочетание слов-компонентов в славянском и сильная спайка компонентов, вплоть до забвения этимологии, — в латинском) мы наблюдаем в лат. *palūs, -ūdis* 'стоячая вода, болото, лужа' — слав. *pola voda (русск. *полая вода, половодье*). Из этого следует, что лат. *palūs, *pal-ūd-s* мы толкуем как родственное лат. *palam* нареч. 'открыто' (первоначальное значение последнего — 'широко распространяясь', *palam* само по себе давно признано родственным русск. *полюй*) и и.-е. **ūd-/ *ped-* 'вода'. Очевидное тождество *pal-ūd-s — *pola voda заставляет без колебания отклонить остальные этимологии латинского слова (**palū-ūd-* 'серая вода'; **peleu-d-* 'течь, течение'; сближение с лит. *balà*, ст. слав. БЛАТО и др.). Славянское словосочетание *pola voda в этимологии не нуждается, представляя само ключ к верной этимологии латинского слова. Сближение с латинским лишь наглядно показывает древность славянского сочетания слов. Лексическое значение этих форм и его реальный субстрат (низменный, плоский ландшафт, широкие разливы) могут заинтересовать историков как славянских, так и латинских древностей. Важность соответствия *pal-ūd-s — *pola voda для нас несколько не ниже от того обстоятельства, что это общий архаизм латинского и славянского. Было бы полезно изучить условия и причины его сохранения именно в этих двух ветвях индоевропейского.

Именно латинский и славянский обнаруживают такую словообразовательную категорию как прилагательные с суффиксом *-iv-* от причастий прошедшего времени страдательного залога на *-t-*, хотя до конца не ясно, общая ли это инновация или архаизм эпохи индоевропейских диалектов, поскольку здесь есть древние образования от достоверно

праиндоевропейских глаголов: лат. *dativus* - слав. *dativъ (др.-русс. *датуивый*), лат. *stativus* - слав. *stativъ (обычно только в названии ткацкого стана *stativa, *stativu), лат. *sativus* - слав. *setivъ (только субстантивированное русск. диал. *сетиво* 'лукошко, корзина для посевного зерна'), лат. *emptivus* - слав. **-qtivъ* (в сложении др.-русс. при *нтивъ*). Большая продуктивность модели в латинском (*probativus*, *laudativus*, *nativus* и т.д.) - поздняя черта.

Е.А.Хелимский

СЕЛЬКУПСКИЕ ДОПОЛНЕНИЯ К НОСТРАТИЧЕСКИМ ЭТИМОЛОГИЯМ

Находящиеся на периферии уральского языкового мира самодийские языки обладают рядом специфических черт на различных уровнях языковой структуры по сравнению с финно-угорскими языками. Многие из этих черт носят, по-видимому, весьма архаичный характер. Этим определяется необходимость и ценность широкого привлечения самодийского материала в ностратических исследованиях. Такое привлечение затруднено, однако, недостаточной полнотой грамматических описаний и имеющихся словарей самодийских языков.

С другой стороны, трудно переоценить значение ностратических исследований для самой самодистики. Многочисленные факты грамматики и лексики, которые считались ранее изолированными в силу своей несопоставимости с финно-угорскими данными, этимологизируются и по-новому интерпретируются, исходя из данных ностратики. Большое количество подобных сближений содержится в книге В.М.Иллич-Свитыча "Опыт сравнения ностратических языков".

Предлагаются некоторые дополнения к "Сравнительному словарю", основанные, в первую очередь, на материалах тазовского диалекта селькупского языка. Часть использованных лексических данных ранее не была известна и готовится в настоящее время к публикации.

Отметим, в частности, существенное подтверждение предположения В.М.Иллич-Свитыча о том, что ностр. *Ка (побудительная частица) дала первоначально и в уральском частицу, лишь впоследствии превратившуюся в грамматический формант императива или оптатива. В селькупском языке ностр. *Ка отражается как показателем 2-го л. ед. ч. императива (в тазовском диалекте -*æšjk*, в других диалектах -*ek*, -*jk*), так и вторым компонентом отрицательной частицы -*jkj*, сочетающейся с императивом. Первый компонент этой частицы (*j*-) является омертвевшей основой исчезнувшего в селькупском языке отрицательного глагола, восходящего к ностр. *ʔe.

Возведение селькуп. *ūkj* 'передний конец; клюв; нос (лодки)' непосредственно к ностр. *НоКi 'острие', в отдельных языках также 'конец' и 'стрела' является, по-видимому, более убедительным, чем сопоставление его с финно-угорским *wiŋs (у Коллиндера).

Согласно "Сравнительному словарю", в уральских языках отмечены лишь рефлексы суффиксального производного от ностр. *kami 'хватать, сжимать' - а именно, урал. *kamalz / *komarz 'горсть, пригоршня'. Самодийские языки указывают, однако, и на непосредственную рефлексию этой ностр. основы в селькупском *k̄mal*, ненецком *sevol*, койбалском *kamir*, моторском *kamir* 'обнять'.

С ностр. *golHa 'сердце', не имеющим уральских соответствий, можно сопоставить селькупское *kj* '1. середина; 2. речка', которое

может восходить к урал. *kole. В отношении семантики ср. дагур. *gole* 'центр, река' < *golHA.

Отмечены также селькупские соответствия для некоторых ностратических этимологических гнезд с параллельной рефлексацией в других уральских языках (*bongä 'толстый, вздуться'; *calu 'расщеплять, резать'; *ʔamu 'утро, дневной свет'; *käiHA 'идти, бродить'; **Kar'ä* 'кора'; *Kawingä 'подмышка').

Наличие в селькупском языке многочисленных хантыйских заимствований может послужить причиной ошибочного непосредственного введения селькупских слов к ностратическим праформам. Некоторые подобные ситуации оговорены. Следует учитывать также контакт селькупского языка с тунгусо-маньчжурскими (эвенкийским).

Помимо дополнений и замечаний, касающихся сближений между селькупским лексическим фондом и реконструируемым ностратическим, предлагается также ряд этимологических заметок, ограниченных рамками уральского материала. В некоторых случаях они позволяют уточнить фонетический облик реконструируемой уральской праформы, а также освещают закономерности уральской и самодийской исторической фонетики. Часть ранее предложенных этимологических сближений подвергается критическому пересмотру.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ К РЕКОНСТРУКЦИИ В.М.ИЛЛИЧЕМ-СВИТЫЧЕМ КОНСОНАНТНОЙ СИСТЕМЫ АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКОВ

1. В ходе историко-сравнительных фонетических исследований можно выделить ряд взаимосвязанных между собой, но в известной мере самостоятельных этапов: а) реконструкция исходного состояния отдельных фонем, опирающаяся на анализ регулярных соответствий в звуковом облике слов сравниваемых родственных языков; б) установление состава (общего числа) восстановленных прафонем; в) выявление системных отношений (опозиций) между прафонемами; г) реконструкция и анализ фонемной прасистемы; д) анализ и трактовка реконструированной системы прафонем с фонемными системами отдельных языков.

2. В области алтаистики до работ В.М.Иллича-Свитыча, посвященных проблемам сравнительно-исторической фонетики, по-существу, были пройдены лишь первых два этапа и, отчасти, третий, а именно: на основе анализа регулярных соответствий в звуковом облике лексем языков монгольских, тюркских, тунгусо-маньчжурских, а также корейского предложены реконструкции прафонем, в частности согласных, и установлено их общее число, что позволяет делать выводы и о характере их оппозиций. Что же касается восстановления консонантной прасистемы, к ней вплотную подошел лишь В.М.Иллич-Свитыч, который тщательно учел особенности возможных реконструкций отдельных прафонем языков тюркских (согласно Гомбоцу) и тунгусо-маньчжурских (по В.И. Цинциус).

3. Исследованиями алтаистов-компаративистов (Г.Рамстедт, М.Рясянен, Н.Поппе) восстанавливается разное число консонантов для начальных и других позиций в слове – в анлауте (а также в инлауте и ауслауте) – 13 (п, б, т, д, к, г, ч, ʃ, м, н, н', с, й) и, кроме того, только в остальных случаях – 5 (ң, л, л', р, р'), а всего 18 фонем.

4. Среди первых указанных согласных по своим артикуляционным особенностям выделяются 4 пары – смычные и аффрикаты, для которых характерно противопоставление по глухости – звонкости (~ силе – слабости): п-б, т-д, к-г, ч-ʃ. В эту же группу входят три сонорных носовых – м, н, н', – и два щелевых – с, й, тогда для срединных и конечных дополнительно отмечаются заднеязычный носовой ɳ и по две разновидности л (л и л' или л¹ и л²) и р (р и р' или р¹ и р²) – в связи с рефлексамми на тюркской почве соответственно в виде л, ш и р, ʃ.

5. Таким образом, согласно Рамстедту-Поппе можно сделать вывод о двучленной оппозиции общеалтайских смычных и аффрикат.

6. Однако реконструкция консонантных прафонем у Рамстедта-Поппе опирается главным образом на данные исторической фонетики

монгольских языков. В то же время системные соотношения согласных других языков, причисляемых к алтайской общности, отличны от монгольских.

7. Так, для тунгусо-маньчжурских языков вместо переднеязычных аффрикат установлены среднеязычные (аффрикативные) ч, ʃ и среднеязычный н¹. Иными словами, для тунгусо-маньчжурских смычных характерно четкое противопоставление по активному органу: губные - преднеязычные - среднеязычные - заднеязычные (п-б-м, т-д-н, ч-ʃ-н¹, к-г-ŋ). Кроме того, исследования по сравнительной фонетике тунгусо-маньчжурских языков поставили вопрос о необходимости реконструкции еще одной разновидности смычных, а именно - придыхательных; правда, это опиралось лишь на два крайних звена из четырех указанных рядов смычных - на губные и заднеязычные, тогда как передне- и среднеязычные в этом отношении на тунгусо-маньчжурском материале представляли лакуны.

8. Тем большего внимания заслуживает то обстоятельство, что корейский язык характеризуется полным составом придыхательных смычных (п^h, т^h, ч^h, к^h), последовательно противостоящих сильным (пп, тт, чч, кк) и слабым (п, т, ч, к), которые между гласными и после сонантов приобретают звонкость, т.е. аллофонами которых являются звонкие (б, д, ʒ, г). При этом все фонемы типа ч, т.е. ч^h, чч и ч/ʒ в корейском языке, как и в тунгусо-маньчжурских, относятся к среднеязычным.

9. Противопоставление придыхательных и непридыхательных смычных отмечается также и для некоторых тюркских языков, а именно в языке желтых уйгуров и саларов (Э.Тенишев). С нашей точки зрения наличие подобной оппозиции является одним из бесспорных свидетельств и важных доказательств в пользу предположения о существовании в пратюркском не менее двух типов смычных согласных - сильных и слабых (или глухих - звонких, аспирированных - неаспирированных), хотя тюркологи, ограничивающие себя только рамками тюркских языков, склоняются к мнению об отсутствии не только трехчленной, но даже и двучленной оппозиции смычных согласных (А.М.Щербак).

10. В.М.Иллич-Свитыч пришел к выводу о возможности реконструкции консонантной прасистемы алтайских языков с тройной оппозицией губных п^h - п-б, переднеязычных т^h - т - д и заднеязычных к^h - к - г. Нам представляется, что данные корейского языка позволяют подключить к этой же серии среднеязычные ч^h - ч - ʒ. Если же учесть состав носовых согласных, то, по существу, следует говорить о возможности реконструкции четырехрядного состава согласных праалтайской исходной системы, стройность которой нарушается неполнотой коррелятивности плавных л и р, а также шелевых с и й, поскольку остальные шелевые должны рассматриваться как вторичные, развившиеся из смычных (см. таблицу).

Таблица

Праалтайская система согласных
(реконструкция)

	Смычные			Носовые	Плавные	Шелевые	Шелевые вторичные	
	I	II	III	IV	V	VI		
1. Губные	п ^h	п	б	м			(ф)	(в)
2. Переднеязычные	т ^h	т	д	н	л	р	с	(ш)(θ)(э)(ж)
3. Среднеязычные	ч ^h	ч	ʒ	н ¹		й		
4. Заднеязычные	к ^h	к	г	ŋ			(х)	(χ)
5. Увулярные	(к ₃)			(г ₃)				(х ₃)
6. Фарингальные								(ф ₃)

ОБ ОТРАЖЕНИИ НЕКОТОРЫХ РЯДОВ НОСТРАТИЧЕСКИХ СОГЛАСНЫХ В ХЕТТОЛУВИЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Хеттский язык сохранил многие архаичные черты, дошедшие от ностратического состояния и утраченные другими индоевропейскими языками (или их большинством). Так, в хеттском сохранилось окончание инструментала *-it*, утраченное остальными индоевропейскими языками, запретительная частица *!ē*, основа демонстратива **mo* (ср. лик. *me* 'вот'; ср. еще кельтские языки), ряд ностратических корней. В ряде случаев архаизмы засвидетельствованы не в самом хеттском, а в других хеттолувийских языках, в частности, поздних: очень архаичен ликийский язык, особенно его диалект Б (=миликийский).

В некоторых случаях (особенно когда речь идет о фонетике) неясно, сохранился ли в хеттском тот или иной архаизм, ибо ответ на этот вопрос затруднен особенностями хеттской графики. В таких случаях можно обратиться к "буквописным" хеттолувийским языкам. Так, в ликийском Б, по-видимому, сохранилось ностратическое противопоставление "ларингалов" и смычных, давших в индоевропейских языках "ларингалы" же (имеются в виду ностратические смычные **q* и **g*, по Иллич-Свитычу). "Ларингалы" рефлектировали в ликийском Б в *q, x* (реже *-g*; очевидно, звонкий спирант [γ]), указанные выше ностратические смычные — в *q* (обозначение условно: лик. *q* — спирант, сходный с *x*; в ликийском А спирант *q* вытесняется посредством *x*; в самом ликийском Б наблюдается начало этого процесса).

Приведем примеры, число которых может быть умножено:

Лик. Б *qñt-* (реже *xñt-*; лик. А *xñt-*) 'перед, вести': хет. *hant-* 'перед' и др.: ностр. *qant-* 'перед' (для индоевропейского состояния Иллич-Свитыч сохранил традиционную реконструкцию **Hent-*, не исключено однако, что гласный *a* восходит — в хет. *hant-* и др. языках — непосредственно к ностратическому **a*, т.е. имеем и.-е. **Hant-*).

Лик. Б *qtti-*: лик. А *xtta-*: хет. *hattai-* 'бить': ностр. *qaṭ-* (возможно, сюда же лик. Б *qidri-*: хет. *hatrai-* 'einmeisseln').

Лик. Б *qiqle-*: лик. А *klai-*: хет. *hallai-* "преклонять колени": ностр. **qal* (и.-е. **Hel-*) 'нижний' (хеттско-индоевропейско-ностратическое соответствие предложено Иллич-Свитычем).

В эту же рубрику (ностр. *q*) входит, очевидно, и лик. Б *qre-* 'бить', 'топтать'; ср. хет. *har-* и др. Неясно, есть ли в ностратическом соответствии индоевропейского **Hén-/*Hon-* 'tadeln' (ср. хет. *hanna-* 'судить'); первоначальное значение, очевидно, было иным; в ликийском находим *qān-* (с вариантом *qas-*, очевидно с *a* из *n*; аналогично в хеттском): в ностратическом соответствующий корень должен начинаться с **q* (или **g*), если, конечно, наши изложенные выше соображения верны. Начальное *q* имеет в ликийском Б также корень *qzz-/qez-* (но и *xzz-/hez-*) 'рождать' (хет. *has-*) и некот. др. Ряд корней включает *q* в качестве неначального элемента.

Некоторые примеры корней с *x*: лик. Б *xuga* 'дед' (=лик.А) *kba-* 'fügen': хет. *hap-*; *masxḫm* 'Wohlstand': хет.-лув. **mashanna-* представлено в иерогл. лув. *mashan-* 'fördern'; лик. Б *ñqre* (обозначение лица) и др. Некоторые из этих слов имеют индоевропейскую этимологию, некоторые ее не имеют (в ряде случаев перед нами заимствования: ср. лик. Б *xbadi-*: хет. *hapati-* 'слуга'). В подавляющем большинстве случаев миликийские основы оказываются однако архаичными, индоевропейскими и должны получать дальнейшую интерпретацию на ностратической почве. Если изложенное верно, то различия между указанными двумя рядами ностратических согласных отражены в ликийской фонетике и графике и очевидно в хеттской и лувийской фонетике, но не в графике.

КАВКАЗСКО-ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ
ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ СХОЖДЕНИЯ

1. В языках нахско-дагестанской языковой семьи различается не менее трех серий шумных смычных согласных: глухие ненапряженные придыхательные, звонкие ненапряженные, глухие глоттализированные не-придыхательные. Третья серия оказывается дефектной в лабиальном ряду.

2. Такие же три серии имеются в консонантизме двух других кавказских языковых семей (абхазско-адыгской и картвельской), а также семитохамитских языках: айсорском (восточном новоарамейском), абиссинских, восточнокушитских, хауса. В других семитохамитских языках (арабском, сирийско-новоарамейском, берберском) третья серия представлена не глоттализированными, а фарингализованными или веларизованными согласными. При этом в большинстве древних и новых семитохамитских языков третья (так называемая "эмфатическая") серия также оказывается дефектной в лабиальном ряду.

3. В некоторых северноармянских диалектах различается три серии шумных смычных согласных: глухие ненапряженные придыхательные, звонкие (или полувзвонкие) ненапряженные, глухие глоттализированные. В большинстве армянских диалектов третья серия представлена не глоттализированными, а напряженными непридыхательными согласными.

4. Эти три армянские серии восходят к трем сериям общеиндоевропейского праязыка. Третья индоевропейская серия, этимологически соответствующая армянским глухим непридыхательным, была, подобно нахско-дагестанским и семитохамитским, дефектной в лабиальном ряду. Из этого можно заключить, что армянский язык в основном сохраняет структуру серий общеиндоевропейского праязыка, которая имела типологическое сходство с кавказскими и семитохамитскими языками.

5. Три серии шумных согласных имеются в некоторых новых индоевропейских языках, расположенных в основном близ зоны древних контактов* с "трехсерийными" кавказскими или семитскими языками: восточнодардские, парачи, восточнобелуджский, курдский, осетинский, цаконский; три серии были и в древнегреческом языке.

6. Материал греко-семитских, греко-грузинских, греко-армянских заимствований показывает, что греческие глухие непридыхательные были фонологически близки к семитской, кавказской и армянской

*Примечательно, что в области этих древних зон обнаружены первые памятники индоевропейских языков, а в халколитическую эпоху здесь находились исходные центры миграций скотоводческо-земледельческих культур.

третьей серии, греческие придыхательные — к первой серии, а греческие звонкие — ко второй серии. Следовательно, в греческом языке произошло передвижение согласных: глухие напряженные непридыхательные этимологически соответствуют армянским индоевропейским ненапряженным, греческие глухие ненапряженные придыхательные — индоевропейским звонким (отраженным как звонкие придыхательные в древнеиндийском языке и в южноармянских диалектах), греческие звонкие — армянским и индоевропейским глоттализированным или напряженным.

7. Приложение. Примеры фонологического схождения греческих, армянских, грузинских и семитских серий согласных:

Фонологическая характеристика	Греческий язык	Армянский язык	Грузинский язык	Семитохамитские языки
I. Глухие ненапряженные придыхательные	λίβιθ ἄσθ'αρα ὄθη "страх" ζύθος "пиво" καθολικός	kat'olikos "вселенский патриарх"	kat'olikos	хан. libittu "черепичная мастерская" ištar егип. ḥt', -t егип. jt "ячмень"
II. Звонкие (иногда придыхательные) ненапряженные	βέλεθ σόβαθ Δημίτριος μαργαρίτης "жемчуг"		margaliti	bêlet "госпожа" šubat "местожительства" акк. Dimiṭirisu

ТРИ РЯДА ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ГУТТУРАЛЬНЫХ
И ТИПОЛОГИЯ КОНСОНАНТИЗМА ИНДОИРАНСКИХ ЯЗЫКОВ

Фонологическая характеристика	Греческий язык	Армянский язык	Грузинский язык	Семитохамитские языки
III. Глухие глотализованные или фарингализованные напряженные непридыхательные	Ἠρακλείδης ὄρκος "клятва" τελευτή ἐκκλησία κύριος καλάμην	teleti "праздник посвящения" kir "господин"	 eklesia "церковь" kalami "пишущее перо"	акк. <i>Eraqlidi</i> егип. <i>ṛk</i>

В работах ряда индоевропеистов, оспаривающих возможность постуляции в индоевропейской модели трех рядов гуттуральных, распространено утверждение, что все три ряда не засвидетельствованы ни в одном из индоевропейских языков. Между тем по крайней мере в трех из живых индоиранских языков налицо троичные оппозиции согласных типа "простой" ~ палатализованный ~ лабиализованный; в язгулямском языке эта оппозиция охватывает именно заднеязычный (гуттуральный) ряд, в языке кати — переднеязычные шиплящие, в кашмири — практически всю систему консонантизма. Тем самым во всяком случае два языка — язгулямский и кашмири — показывают типологическую параллель трем рядам индоевропейских гуттуральных (кашмири, кроме того, и трем и.-е. ларингальным). При этом простые и палатализованные в синхронии обладают, как правило, большим позиционным диапазоном и частотностью, чем лабиализованные. Не исключено, что именно такая система была и в реконструируемом состоянии индоевропейского.

Помимо типологии троичной оппозиции согласных в синхронии, живые индоиранские языки дают материал для наблюдений над изменением согласных этих рядов в диахронии, что может пролить свет на аналогичные процессы перестройки индоевропейской троичной системы. Характерно, что типы изменения простых наиболее зависимы от фонетических условий, создающих весьма различные позиционные варианты и, следовательно, различные их рефлекссы.

Палатализованные, как правило, стремятся сохранить палатализацию; выпадая из системы, они оставляют обычно довольно отчетливые рефлекссы в виде аффрикат или "продвинутых" шелевых и смычных. Простая депалатализация и совпадение их с простыми редки.

Лабиализованные сравнительно устойчивы в начале и середине слова, неустойчивы в исходе. Выпадая из системы, они, как правило, совпадают с простыми, передавая лабиализацию соседним гласным или теряя ее бесследно; несравненно реже губной фокус берет перевес, и лабиализованные переходят в лабиальные. Поэтому лабиализованные зачастую не могут быть прослежены по рефлексам в современных языках даже тогда, когда традиционная орфография указывает на их сравнительно недавнее наличие (персидский, таджикский, кашмири).

Такое различие в последующем развитии простых, палатализованных и лабиализованных легко объясняется принципиальным различием их артикуляционных характеристик и прослеживается далеко не только в индоиранских языках (ср., напр., абхазско-адыгские), являясь если не фонологической универсалией, то во всяком случае фреквенталией.

Вывод. Система простых реконструируется по рефлексам их позиционных вариантов. Ясно различимые рефлекссы палатализованных позволяют довольно уверенно постулировать палатализованный ряд в прасистеме.

Отсутствие же отчетливых рефлексов лабиализованных, противопоставленных рефлексам простых, вполне естественно и не является основанием для отрицания лабиализованного или простого ряда в той же прасистеме. Наоборот, даже самые скудные данные, которые можно трактовать как различие рефлексов простых и лабиализованных, нуждаются во внимательном рассмотрении как факты, свидетельствующие в пользу синхронного наличия в прасистеме и простого, и лабиализованного рядов.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Андреев Н. Д. (Ленинград). Особенности структуры индоевропейского корня и чередование индоевропейских гуттуральных.....	6
Вернер Г. К. (Таганрог). Индоевропейско-енисейские типологические параллели.....	7
Гамкрелидзе Т. В. (Тбилиси). О соотношении смычных и фрикативных в фонологической системе (К проблеме маркированности в фонологии)	10
Гамкрелидзе Т. В. (Тбилиси), Иванов В. В. (Москва). Лингвистическая типология и реконструкция системы индоевропейских смычных.....	15
Гамкрелидзе Т. В. (Тбилиси), Иванов В. В. (Москва). Проблема определения первоначальной территории обитания и путей миграции носителей диалектов общеиндоевропейского языка...	19
Герценберг Л. Г. (Ленинград). О ностратической гипотезе....	24
Гиндин Л. А. (Москва). Рефлексы и.-е. *d(e)jēu- в фракийских языковых реликтах.....	25
Головастик А. Н., Долгопольский А. Б. (Москва). Реконструкция чукотско-корячских корней и ностратические этимологии	27
Джамшедов П. (Душанбе). О глагольных грамматических значениях при сопоставлении и сравнении языков.....	31
Долгопольский А. Б. (Москва). Опыт реконструкции общеностратической грамматической системы. А. О системе служебных и местоименных слов. Б. О ностратическом синтаксисе: реконструкция порядка слов.....	32
Дыбо В. А. (Москва). Об уральском вокализме	35
Дыбо В. А. (Москва). О рефлексах индоевропейского ударения в индоиранских языках. А. О рефлексах индоевропейского ударения в дардских языках. Б. О следах индоевропейского ударения в йидга.....	38
Дьяконов И. М. (Ленинград). Проблема протоафразийской глагольной системы.....	45

Зализняк А.А. (Москва). Из древнеиндийской морфологии. I. О различии морфологического и фонологического слова в древнеиндийском. II. Фонологические уровни в описании древнеиндийского языка. III. Роль вторичной тематизации в образовании основ презенса в древнеиндийском.....	50
Захаров А.К. (Москва). О предполагаемом значении некоторых ностратических слов, обозначающих общественные, в частности, родственные отношения.....	53
Иванов Вяч.Вс. (Москва). Сравнение поверхностных и глубинных синтаксических структур как метод реконструкции общеиндоевропейского и раннеобшеславянского синтаксиса.....	55
Иоффе В.В. (Ростов-на-Дону). Происхождение и развитие категории рода в праиндоевропейском языке.....	58
Калыгин В.П. (Ленинград). Словообразование и семантическая реконструкция.....	59
Келлерман Г.М. (Москва). Древнехеттская и западноностратические глагольные системы (К типологии апофонии).....	60
Климов Г.А. (Москва). Типология языков активного строя и реконструкция протоиндоевропейского.....	62
Палмайтис Л. (Вильнюс). Личные местоимения в связи с вопросом реконструкции бореальной грамматической системы.....	63
Панова Н.С., Долгопольский А.Б., Порхомовский В. Я. (Москва) Центральночадские фонемы и этимология центральночадских корней в свете данных внешнего сравнения.....	64
Перельмутер И.А. (Ленинград). Индоевропейские глагольные основы с исходом на долгий гласный.....	66
Ревзин И.И. (Москва). Семантика праславянского и индоевропейского родительного в свете гипотезы Бенвениста.....	68
Смирницкая С.В. (Ленинград). К вопросу о грамматикализации индоевропейских приглагольных частиц.....	71
Старостин С.А. (Москва). К проблеме реконструкции праапонской фонологической системы.....	72
Стеблин-Каменский И.М. (Ленинград). Рефлексы индоевропейского ударения в ваханском.....	75
Терентьев В.А. (Москва). Ностратическое название указательного пальца.....	77
Топоров В.Н. (Москва). *Tel-p-n, *tal-p-n в свете ностратической перспективы.....	78
Трубачев О.Н. (Москва). Несколько древних латинско-славянских параллелей.....	82
Хелимский Е.А. (Москва). Селькупские дополнения к ностратическим этимологиям.....	85

Цинциус В.И. (Ленинград). Некоторые замечания к реконструкции В.М. Илличем-Свитычем консонантной системы алтайских языков.....	87
Шеворошкин В.В. (Москва). Об отражении некоторых рядов ностратических согласных в хеттолувийских языках.....	90
Широкоев О.С. (Москва). Кавказско-индоевропейские фонологические схождения.....	92
Эдельман Д.И. (Москва). Три ряда индоевропейских гуттуральных и типология консонантизма индоиранских языков.....	95

Конференция по сравнительно-исторической
грамматике индоевропейских языков

(12 - 14 декабря)

Предварительные материалы

Книга издана офсетным способом

Подписано в печать 16/IX-72 г. Формат 60x90 1/16
Усл.-печ. л. 6,25 Уч.-изд. л. 5,95 Тираж 400
Бумага офсетная № 2 Цена 42 коп. Тип зак. 1539

Издательство "Наука". 103717 ГСП,
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21.

1-я типография издательства "Наука"
Ленинград, В-34, 9-я линия, д. 12.